

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК

Владычица Озера

Иллюстрации Дениса Гордеева

Сапковский с иллюстрациями

Анджей Сапковский
Владычица Озера

«Издательство АСТ»

1999

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Владычица Озера / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
1999 — (Сапковский с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-104303-2

Цири, наследница трона Цинтры, наследница Старшей Крови. Ты привыкла убегать. От войны. От наемных убийц. От жуткого Лео Бонарта, идущего по твоему следу. От бездушного Народа Ольх. Ускользать в последний момент, на пределах сил – через страны, миры и даже через само время. Но от кого ты бежишь на самом деле, Дитя Предназначения? И где окончится твой путь? Может, на залитых кровью ступенях замка Стигга, где ты будешь сражаться за тех, кого любишь больше всего на свете? Или на берегу озера, укутанного непроницаемым пологом тумана? Да и есть ли вообще конец этому пути? Ведь когда что-то заканчивается – что-то начинается... Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Седьмая книга из цикла «Ведьмак» впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-104303-2

© Сапковский А., 1999

© Издательство АСТ, 1999

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	41
Глава четвертая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Анджей Сапковский
Ведьмак. Владычица Озера

Andrzej Sapkowski
Pani Jeziora

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1999

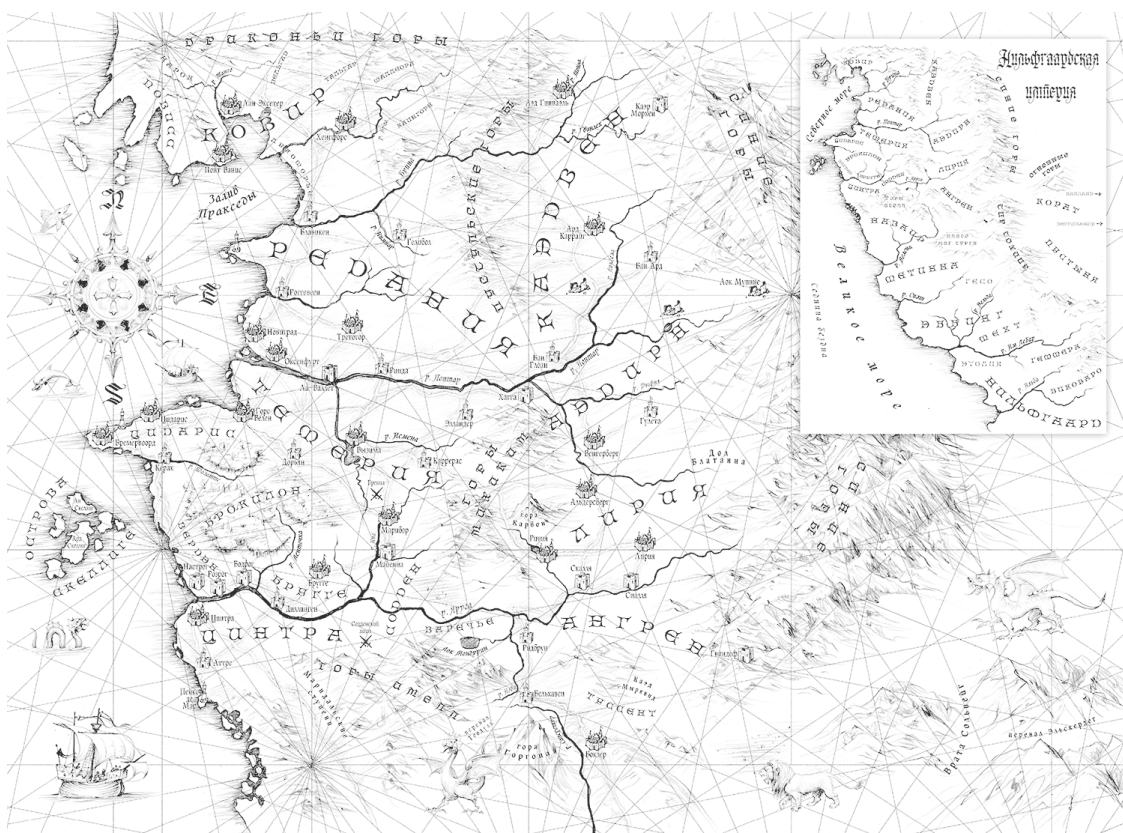
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*We are such stuff
As dreams are made on, and our little life
Is rounded with a sleep.*

William Shakespeare

Глава первая

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое, а посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

– Глядите, – сказал Мерлин, – вон меч, о котором говорил я.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

– Кто эта дева? – спросил Артур.

– Это Владычица Озера, – отвечал Мерлин.

Томас Мэлори

Смерть Артура

Озеро было зачарованным. Вне всяких сомнений.

Во-первых, лежало оно совсем рядом с зачарованной долиной Ким Пикка, долиной таинственной, вечно затянутой туманом, славною своими чарами и магическими явлениями.

Во-вторых, достаточно было одного только взгляда.

Водная гладь – глубоко, сочно, незамутненно голубая, словно отшлифованный сапфир. До такой степени зеркально-голубая, что отраженные в ней вершины И Виддфа были прекраснее самих вершин. С озера веял прохладный живительный ветерок, и благословенной тишины не нарушали ни плеск рыбы, ни крик птицы.

Рыцарь тряхнул головой, пытаясь избавиться от охватившего его волнения, но вместо того, чтобы продолжать путь по вершинам предгорных холмов, направил коня к озеру – словно влекомый силою магических чар, дремлющих там, внизу, на дне, в бездне вод. Конь пугливо ступал по каменному крошеву, тихим похрапыванием давая знать, что и он чувствует магическую ауру.

Спустившись вниз, к самому берегу, рыцарь соскочил с коня и, ведя его за трензеля, подошел к кромке воды, где мелкая волна плескалась среди разноцветных окатышей.

Поскрипывая кольчугой, опустился на колени, распугал мальков и юрких рыбешек, малюсеньких, словно иголки, набрал воды в сложенные горстью ладони. Он пил медленно, осторожно – от льдисто-холодной воды немели губы и язык, заходились зубы.

Когда он вновь зачерпнул воду, до него долетел звук, как бы разлившийся по поверхности озера. Он приподнял голову, конь захрапел, словно давал знать, что слышит и он.

Рыцарь прислушался. Нет, не показалось. Это были звуки пения. Пела женщина, скорее даже – девушка.

Рыцарь, как и всякий рыцарь, воспитывался на песнях бардов и рыцарских романах. А в них в девяти случаях из десяти девичьи песни либо стоны оказываются приманкой, а спешащие на помощь или же на выручку рыцари пренебреженно попадают в ловушки. Нередко смертельные.

Однако любопытство взяло верх. В конце концов, рыцарю-то ведь было всего-навсего девятнадцать годков. Он был зверски смел и чрезвычайно безрассуден. Отличался одним и славился другим.

Проверив, хорошо ли ходит в ножнах меч, он потянул коня туда, откуда доносилось пение. Впрочем, далеко идти не пришлось.

Берег был усеян большими скатившимися со склонов камнями – темные, отполированные до блеска, прямо-таки игрушки великанов, неряшливо брошенные или же просто забытые после окончания игры, они лежали в воде, темнели под прозрачным зеркалом вод, кое-где выступали над поверхностью, омываемые волной, словно спины левиафанов. Множество камней виднелось и на берегу – от самой кромки и до опушки леса. Часть их была погружена в

песок, лишь немного выступая наружу, предоставляя зрителю домысливать, сколь велики они в действительности.

Из-за этих-то прибрежных валунов и доносилось пение, которое слышал рыцарь. А самой девушки видно не было. Рыцарь толкнул коня, держа его за мундштук, чтобы не ржал и не храпел.

Одежда девушки лежала на валуне, погруженном в воду и плоском, как стол. Сама певунья, стоя по пояс в воде, мылась, плескаясь и напевая. Слов рыцарь не понимал.

И неудивительно.

Девушка – он мог бы побиться об заклад – не была человеком из крови и плоти, о чем свидетельствовало тоненькое тело, странный цвет волос, голос. Рыцарь был уверен: если она повернется, он увидит огромные миндалевидные глаза. А если отбросит пепельные волосы, под ними, несомненно, приоткроются острые ушки.

Да, это обитательница Faerie, страны чар. Волшебница. Одна из Tylwyth Teg. Из тех, которых пикты и ирландцы называли Daoine Sidhe, Народом Холмов, а саксы – эльфами.

Девушка на мгновение перестала напевать, погрузилась по горлышко, зафыркала, закашлялась и обыкновеннейшим манером ругнулась. Однако рыцаря это не обмануло. Волшебницы, как известно всем, умеют ругаться по-человечески. Порой – не хуже сапожников. И очень даже часто ругань бывает лишь прелюдией к какому-нибудь зловредному фокусу, страстью к которым ворожейки славились: например, раздуть человеку нос до размеров семенного огурца либо уменьшить его мужескость до величины горошины.

Ни то, ни другое рыцаря не привлекало. Он уже совсем было собрался потихоньку ретироваться, когда его выдал конь. Нет, его конь, верховой, удерживаемый за ноздри, вел себя прилично и тихо, как мышь под метлой. Его выдала лошадь волшебницы, вороная кобыла, которую рыцарь вначале не заметил среди валунов. Жеребец дернул мордой и, будучи скотиной благовоспитанной, ответил. Да так, что эхо пошло по воде.

Волшебница выскочила из воды, продемонстрировав рыцарю все свои ласкающие глаз прелести, и тут же метнулась к камню, на котором лежала одежда. Однако вместо того, чтобы схватить какую-нибудь тряпку и скромно прикрыться, схватила ножны и на удивление ловко вытянула из них меч. На все ушло лишь мгновение, после чего она то ли пригнулась, то ли присела, скрывшись под водой по самый нос, и выставила над водной гладью вытянутую руку с мечом.

Рыцарь вроде бы немного пришел в себя, бросил поводья и, преклонив колено, опустился на влажный песок. Теперь он наконец понял, с кем его свела судьба.

– Пребывай в здравии, – забормотал он, протягивая руки. – Великая сие честь для меня... Великое отличие, о Владычица Озера. Меч сей приму...

– А может, поднимешься с колен и отвернешься? – Волшебница выставила над водой губы. – Может, перестанешь болтать и пялиться и позволишь мне одеться?

Волшебницам не противоречат.

Он слышал плеск воды, когда она выходила на берег, слышал шелест одежды, слышал, как она потихоньку ругается, натягивая рубашку на мокрое тело. Он рассматривал вороную кобылу с гладкой, блестящей, как кротовья шубка, шерстью. Лошадь, несомненно, была чистейших кровей и, конечно, быстрая как ветер. И – конечно же – заколдованная. И стало быть – столь же несомненно, обитательница Faerie, как и ее хозяйка.

– Можешь повернуться.

– Владычица Озера...

– И представиться.

– Галахад из Каэр Бенина. Рыцарь короля Артура, властителя замка Камелот, владыки Теплого Края, а также Думнонии, Дифнита, Повиса, Диффида...

– А Темерия, – прервала она, – Редания, Ривия, Аэдирн, Нильфгаард? Эти названия тебе о чем-нибудь говорят?

– Нет. Никогда таких не слышал.

Она пожала плечами. В руке у нее, кроме меча, были ботинки и курточка, выстиранная и отжатая.

– Так я и думала. А какой у нас теперь день года?

– Сейчас... – Безмерно пораженный, он раскрыл рот. – Второе полнолуние после Бельтайна... Владычица...

– Цири, – закончила она машинально, вертя руками, чтобы лучше расправить одежду на высыхающем теле. Она говорила странно, глаза у нее были зеленые и большие...

Типично женским движением она отбросила влажные волосы, и рыцарь невольно вздохнул. И не только потому, что ухо оказалось самым обыкновенным, человеческим, не эльфийм, а потому скорее, что щека ее была обезображена некрасивым шрамом. Ее ранили! Но позвольте, разве можно ранить волшебницу?

Она заметила его взгляд, прищурилась, сморщила нос.

– Да, шрам! – сказала она со своим удивительным акцентом. – Чего ты испугался? Неужто шрам для рыцаря такая уж редкость? И такое уродство?

Медленно, обеими руками он снял кольчужный капюшон, откинул волосы.

– Дело и верно неудивительное... для рыцаря, – сказал он не без юношеской заносчивости, демонстрируя собственный, едва затянувшийся шрам, идущий от виска к скуле. – А уродливы только шрамы на чести... Я – Галахад, сын Ланселота Озерного и Элейны, дочери короля Пеллеса, хозяина Каэр Бенина. Рану эту мне нанес гнусный осквернитель дев Бреунис Безжалостный, прежде чем я повалил его в честном поединке. Поэтому, поверь, я действительно достоин получить меч из рук твоих, о Владычица Озера.

– Не поняла.

– Меч. Я готов принять его.

– Это мой меч. Я никому не позволю к нему прикоснуться.

– Но...

– Что «но»?

– Владычица Озера, когда... Она же всегда выныривает из вод и одаряет мечом.

Девушка немного помолчала, потом сказала:

– Понимаю. Как говорится, что ни страна, то обычай. Сожалею, Галахад, или как там тебя, но ты налетел не на ту Владычицу. Я ничего не раздаю. Ничем не одариваю. И не позволяю у себя отбирать. Чтобы все было ясно.

– Но ведь, – расхрабрился Галахад, – ты, Владычица, прибыла из Faerie? Разве нет?

– Я прибыла... – Она ненадолго умолкла, а ее зеленые глаза, казалось, устремлены в пучины пространства и времени. – Прибыла из страны Ривии, из города с таким же названием. От озера Лок Эскалотт. Я приплыла сюда в лодке. Стоял туман. Я не видела берегов. Слышала только ржание Кэльпи... моей кобылы, которая вначале бежала следом за мной.

Она снова раскинула влажную еще курточку на камне, а рыцарь снова вздохнул. Курточка была выстирана, но не вполне. На ней все еще проступали кровавые подтеки.

– Меня принесло сюда течение реки, – начала девушка, либо не видя, что он заметил кровь, либо притворившись, будто не видит. – Течение реки и волшебство единорога... Как называется это озеро?

– Не знаю, – признался он. – Важно, что оно в Гвинедде...

– Гвинедде?

– Само собой. Вон те горы – это И Виддфа. Если держаться правее и ехать лесами, то через два дня доберешься до Динас Диллеу, а дальше – до Каэр Даталя. А река... Ближайшая называется...

– Не имеет значения, как называется ближайшая река. Нет ли у тебя чего-нибудь перекусить, Галахад? Я подыхаю с голоду.

– И что ты уставился? Боишься – исчезну? Унесусь в просторы вместе с твоим сухарем и телячьей колбасой? Не бойся. В моем собственном мире я малость набедокурила и запуталась в Предназначении, так что временно мне нежелательно там появляться. Придется немного побыть в твоём... В мире, в котором ночью не отыщешь на небе ни Дракона, ни Семь Коз. В котором сейчас второе полнолуние после Беллетэйна, а само слово «Беллетэйн» произносят как «Бельтайн». Ну, чего ты, спрашиваю, пялишься?

– Я не знал, что волшебницы умеют кушать.

– Волшебницы, чародейки и эльфы – все умеют кушать. Правильнее сказать – есть. Потребляют пищу. Пьют и, как говорится, тэ-дэ и тэ-пэ.

– Не понял. Что тэ-пэ?

– Не важно.

Чем внимательнее он ее рассматривал, тем больше рассеивалась аура необычности и тем более человеческой, что ли, нормальной и даже обычной она становилась. Однако он понимал, что она не такая и такой быть не может. Обыкновенные девушки не встречаются у подножий И Виддфа в окрестности Ким Пикка, не купаются нагишом в горных озерах и не отстирывают окровавленную одежду. Независимо от того, как эта девушка выглядит, земным существом она быть не может... И однако же Галахад уже совершенно свободно и без благоговейного страха глядел на ее мышиного цвета волосы, в которых теперь, когда они подсохли, к его удивлению, заблестели серебристо-белым прядки седины. На ее тонкие руки, небольшой носик и бледные губы, на ее мужскую одежду немного странного покроя, сшитую из тонкой ткани с непривычно плотным плетением. На ее покрытый удивительным орнаментом странных очертаний меч, который тем не менее отнюдь не выглядел парадным оружием. На ее бледные ступни, облепленные высохшим песком.

– Для ясности, – проговорила она, потирая ступню о ступню, – я не эльфка, а чародейка, то есть волшебница – правда, немного нетипичная. Впрочем, пожалуй, я и не чародейка вовсе.

– А жаль, слово чести!

– Чего тебе, как ты говоришь, жаль?

– Говорят... – Он покраснел и запнулся. – Говорят, что чародейки, ежели им случается повстречать юношей, ведут их в Эльфланд, Страну Эльфов, и там... под ореховым кустом, на ковре из мхов, велят себя ублажать...

– Понимаю. – Она быстро глянула на него, потом отгрызла солидный кусок колбасы. – Что касается Страны Эльфов, – сказала она, проглатывая колбасу, – так некоторое время тому назад я оттуда сбежала, и у меня нет ни малейшего желания возвращаться туда. Что же до ублажения на ковре из мхов, да еще и под ореховым кустом, то, по правде говоря, Галахад, ты налетел не на ту, что надо, Владычицу. Тем не менее искренне благодарю за добрые намерения.

– Владычица! Я же не хотел тебя оскорбить...

– Не оправдывайся.

– Все из-за того, – пробормотал он, – что ты до невозможности красива.

– Еще раз благодарю. Но это ничего не меняет.

Помолчали. Было тепло. Стоящее в зените солнце приятно нагрело камни. Слабый ветерок рябил поверхность озера.

– Что означает... – неожиданно заговорил Галахад странно возбужденным голосом. – Что означает пика с окровавленным наконечником? Что означает и почему страдает король с пробитым бедром? Что означает дева в белом, несущая Грааль, серебряную чашу?

– А кстати, – прервала она, – ты вообще-то как себя чувствуешь?

– Но я же только спросил...

– Я не понимаю твоего вопроса. Это какой-то пароль? Сигнал, по которому распознаются посвященные? Будь добр, разъясни.

– Не сумею.

– Так чего же спрашиваешь в таком случае?

– А потому как... ну... – Его заело. – Ну, в общем... Один из наших взял, да и не спросил, хоть и выпал случай. То ли язык проглотил, то ли устыдился чего-то. Не спросил, вот и свалилась на него куча неприятностей. Так теперь уж мы всегда спрашиваем. На всякий случай.

– Слушай, в твоём мире есть чародеи? Ну, понимаешь, такие люди, которые занимаются магией. Маги. Ведуны, значит.

– Есть Мерлин. И Моргана. Но Моргана – дрянь в общем-то.

– А Мерлин?

– Так, средний.

– Знаешь, где его найти?

– А как же! В Камелоте. При дворе короля Артура. Я как раз туда направляюсь.

– И далеко это?

– Отсюда до Повиса, по реке Гафрен, потом по течению реки до Глевума к Морю Сабрины, а оттуда уж близко до равнин Теплого Края. На все вместе дней этак десять набегит.

– Далековато, однако.

– Можно, – задумался Галахад, – сократить малость, если поехать через Ким Пикка. Но это заколдованная долина. Там страшновато. Там живут Y Dypn Teg, зловредные карлики.

– А меч у тебя для чего? Для фасону?

– А что мечом супротив карлов-то сделаешь?

– Сделаешь-сделаешь, не бойся. Я – ведьмачка. Слышал когда? Э, ясное дело, не слышал. А твоих карлов я не боюсь. У меня среди краснолюдов уйма знакомых.

«Это уж точно», – подумал Галахад.

* * *

– Владычица Озера?

– Меня зовут Цири. И не называй меня Владычицей Озера. У меня это вызывает неприятные ассоциации. Неприятные и скверные. Так меня называли в Стране... Как ты назвал ту страну?

– Faerie, или, как говорят друиды, Аннуин. А саксы – Эльфланд.

– Эльфланд? – Она накинула на плечи полученный от него клетчатый пиктовский плед. – Знаешь, я бывала там. Вошла в Башню Ласточки и – трам-тарарам – оказалась среди эльфов. А они именно так меня называли – Владычица Озера. Мне вначале даже нравилось. Лыстило. Пока я не поняла, что в том краю, в той башне и над тем озером никакая я не Владычица, а обыкновенная пленница.

– Уж не там ли, – не выдержал Галахад, – ты испачкала одежду кровью?

Она долго молчала. Наконец ответила:

– Нет, – и ему показалось, что голос у нее слегка дрогнул, – не там. А у тебя острый глаз. Ну что ж, от правды не убежишь, голову в песок прятать нет резону. Да, Галахад. Последнее

время я пачкалась частенько. Кровью врагов, которых убивала. И кровью близких, которых пыталась спасти... И которые умирали у меня на руках... Почему ты так на меня смотришь?

– Не знаю, кто ты – богиня или смертная... Но ведь ты обретаешься на грешной земле.

– Будь добр, ближе к делу.

– Я хотел бы, – у Галахада разгорелись глаза, – услышать твою историю. Не соблаговолишь ли ты, Владычица, поведать ее?

– Слишком долго рассказывать.

– У нас есть время.

– И не очень хорошо она заканчивается.

– Не верю.

– Почему?

– Ты пела, когда купалась в озере.

– А ты наблюдателен. – Цири повернулась к нему, стиснула губы, а ее лицо вдруг сморщилось и стало совсем некрасивым. – Да, ты наблюдателен. Но очень наивен.

– Поведай мне свою историю. Пожалуйста.

– Ну что ж, – вздохнула она. – Пусть так, коли хочешь... Расскажу.

Она уселась поудобнее. Он тоже. Лошади гуляли на опушке леса, пощипывали траву.

– С начала, – попросил Галахад. – С самого начала...

– Эта история, – заговорила она после недолгого молчания, плотнее кутаясь в плед, – все больше кажется мне историей без начала. И я вовсе не уверена в том, что она закончилась. Понимаешь, в ней жутко перемешались и переплелись прошлое с будущим. Некий эльф сказал мне, что она похожа на змея, который ухватился зубами за собственный хвост. Имя этого змея тебе полезно знать – Уроборос. А то, что он грызет собственный хвост, означает, что кольцо замкнулось. В каждом миге таится прошлое, настоящее и будущее. В каждом мгновении – вечность. Понимаешь?

– Нет.

– Не беда.

Глава вторая

Истинно говорю вам, кто верит снам, тот подобен человеку, что тщится поймать ветер или ухватить тень. Прельщается зыбкими отражениями, зеркалом кривым, которое лжёт либо вещает вздор на манер жёнищины рожающей. Воистину глуп тот, кто миражам сонным верит и спешит призрачным путем.

Однако же, кто снами пренебрегает и не верит им совсем, тот столь же неразумен. Ибо ежели б сны вообще никакого смысла не имели, то зачем тогда боги, творя нас, даровали нам способность видеть сны?
Премудрость пророка Лебеды, 34:1

Ветерок тронул парящую как котел поверхность озера, погнал по ней клочья тумана. Ритмично скрипели и потрескивали уключины, вынырывающие из вод лопасти весел рассыпали градины блестящих капель. Кондвирамурса опустила руку за борт. Лодка двигалась настолько медленно, что водная гладь почти не взбурлила и не вспенилась на ее ладони.

– Ах, ах, – сказала Кондвирамурса, стараясь придать голосу побольше сарказма. – Ах, какая скорость. Прямо-таки мчимся по волнам. И от скорости аж дух захватывает и голова кругом идет.

Лодочник – невысокий, коренастый и плотный мужчина – гневно и невнятно пробормотал что-то в ответ, даже не подняв головы, покрытой седоватыми, вьющимися будто каракуль волосами. Адептке уже вконец осточертело бурчание, покашливание и хрипы, которыми невежа гребец отделялся от ее вопросов с тех самых пор, как она села в лодку.

– Осторожней, – процедила она, с трудом сохраняя спокойствие. – От такой бурной гребли можно и заболеть.

На этот раз крепыш поднял загорелое, темное как дубленая кожа лицо, что-то пробурчал, прокашлялся, движением заросшего седой щетиной подбородка указал на укрепленную на борте деревянную моталку и скрывающуюся в воде леску, натянутую движением лодки. Видимо, считая объяснение вполне достаточным и исчерпывающим, он продолжил грести в прежнем темпе. Весла вверх. Пауза. Весла в воду до половины лопасти. Долгая пауза. Протяжка. Еще более долгая пауза.

– Ага, – медленно сказала Кондвирамурса, поглядывая на небо. – Понимаю. Важна блесна, которая тянется за лодкой и должна двигаться с соответствующей скоростью и на соответствующей глубине. Главное – рыболовство. На остальное начхать.

Сказанное было настолько очевидным, что мужчина даже не потрудился фыркнуть или даже просто кашлянуть в ответ.

– Кому какое дело до того, – продолжала монолог Кондвирамурса, – что я провела в пути целую ночь? Что я голодна? Что ягодицы у меня болят, а между ними свербит от жесткой скамейки? Что мне хочется писать? Нет, главное – ловля рыбы на дорожку. К тому же ловля бессмысленная, ибо никто не клюнет на блесну, которую волокут серединой плеса, да еще и на двадцатисаженной глубине.

Гребец поднял голову, зловеще глянул на Кондвирамурсу и заворчал очень – ну очень даже – ворчливо. Кондвирамурса сверкнула зубами, довольная собой. Грубиян по-прежнему греб медленно. Он был взбешен.

Адептка раскинулась на кормовой скамейке и закинула ногу на ногу. Так, чтобы в разрезе платья было видно побольше.

Мужчина забурчал, крепче стиснул на веслах узловатые пальцы, делая вид, будто глядит только на леску. Темп гребли он, ясное дело, и не думал увеличивать. Адептка, осознавши тщетность своих манипуляций, вздохнула и занялась изучением неба.

Уключины поскрипывали, бриллиантовые капельки сыпались с лопастей весел.

В быстро рассеивающемся тумане замаячил силуэт острова. И вздымающиеся над ним темные бочковатые очертания башни. Грубиян рыбак, хоть и сидел спиной вперед и не оглядывался, непостижимым образом почувствовал, что они уже почти на месте. Он не спеша сложил весла вдоль бортов, встал, принялся понемногу навивать леску на моталку. Кондвирамурса – все еще нога на ногу – посвистывала, глядя в небо.

Гребец смотал леску до конца, осмотрел блесну – большую латунную ложку, снабженную тройным крючком с хвостиком из красной шерсти.

– Надо же, – сладенько проворковала Кондвирамурса. – Ничего не клюнуло, ай-ай-ай, жалость какая. А интересно, почему бы такая непруха? Может, лодка шла слишком быстро?

Мужчина окинул ее взглядом, в котором при желании можно было прочесть уйму мало-приятных слов, фраз и даже целых абзацев. Сел, прохрипел что-то, сплюнул за борт, ухватил весла узловатыми лапами, резко выгнул спину. Весла шлепнули, забились в уключинах, лодка помчалась по озеру стрелой, вода с шумом вспенилась у носа, воронками за клубилась за кормой. Отделявшее от острова расстояние в четверть полета стрелы они прошли быстрее, чем гребец успел дважды пробурчать нечто невразумительное. Лодка вылетела на прибрежную гальку с такой скоростью, что Кондвирамурса свалилась со скамейки.

Лодочник забурчал, захрипел, сплюнул. Адептка знала, что в переводе на язык цивилизованных людей это означает: «Выматывайся из лодки, ведьма заумная». Знала она также, что нечего и думать, будто ее вынесут, а потому сняла туфельки, провокационно высоко задрала платье и вышла, проглотив проклятие в адрес ракушек, болезненно уколовших ступни.

– Благодарствую, – процедила она сквозь стиснутые зубы, – за прогулку.

Не дожидаясь ответного ворчания и не оглядываясь, Кондвирамурса, как была босиком, направилась к каменным ступеням. Все тяготы и мучения закончились и улетучились бесследно, уступив место возрастающему возбуждению. Наконец-то она на острове *Inis Vitre*¹, посреди озера *Loc Blest*². В том почти легендарном месте, которое довелось посетить лишь немногим избранным.

Утренний туман развеялся полностью, на еще тусклом небе уже начал просвечивать красный шар солнца. Вокруг навесных бойниц башни кружили и кричали чайки, мельтешили стрижи.

На площадке, которой завершалась лестница, ведущая с берега на террасу, опершись о статую присевшей оскалившейся химеры, стояла Нимуэ. Владычица Озера.

Она была изящная и невысокая, не выше пяти футов. Кондвирамурса слышала, что в молодости ее называли Локотком, и теперь поняла, насколько удачным было прозвище. И при этом не сомневалась, что уже с полвека никто не осмеливался так называть миниатюрную чародейку.

– Я – Кондвирамурса Тилли, – поклонившись, представилась она, все еще держа туфельки в руке, а поэтому немного смущаясь. – Я счастлива гостить на твоём острове, Владычица Озера.

– Нимуэ, – поправила маленькая магичка. – Нимуэ, ничего более. Эпитеты, титулы и звания можно отбросить, госпожа Тилли.

– В таком случае я – Кондвирамурса. Кондвирамурса, ничего более.

– Проходи, Кондвирамурса... и ничего более. Побеседуем за завтраком. Думаю, ты голодна?

– Не отрицаю.

¹ Стекланный Остров (*лат.*).

² Озеро Благословенных (*шотл. + англ.*).

На завтрак были творог, зеленый лук, яйца, молоко и ржаной хлеб, поданные двумя молоденькими, тихонькими, пахнущими крахмалом прислужницами. Кондвирамурса ела, чувствуя на себе взгляд миниатюрной чародейки.

– У башни, – неожиданно заговорила Нимуэ, наблюдая за каждым движением адепки и почти за каждым куском, который та отправляла в рот, – шесть этажей, из них один – подземный. Твоя комната расположена на втором надземном, там же размещены все необходимые удобства. Первый этаж, как видишь, хозяйственный, здесь же находятся комнаты прислуги. Подземный, а также второй и третий этажи: лаборатория, библиотека и галерея. На все названные этажи и в расположенные в них помещения ты имеешь неограниченный доступ, можешь пользоваться ими и всем, что в них содержится, в любое время и любым образом.

– Поняла. Благодарю.

– На двух верхних этажах мои личные покои и мой личный рабочий кабинет. Эти помещения – только мои. Чтобы избежать недоразумений, знай: я в таких вопросах невероятно щепетильна.

– Приму во внимание.

Нимуэ повернула голову к окну, сквозь которое был виден Ворчливый Господин Гребец, уже разделавшийся с багажом Кондвирамурсы и теперь загружавший лодку удочками, моталкой, сачками, подсечками и прочими причиндалами хитрого рыболовецкого промысла.

– Я малость старомодна, – продолжала Нимуэ. – Но определенными вещами привыкла пользоваться на правах единоличия. Скажем, зубной щеткой, личными покоем, библиотекой, туалетом. И... Королем-Рыбаком. Пожалуйста, не пытайся воспользоваться Королем-Рыбаком.

Кондвирамурса чуть было не захлебнулась молоком. На лице Нимуэ не дрогнул ни один мускул.

– А если... – продолжала она, прежде чем к адептке вернулась способность говорить, – если ему взбредет в голову воспользоваться тобой – откажи.

Кондвирамурса, наконец проглотив молоко, быстро кивнула, воздержавшись от каких-либо комментариев. Хоть ей ужасно хотелось сказать, что рыбаки вообще не в ее вкусе, а грубияны – в особенности. К тому же такие, у которых башка поросла беленькой, как сметана, порослю.

– Ну-с, та-а-ак, – протянула Нимуэ. – С вступлением мы, стало быть, покончили. Пора перейти к конкретным делам. Тебе интересно, почему из всех кандидаток-адепток я выбрала именно тебя?

Кондвирамурса если вообще и задумывалась над ответом, то лишь для того, чтобы не показаться чересчур самоуверенной. Однако быстро пришла к выводу, что обостренный слух Нимуэ даже самое минимальное отклонение от истины воспримет как режущую ухо фальшь.

– Я – лучшая сновидица в академии, – ответила она холодно, по-деловому, без лишнего хвастовства. – А на третьем курсе я занимала второе место среди онейроманток.

– Я могла взять ту, что стояла в списке на первом месте. – Нимуэ действительно была откровенна до боли. – Между прочим, мне настойчиво предлагали именно ту приму, впрочем, насколько я поняла, вроде бы потому, что она дочурочка какой-то важной шишки. А что до сновидения и онейроскопии, то ты не хуже меня знаешь, дорогая Кондвирамурса, что это материя весьма тонкая, и даже самая лучшая сновидица может потерпеть фиаско.

Кондвирамурса с трудом сдержалась, чтобы не сказать, что ее провалы можно пересчитать по пальцам одной руки. Ведь она разговаривала с мэтрессой. «Соблюдай пропорции, geschätzte miss»³, как говаривал один из профессоров академии, эрудит.

³ Уважаемая барышня (нем. + англ.).

Нимуэ легким наклоном головы одобрила ее молчание.

– У меня свой человек в академии, – сказала она, помолчав, – поэтому я знаю, что у тебя нет нужды усиливать сновидения дурманящими снадобьями. Это меня радует, поскольку я наркотиков не одобряю...

– Я сню без всяких порошков, – с легкой гордостью подтвердила Кондвирамурса. – Для онейроскопии мне достаточно иметь зацепку.

– Поясни.

– Ну, зацепку, – кашлянула сновидица. – Предмет, как-то связанный с тем, что мне надобно выяснить. Какую-нибудь вещь. Или картину.

– Картину?

– Да. Я неплохо сню сны по картине.

– О, – улыбнулась Нимуэ. – Если картина поможет, то сложностей не предвидится. Ну а ежели ты уже покончила с завтраком, тогда пошли, самая сновидящая сновидица и вторая среди онейроманток. Будет славно, если я сразу же поясню тебе остальные причины, побудившие меня избрать в помощницы именно тебя.

От каменных стен тянуло холодом, от которого не спасали ни тяжелые гобелены, ни потемневшие от времени панели. Каменный пол охлаждал ноги даже через подошвы туфель.

– За этими дверями, – небрежно указала Нимуэ, – лаборатория. Как уже было сказано, можешь пользоваться ею по собственному усмотрению. Конечно, рекомендуется предельная осторожность. Умеренность желательна, особенно при попытках заставить метлу носить воду.

Кондвирамурса вежливо улыбнулась, хоть шуточка была сомнительного качества. Все наставницы одаривали адептов анекдотами, связанными с мифическими провалами мифического ученика чернокнижника.

Лестница вела наверх, извиваясь наподобие морского змея, казалась бесконечной и была крутой. Прежде чем они оказались на месте, Кондвирамурса вся взмокла и задохнулась сотни раз. По Нимуэ вообще не было видно усталости.

– Прошу сюда. – Она отворила дубовые двери. – Осторожно – порог.

Кондвирамурса вошла и вздохнула.

Перед ней была галерея. Стены от пола до потолка увешаны старинными картинами, шелушащимися и осыпающимися местами маслом миниатюрами, пожелтевшими гравюрами и ксилографиями, поблекшими акварелями и сепиями. Были тут и яркие модернистские гуаши, и темперы, строго выдержанные в чистых линиях акватины и офорты, литографии и контрастные меццотинты, притягивающие взгляд выразительными пятнами черноты.

Нимуэ остановилась у висящей ближе к двери картины, изображающей группу людей под гигантским деревом. Молча и выразительно глянула на полотно, потом на Кондвирамурсу.

– Лютик. – Сновидица с ходу сообразила, в чем дело, не заставила чародейку ждать. – Поет свои баллады под дубом Блеобхерисом.

Нимуэ улыбнулась, кивнула. И сделала еще один шаг, остановившись перед следующей картиной. Акварель. Символика. Две женские фигуры на холме. Над ними кружатся чайки, под ними, на склонах холма, череда теней.

– Цири и Трисс Меригольд, пророческое видение в Каэр Морхене.

Улыбка. Кивок, шаг, следующая картина. Наездник на мчащейся галопом лошади, кругом покореженные ольхи, протягивающие к нему руки-ветви. Кондвирамурса почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

– Цири... Хм-м-м... Пожалуй, ее поездка на встречу с Геральтом на ферме низушка Хофмайера.

Следующая картина, потемневшее масло. Батальная сцена.

– Геральт и Кагыр обороняют мост на Яруге.

Потом пошло быстро.

– Йеннифэр и Цири: первая встреча в храме Мелитэле. Лютик и дриада Эитнэ в лесу Брокилон. Дружина Геральта в снежной метели на перевале Мальхеур...

– Браво, превосходно, – прервала Нимуэ. – Отличное знание легенды. Теперь тебе ясна вторая причина того, почему здесь оказалась ты, а не кто-нибудь другой?

Над столиком красного дерева, у которого они присели, нависло гигантское батальное полотно, изображающее, кажется, битву под Бренной. Ключевой момент боя или чья-то безвкусно-героическая смерть. Полотно, вне всяких сомнений, было кисти Николая Цертозы, что легко было определить по экспрессии, шизофренической заботливости о деталях и типичной для автора цветосветовой гамме.

– Да, я знаю легенду о ведьмаке и ведьмачке, – ответила Кондвирамурса. – Знаю и запросто могу пересказать любой ее отрывок. Еще будучи совсем маленькой, я обожала эту историю, зачитывалась ею. И мечтала быть такой же, как Йеннифэр. Однако, честно говоря, хоть это и была любовь с первого взгляда, причем любовь совершенно безрассудная, все же великой она не была.

Нимуэ подняла брови.

– Я знакомилась с историей, – заговорила Кондвирамурса, – в популярных изложениях и версиях для юношества, чуть ли не по шпаргалкам... урезанным и упрощенным *ad usum delphini*⁴. Потом, естественно, я взялась за так называемые серьезные и полные версии. Раздутые до избыточности, а порой – и запредельно избыточные. Именно тогда «захлеб» уступил место рассудительности, а страсть – чему-то напоминающему супружеские обязанности. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Нимуэ едва заметным движением головы показала, что понимает.

– Короче говоря, я предпочитаю те легенды, которые строже придерживаются общепринятых для такого рода повествований рамок и условностей, не смешивают вымысел с реальностью. Не пытаются увязать и прямолинейной морали сказки, и глубоко неморальной исторической правды. Я предпочитаю легенды, к которым энциклопедисты, археологи и историки не дописывают послесловий. Такие сказки, в которых «договор» свободен от экспериментов. Я предпочитаю небылицы, в которых, допустим, принц взбирается на вершину стеклянной горы, находит там спящую принцессу, та просыпается от поцелуя, и оба живут долго и счастливо. Так или иначе должна завершаться легенда... Кто писал портрет Цири? Вон тот, *en pied*⁵?

– Нет ни одного портрета Цири. – Голос маленькой чародейки был суровым до сухости. – Ни здесь и нигде в мире. Не сохранилось ни одного портрета, ни одной миниатюры, написанных кем-либо, кто мог бы Цири видеть, знать или хотя бы помнить... На портрете *en pied* изображена Павега, мать Цири, а написал его красноряд Руиз Доррит, придворный художник цинтрийских королей. Известно, что Доррит написал портрет десятилетней Цири, тоже *en pied*, но полотно, носившее название «Инфанта с борзой», увы, погибло. Однако вернемся к легенде, твоему к ней отношению и тому, как, по-твоему, легенда должна заканчиваться.

– Она должна заканчиваться хорошо, – ответила с задорной убежденностью Кондвирамурса. – Добро и справедливость обязаны восторжествовать, зло должно быть примерно наказано, любовь – соединить любящие сердца до могилы. И никто из положительных героев, черт побери, не имеет права погибнуть! А легенда о Цири? Чем заканчивается она?

– Вот именно, чем?

Кондвирамурса на мгновение онемела. Она никак не ожидала такого вопроса, ей почудилось в нем испытание, экзамен. И она молчала, чтобы не попасть впросак.

«Как и чем заканчивается легенда о Геральте и Цири? Это ж любому ребенку известно!»

⁴ Для детей (*лат.*).

⁵ Во весь рост (*фр.*).

Она смотрела на выполненную в темных тонах акварель: неуклюжая лодка плывет по затянутому испарениями озеру. На лодке, с длинным шестом в руках, стоит женщина, написанная лишь в виде темного силуэта.

«Именно так заканчивается легенда. Именно так».

Нимуэ читала ее мысли.

– Я бы остереглась утверждать столь категорично, Кондвирамурса. Это вовсе не так уж однозначно.

– Еще будучи ребенком, – начала Нимуэ, – я, четвертая дочь деревенского колесника, слышала эту легенду от странствующего сказителя. Минуты, проведенные в нашей деревне Посвистом, стариком-бродяжкой, были прекраснейшими минутами моего детства. Можно было отдохнуть от работы, глазами души увидеть сказочных див, далекий мир... Мир прекрасный и чудесный... Еще более далекий и чудесный, чем даже ярмарка в городке, до которого от нас было целых девять миль...

Мне тогда было лет шесть-семь. Моей старшей сестре – четырнадцать, и она уже успела нажать себе горб от постоянного вязания. Ведь надо было на что-то жить. Бабья доля. К этому у нас готовили девочек с младенчества. Горбатиться. Вечно горбатиться. Горбатиться и сгибаться над вязанием, над ребенком, под тяжестью живота, который тебе заделывал парень, едва ты успевала оправиться после предыдущих родов.

И вот эти-то дедовы байки разбудили во мне желание узнать нечто большее, чем горб и изнурительная работа, мечту о чем-то большем, нежели урожай, муж и дети. Первой книжкой, которую я купила на деньги, вырученные от продажи собранной в лесу ежевики, была легенда о Цири. Версия, как ты это красиво назвала, упрощенная, «шпаргалка» для детей, *ad usum delphini*. Такая «шпаргалка» была в самый раз для меня. Читала я неважно. Но уже точно знала, чего хочу. А хотела я быть такой, как Филиппа Эйльхарт, как Шеала де Танкарвилль, как Ассирэ вар Анагид.

Нимуэ посмотрела на рисунок гуашью, изображавший погруженный в мягкий кьяроскуро дворцовый зал, стол и сидящих за ним женщин.

– В академии, – продолжала Нимуэ, – в которую я попала, кстати сказать, лишь со второй попытки, из всей истории магии меня занимали только деяния Великой ложи. На то, чтобы читать что-либо ради удовольствия, у меня вначале, разумеется, не хватало времени, приходилось... вкалывать, чтобы... Чтобы не отставать от графских и банкирских доченек, которым все давалось играючи и которые посмеивались над деревенской девчонкой...

Она замолчала, с хрустом выламывая пальцы.

– Наконец я нашла время для чтения, но тут выяснилось, что перипетии Геральта и Цири занимают меня гораздо меньше, чем в детстве. Возник такой же, как и у тебя, синдром. Как ты его назвала? «Супружеские обязанности»? Так было до того момента...

Она замолчала, потерла лицо. Кондвирамурса с изумлением заметила, что у Владычицы Озера дрожит рука.

– Мне было, вероятно, лет восемнадцать, когда... когда случилось нечто такое, что заставило меня вновь заинтересоваться легендой о Цири. И тогда я взялась за нее серьезно, так сказать, научно. Посвятила ей жизнь.

Адептка молчала, хотя внутри у нее все прямо-таки кипело от любопытства.

– Не прикидывайся, будто не знаешь, – жестко сказала Нимуэ. – Всем известно, что Владычицу Озера снедает прямо-таки болезненная страсть, связанная с легендой о Цири. Кругом только и слышишь, что неопасный вначале бзик переродился у меня во что-то похожее на наркозависимость или даже манию. В этих слухах много правды, дорогая моя Кондвирамурса, много правды! А ты, коли уж я взяла тебя в ассистентки, тоже заразишься этой же манией и

зависимостью. Ибо таковы мои требования. Во всяком случае, на время практики. Понимаешь?

Кондвирамурса согласно кивнула.

– Тебе только кажется, будто понимаешь. – Нимуэ взяла себя в руки и немного остыла. – Но я тебе это поясню. Постепенно. А когда время придет, объясню все. А сейчас – отдохни...

Она осеклась, глянула в окно, на озеро, на черный штришок лодки Короля-Рыбака, четкий на золотом мерцании вод.

– Пока отдохни. Осмотри галерею. В шкафах и витринах найдешь альбомы и карточки графики, все они тематически связаны со сказанным. В библиотеке собраны все версии легенды, а также большая часть научных разработок. Посвяти им немного времени. Смотри, читай, концентрируйся. Я хочу, чтобы у тебя набрался материал для сна. Зацепка, как ты выразилась.

– Я это сделаю. Госпожа Нимуэ...

– Слушаю.

– Два портрета... Ну, те, что висят рядышком... Тоже не Цири?

– Я же тебе сказала: портретов Цири не существует. Ни одного, – терпеливо повторила Нимуэ. – Более поздние художники изображали ее исключительно в массовых сценах, каждый в меру собственной фантазии. Что касается этих портретов, так тот, что слева, тоже скорее вольная вариация на тему, поскольку представляет нам эльфку Лару Доррен аэп Шиадаль, особу, которой художница знать не могла. Ибо художницей была знакомая тебе, вероятно, по легенде Лидия ван Бредевоорт. Одно из уцелевших полотен, написанных маслом, еще висит в академии.

– Знаю. А второе?

Нимуэ долго смотрела на картину. На образ худощавой девушки со светлыми волосами и грустным взглядом. Одетой в белое платье с зелеными рукавчиками.

– Ее писал Робин Андериди, – сказала она, отворачиваясь от полотна и глядя прямо в глаза Кондвирамурсе. – А кого он изобразил... Это скажешь мне ты, сновидица и онейромантка. Выясни это. И расскажи мне твой сон.

Мэтр Робин Андериди первым заметил приближающегося императора и согнулся в поклоне. Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь, встала и сделала реверанс, быстрым жестом приказав проделать то же сидевшей в резном кресле девушке.

– Приветствую дам, – кивнул Эмгыр вар Эмрейс. – Приветствую и тебя, мэтр Робин. Как идет работа?

Мэтр Робин быстро откашлялся и снова поклонился, нервно вытирая пальцы о халат. Эмгыр знал, что художник страдает острой агорафобией и болезненно робок. Но кому это мешает? Главное – как он пишет.

Император, как обычно во время поездок, был одет в офицерскую форму гвардейской бригады «Импера» – черные доспехи и плащ с шитьем, изображающим серебряную саламандру. Он подошел, взглянул на портрет. Вначале на портрет – и лишь потом на модель. Худенькую девушку со светлыми волосами и грустными глазами. Одетую в белое платье с зелеными рукавчиками и высоким вырезом, в котором виднелось кольцо из перидотов.

— Прекрасно, — бросил он в пустоту — так, чтобы непонятно было, что именно он хвалит. — Прекрасно, мэтр. Извольте продолжать, не обращайтесь на меня внимания. Позвольте вас на одно слово, графиня.

Он отошел к окну, принуждая ее идти следом.

– Я выезжаю, – сказал он тихо. – Государственные дела зовут, благодарю за гостеприимство. И за нее. За принцессу... Хорошая работа, Стелла. Вы вполне заслуживаете похвалы. Обе. И ты, и она.

Стелла Конгрев низко присела в изящном реверансе.

– Ваше императорское величество слишком добры к нам.

– Не хвали дня до захода...

– Ах, – графиня слегка поджала губы, – значит, так.

– Значит, так.

– И что будет с ней, Эмгыр?

– Не знаю, – ответил он. – Через десять дней я возобновлю наступление на Севере. Оно обещает быть нелегким. Очень тяжелая война. Ваттье де Ридо следит за направленными против нас заговорами и противодействующими группировками. К разным, самым различным действиям может принудить меня забота о безопасности государства.

– Это дитя ни в чем не виновно.

– Я сказал – безопасность государства. Безопасность государства не имеет ничего общего со справедливостью. Впрочем... – Он махнул рукой. – Я хочу с ней поговорить. Наедине. Подойди поближе, княжна. Ну, давай, давай. Быстрее. Император приказывает.

Девушка низко присела. Эмгыр внимательно смотрел на нее, мысленно возвращаясь к столь чреватой последствиями аудиенции в Лок Грима. Он был признателен, более того, восхищался Стеллой Конгрев, которая за минувшие шесть месяцев сумела превратить неуклюжего утенка в маленькую аристократку.

– Оставьте нас, – приказал он. – Прервись, мэтр Робин, промой кисти, скажем. Тебя, графиня, прошу подождать в приемной. А ты, княжна, пройди со мной на террасу.

Выпавший ночью мокрый снег растаял в первых лучах утреннего солнца, но крыши башен и навесные бойницы замка Дарн Рован все еще были влажными и блестели так, словно там что-то горело.

Эмгыр подошел к балюстраде. Девушка, как предписывал этикет, держалась в шаге позади него. Нетерпеливым жестом он подозвал ее и велел подойти ближе.

Долго молчал, обеими руками опершись о перила, вглядываясь в горы и покрывающие их вечнозеленые тисы, резко контрастирующие с меловой белизной каменистых склонов. Поблескивала река – лента расплавленного серебра, змеящаяся по дну котловины.

В воздухе чувствовалась весна.

– Я слишком редко здесь бываю, – бросил Эмгыр.

Девушка молчала.

– Слишком редко приезжаю сюда, – повторил он, поворачиваясь к ней. – А ведь здесь места прекрасные и спокойные. Красивый пейзаж... Ты согласна со мной?

– Да, ваше императорское величество.

– В воздухе уже чувствуется весна. Я прав?

– Да, ваше императорское величество.

Снизу, с придворцовой площади, доносилось пение, перекрываемое скрипом, бряцанием и звоном подков. Эскорт, уведомленный о том, что император собирается отбыть, спешно готовился в путь. Эмгыр помнил, что среди гвардейцев есть один, который любит петь. Часто. И независимо от обстоятельств.

Обожги меня глазками,
Глазками озорными.
Одари меня ласками,
Ласками огневыми.
Вспоминай меня, милая,

Чтобы жизнь уберечь...
Наша доля постылая,
Наш удел – щит и меч...⁶

– Хорошая баллада, – сказал Эмгыр задумчиво, поглаживая тяжелый золотой императорский алышбанд⁷.

– Хорошая, ваше императорское величество.

«Ваттье уверяет меня, что уже напал на след Вильгефорца. Что найти его – дело нескольких дней, самое большее – недель. Предателям отрубят головы, а в Нильфгаард привезут настоящую Цириллу, королеву Цинтры, надо что-то делать с двойником!»

– Подними голову.

Она подняла.

– У тебя есть какие-нибудь желания? – неожиданно резко спросил он. – Жалобы? Просьбы?

– Нет, ваше императорское величество.

– Правда? Любопытно, однако. Ну, я ведь не могу приказать, чтобы они у тебя были. Подними голову, как пристало принцессе. Надеюсь, Стелла обучила тебя хорошим манерам?

– Да, ваше императорское величество.

«Действительно, хорошо выдрессировали, – подумал он. – Сначала Риенс, потом Стелла. Заставили как следует выучить роль, угрожая, вероятно, что за ошибку или оговорку она заплатит муками и смертью. Предупредили, что ей предстоит играть перед суровой, не прощающей ошибок аудиторией. Перед страшным Эмгыром вар Эмрейсом, императором Нильфгаарда».

– Как тебя зовут?

– Цирилла Фиона Элен Рианнон.

– Твое настоящее имя?

– Цирилла Фиона...

– Не испытывай моего терпения. Имя!

– Цирилла... – Голос девушки надломился словно веточка. – Фиона...

– Достаточно, во имя Великого Солнца, – сказал он сквозь зубы. – Довольно.

Девушка громко засопела. В нарушение этикета. Губы у нее дрожали, но этого этикет не возбуждал.

– Успокойся, – приказал он тихо, почти мягко. – Чего ты боишься? Стыдишься собственного имени? Боишься его назвать? С ним связано что-то неприятное? Если я спрашиваю, то лишь потому, что хотел бы иметь возможность назвать тебя твоим истинным именем. Но для этого надо знать, как оно звучит.

– Никак, – ответила девушка, и ее огромные глаза неожиданно заблестели, будто подсвеченные пламенем изумруды. – Потому что это имя никакое, ваше императорское величество. Имя в самый раз для того, кто есть никто. До тех пор, пока я остаюсь Цириллой Фионой, я что-то значу... До тех пор, пока...

Голос сорвался так резко, что она невольно схватилась за горло, будто на ней было не кольцо, а удушающая гаррота. Эмгыр продолжал сверлить ее взглядом, по-прежнему мысленно одобряя действия Стеллы Конгрев. Но вместе с тем он испытывал злобу. Злобу неоправданную, беспочвенную, а потому особо злую.

«Чего я хочу от этого ребенка? – думал он, чувствуя, как злоба заполняет его, вскипает, вздымается пеной, словно пар в котле. – Что мне нужно от ребенка, которого...»

⁶ Все рифмованные тексты выполнены переводчиком.

⁷ Алышбанд (искаженное немецкое Halsband), что-то вроде шейного обруча (тора).

– Знай, я ни в коей мере не причастен к твоему похищению, девочка, – неожиданно для самого себя резко сказал он. – Ни в коей мере. Я не отдавал такого приказа. Меня обманули...

Его душила злость на самого себя. Он понимал, что совершает ошибку. Уже давно следовало закончить разговор, закончить надменно, властно, грозно, по-императорски. Следовало забыть о девочке и ее зеленых глазах... Какое она имеет значение? Она – двойник, подделка, у нее нет даже собственного имени. Она – никто и ничто. А императоры не беседуют с теми, имя которым «никто». Императоры не признаются в ошибках тем, имя которым «никто». Императоры не просят прощения и не каются перед теми, которые...

– Прости меня, – сказал он, и слова эти – чужие и неприятные – прилипали к губам. – Я совершил ошибку. Конечно, я виновен в случившемся. Виновен. Но вот тебе мое слово: больше тебе ничто не грозит. Больше с тобой ничего плохого не случится. Никакой несправедливости, никакого унижения, никаких неприятностей. Ты не должна бояться.

– Я не боюсь. – Она подняла голову и вопреки этикету взглянула ему прямо в глаза. Эмгыр вздрогнул, пораженный чистотой и доверчивостью ее взгляда. Но тут же выпрямился, высокомерный и царственный до тошноты.

– Проси у меня что хочешь.

Она снова подняла на него глаза, и он невольно припомнил те неисчислимые случаи, когда именно таким способом покупал покой своей совести, покой взамен за содеянную подлость. Подло радуясь в душе, что так дешево отделался.

– Проси что хочешь, – повторил он, и поскольку усталость уже брала свое, голос прозвучал как-то более человечно. – Я выполню любое твое желание.

«Пусть она не смотрит на меня, – думал он. – Я не вынесу ее взгляда.

Говорят, люди боятся смотреть мне в глаза. А я-то чего боюсь?»

Плевал я на Ваттье де Ридо и его “высшие государственные интересы”. Если она попросит, я прикажу отвезти ее домой, туда, откуда ее выкрали. Прикажу отвезти в золотой карете с шестериком лошадей. Достаточно, чтобы она попросила».

– Проси у меня что хочешь, – повторил он.

– Благодарю вас, ваше императорское величество, – сказала девушка, опуская глаза. – Ваше императорское величество очень благородны, щедры. Если у меня и есть просьба...

– Говори.

– Я хотела бы остаться здесь. Здесь, в Дарн Роване. У госпожи Стеллы.

Он не удивился. Он предполагал нечто подобное.

Тактичность удержала его от вопросов, которые были бы унижительны для обеих.

– Я дал слово, – холодно сказал он. – И да будет все по твоему желанию.

– Благодарю, ваше императорское величество.

– Я дал слово, – повторил он, стараясь не избегать ее взгляда. – И сдержу его. Однако, думаю, ты выбрала не самое лучшее. Высказала не то желание. Если ты изменишь...

– Я не изменю, – сказала она, когда стало ясно, что император не закончит фразу. – Да и зачем менять? Я выбрала госпожу Стеллу, выбрала то, чего так мало видела в жизни... Дом, тепло, добрые отношения... Сердечность. Невозможно ошибиться, выбирая такое.

«Бедная, наивная зверушка, – подумал император Эмгыр вар Эмрейс, Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. – Если б только ты знала, что именно выбирая такое, совершают самые страшные ошибки».

Но что-то – может, далекое, давно забытое воспоминание – не позволило императору произнести это вслух.

* * *

– Интересно, – сказала Нимуэ, выслушав рассказ. – И правда интересный сон. Были еще какие-то?

– О! – Кондвирамурса быстрым и точным взмахом ножа срезала верхушку яйца. – У меня все еще в голове кружится после той сценки! Но это нормально. Первая ночь на новом месте всегда приносит сумасшедшие сны. Знаешь, Нимуэ, о нас, сновидицах, говорят, будто наш дар не в том, что мы умеем снить. Если опустить снения в транс или под гипнозом, то наши сонные видения не отличаются от снов других людей ни интенсивностью, ни разнообразием, ни багажом предвещения. Нас отличает и о нашем даре говорит нечто иное. Мы помним сны. Редко когда забываем, что нам снилось.

– Потому что у вас нетипичная и только вам присущая работа желез внутренней секреции, – оборвала Владычица Озера. – Ваши сны, говоря несколько упрощенно, не что иное, как выделения в организм эндорфина. Как и многие стихийные магические таланты, ваш дар прозаически органичен. Впрочем, к чему я говорю о том, что ты и сама прекрасно знаешь? Я слушаю тебя. Так какие же сны ты помнишь еще?

– Молодого парня, – нахмурила брови Кондвирамурса, – странствующего по голым полям с котомкой за плечами. Голые весенние поля. Вербы... У дороги и на межах. Вербы кривые, дулистые, растопырившие ветви... Еще не зазеленевшие. Парень идет, осматривается. Наступает ночь. На небе загораются звезды. Одна из них движется. Это комета. Красная, рассыпающая искры, она наискосок пересекает небосклон.

– Bravo, – улыбнулась Нимуэ. – Хотя я и понятия не имею, кого ты видела во сне, можно по крайней мере точно определить дату события. Красная комета была видна в течение шести дней весной в год заключения цинтрийского мира. Точнее, в первые дни марта. В остальных снах тоже появлялись какие-нибудь календарные события?

– Мои сны, – фыркнула Кондвирамурса, подсадивая яйцо, – не календарь огородника. В них нет табличек с датами. Но, чтобы быть точной, я видела сон о битве под Бренной, вероятно, насмотревшись на полотно Николая Цертозы в твоей галерее. А дата битвы под Бренной тоже известна. Та же самая, что и год кометы. Я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Что-нибудь особенное было в твоём сне о битве?

– Ничего. Кони, люди, оружие. Люди толкались и орали. Кто-то, вероятно, ненормальный, ревел: «Орлы! Орлы!»

– Что еще? Ты сказала, что снов был полный мешок.

– Не помню. – Кондвирамурса осеклась.

Нимуэ улыбнулась.

– Ну хорошо. – Адептка гордо вскинула голову, не давая Владычице Озера возможности позлословить. – Да, случается, что и я забываю. Идеальных людей не бывает. Повторяю: мои сны – видения, а не каталожные карточки.

– Знаю, – обрезала Нимуэ. – Я не проверяю твои сновидческие способности. Это не экзамен, а анализ легенды. Ее загадок и пробелов. Кстати, у нас получается вовсе недурственно, в первых же снах ты распознала девушку с портрета, двойника Цири, которую Вильгефорц пытался выдать за наследницу цинтрийского престола.

Они замолчали, потому что в кухню вошел Король-Рыбак. Поклонившись и буркнув что-то, он взял с буфета хлеб, горшок-двойчатку и полотняный сверток. Вышел, не забыв поклониться и снова что-то пробурчать.

– Он сильно хромает, – сказала Нимуэ, по возможности равнодушно. – Он был тяжело ранен. Кабан распорол ему на охоте ногу. Поэтому он почти все время проводит в лодке. В

гребле и рыболовстве рана ему не мешает, на лодке он забывает о своей беде. Это очень порядочный и добрый человек. А мне...

Кондвирамурса тактично молчала.

– А мне необходим мужчина, – деловито пояснила миниатюрная чародейка.

«Мне тоже, – подумала адептка. – Черт побери, как только вернусь в академию, первым делом дам... кому-нибудь себя совратить. Целибат, конечно, вещь хорошая, но не дольше одного семестра».

Нимуэ кашлянула.

– Если ты закончила с завтраком и мечтаниями, идем в библиотеку.

– Вернемся к твоему сну.

Нимуэ раскрыла папку, перебрала несколько акварелей, вынула одну. Кондвирамурса узнала сразу.

– Аудиенция в Лок Гриме?

– Разумеется. Двойника представляют императорскому двору. Эмгыр делает вид, будто позволил себя обойти, строит хорошую мину при плохой игре. Вот взгляни, послы Северных Королевств, для которых разыгрывается этот спектакль. А вот здесь мы видим нильфгаардских герцогов, получивших афронт: император пренебрег их дочерьми, отверг предложения вступить в родство. Жаждающие мести, они перешептываются, наклонившись друг к другу, уже готовят заговор и убийство. Девочка-двойник стоит склонив голову, художник, чтобы подчеркнуть таинственность, даже надел на нее скрывающую лицо вуаль.

– И ничего больше, – продолжила после паузы чародейка, – мы о фальшивой Цири не знаем. Ни одна из версий легенды не сообщает, что случилось с ней впоследствии.

– Однако можно догадываться, – печально заметила Кондвирамурса, – что ее судьбе не позавидуешь. Когда Эмгыр получил оригинал – а мы знаем, что он его получил, – он освободился от фальсификата. Когда я сняла этот сон, я не почувствовала трагедии, а ведь в принципе должна была бы что-то ощутить, если б... С другой стороны, то, что я вижу, не обязательно происходило в реальности. Как каждый человек, я вижу сонные миражи, мечты. И... страхи.

– Знаю.

Они беседовали до обеда, просматривая папки и фасцикулы⁸ с гравюрами. У Короля Рыбака, видимо, выдался удачный день, потому что на обед подали лосося на вертеле. На ужин тоже.

Ночью Кондвирамурса спала скверно. Слишком плотно поела.

Сон не пришел. Она была угнетена, но Нимуэ ничуть не расстроилась. «У нас есть время, – сказала она. – У нас впереди еще много ночей».

В башне Inis Vitre было несколько ванн, можно сказать роскошных, светящихся мрамором и сверкающих латунию, обогреваемых гипокаустом⁹, помещенным где-то в подвалах. Кондвирамурса не стеснялась занимать ванны часами, но все равно то и дело сталкивалась с Нимуэ в бане, маленьком деревянном домике с выходящим на озеро помостом. Мокрые, окутанные паром с поливаемых водой раскаленных камней, они вдвоем усаживались на скамеечках, от души похлестывая друг дружку березовыми вениками, и соленый пот ел им глаза.

– Если я правильно поняла, – Кондвирамурса отерла лицо, – моя работа в Inis Vitre сводится к тому, чтобы прояснять все белые пятна легенды о ведьмаке и ведьмачке?

⁸ Пакет, небольшая папка (fasciculum, лат.).

⁹ Гипокауст – форма центрального отопления, при котором образующийся в центральной топке горячий воздух пропускается через систему отверстий или труб под полом или внутри стен, прежде всего в фермах.

– Ты поняла правильно.

– Днем, когда мы рассматриваем картинки, и во время беседы я как бы подзаряжаюсь для сна, чтобы ночью увидеть истинную, никому не известную версию данного события?

На этот раз Нимуэ не сочла нужным подтверждать. Она просто несколько раз прошлась веничком, встала, плеснула на раскаленные камни воды. Бухнул пар, от жара на миг перехватило дыхание.

Нимуэ вылила на себя остатки воды из ушата. Кондвирамурса восхищалась ее фигурой. Несмотря на малый рост, чародейка была сложена на удивление пропорционально. Ее формам и здоровой коже могла бы позавидовать двадцатилетняя девушка. Кондвирамурсе было, кстати сказать, двадцать четыре. И она завидовала.

– Если я даже что-то выясню, – начала она, снова отирая вспотевшее лицо, – то где уверенность, что я вижу истину? То, что было на самом деле? Честное слово, не знаю...

– Об этом через минуту, – отрезала Нимуэ. – Пошли на воздух. Я уже достаточно здесь насиделась. Охладимся, потом поговорим.

Это тоже входило в ритуал. Они выбежали из бани, шлепая босыми ступнями по доскам помоста, и прыгнули в озеро, издавая при этом дикие вопли. Наплескавшись вдоволь, выбрались на помост, принялись отжимать волосы.

Сидевший в лодке Король-Рыбак, встревоженный плеском и воплями, оглянулся, посмотрел на них, прикрыв глаза рукой, но тут же отвернулся и занялся рыбацкими аксессуарами. Кондвирамурсе такое поведение мужчины показалось унижительным и обидным. Ее мнение о Короле-Рыбаке значительно улучшилось, когда она заметила, что время, которое он не посвящал рыбной ловле, он отдавал чтению. Он ходил с книгой даже до ветру. А книга называлась – хо-хо! – не как-нибудь, а «*Speculum aureum*»¹⁰ и была произведением серьезным и сложным. Так что, если в первые дни пребывания на *Inis Vitre* Кондвирамурса немножко удивлялась Нимуэ, то теперь перестала. Было ясно, что Король-Рыбак казался невежей и грубияном исключительно внешне. Скорее всего, вел себя так из соображений безопасности. Мимикрия!

«Тем не менее, – подумала Кондвирамурса, – оскорбительным и необъяснимым афронтом следует считать то, что он отдает предпочтение удочкам и блеснам, когда на помосте разгуливают во всей красе две обнаженные мазели, чьи тела совершенством не уступают телам нимф и наяд, от которых – ё-моё! – глаз не оторвешь».

– Если я что-нибудь выясню, – вернулась она к теме, вытирая грудь полотенцем, – то где гарантия, что я увидела истину? Я знаю все литературные версии легенды от «Полвека поэзии» Лютика до «Владычицы Озера» Андреа Равикса. Знаю преподобного Ярре, знаю все научные разработки, не говоря уж о популярных изданиях. Все прочитанное оставило след, оказало влияние, я не в состоянии выделить это из моих снов. Есть ли какая-то возможность продрасть сквозь фикции и выяснить истину?

– Есть.

– И сколь же она велика?

– Столь же, – Нимуэ кивком указала на лодку, стоящую на приколе, – как у Короля-Рыбака. Сама видишь, он без передышки закидывает свои крючки. Зацепляет водоросли, корни, затопленные коряги, стволы, старые башмаки, утопленниц и черт знает что еще. Но время от времени что-то там вылавливает приличное.

– Стало быть – удачной ловли, – вздохнула Кондвирамурса, одеваясь. – Закидываем невод и ловим. Ищем истинные версии легенды, отпарываем обшивку и подкладку, простукиваем сундук, надеясь найти второе дно. А что, если второго дна не существует? При всем уважении к тебе, Нимуэ, я должна сказать: мы не первые на этой рыбалке. Откуда такая уве-

¹⁰ «Золотое зеркало» (лат.).

ренность, что какие-да-нибудь подробности, какой-то штришок упущен теми, кто занимался легендой до нас? Что они оставили нам хотя бы одну-единственную рыбешку?

– Оставили, – убежденно сказала Нимуэ, расчесывая мокрые волосы. – То, в чем они сами не разобрались, чего не поняли, они заштукатурили выдумками и красивой ложью. Либо обошли молчанием.

– Например?

– Например, чтобы далеко не ходить, зимовку ведьмака в Туссенте. Все версии легенды обходят эпизод молчанием, отделяются ничего не говорящей фразой «Герои провели зиму в Туссенте». Даже Лютик, посвятивший своим деяниям в том княжестве две главы, во всем, что касается ведьмака, поразительно немногословен. Так не следует ли узнать, что происходило в ту зиму? После бегства из Бельхавена и встречи с эльфом Аваллак'хом в подземном комплексе Tîr na Bea Arainne. После стычки в Каэд Мырквиде и приключений с друидками. Что делал ведьмак в Туссенте с октября по январь?

– Что делал, что делал! Зимовал, – фыркнула адептка. – Не мог до оттепели перебраться через перевал, вот и зимовал, и скучал. И неудивительно, что позднейшие авторы обходили этот скучный фрагмент лаконичным «Прошла зима». Но если это так уж важно, попытаюсь выяснить. У нас есть какие-нибудь картины или рисунки?

Нимуэ улыбнулась:

– У нас есть даже один рисунок на рисунке.

Наскальная фреска изображала сцену охоты. Тощие, намеченные небрежными движениями кисти человечки с луками и копьями гнались, дико подпрыгивая, за огромным фиолетовым бизоном, на боку которого были намалеваны тигриные полосы, а над лирообразными изогнутыми рогами висело нечто вроде стрекозы.

– Так, – покачал головой Регис. – Стало быть, это и есть картина, нарисованная Аваллак'хом, многознающим эльфом.

– Да, – сухо подтвердил Геральт. – Это она и есть.

– Проблема в том, что в тщательно исследованных нами пещерах нет ни следа эльфов или других созданий, о которых ты упоминал.

– Они здесь были. А сейчас попрятались. Или же убрались вон.

– Сие есть факт бесспорный. Не забывай, аудиенция тебе была дана исключительно после вмешательства фламники. Видимо, сочли, что одной такой встречи вполне достаточно. После того как фламника категорически отказалась сотрудничать, я, поверь, не знаю, что еще можно предпринять. Мы таскаемся по пещерам целый день, и я не могу отделаться от ощущения, что таскаемся впустую.

– Я тоже, – горько сказал ведьмак, – не могу отделаться. Никогда не пойму эльфов. Но по крайней мере уже знаю, почему большинство людей не питает к ним нежных чувств. Трудно, понимаешь, отделаться от ощущения, что они насмеются над нами, измываются, презирают. Смеются.

– В тебе говорит антропоморфизм.

– Разве что самую малость. Но ощущение остается.

– Что дальше?

– Возвращаемся в Каэд Мырквид за Кагыром, друидки уже наверняка подлатали его оскальпированную головенку. Потом садимся на лошадей и воспользуемся приглашением княгини Анны-Генриетты. Не гримасничай, вампир. У Мильвы сломаны ребра, у Кагыра разбита башка, небольшая передышка в Туссенте обоим пойдет на пользу. Надобно также вытянуть Лютика из аферы, потому как, сдается мне, он вляпался крепко.

– Ну что ж, – вздохнул Регис, – да будет так. Стану держаться подальше от зеркал и собак, сторониться чародеев и телепатов. А если меня, несмотря на все, раскроют, рассчитываю на тебя.

– Можешь, – серьезно ответил Геральт. – Я тебя в беде не оставлю. Дружище.

Вампир улыбнулся, а поскольку они были одни, позволил себе показать полный комплект резцов, клыков, коренных и зубов мудрости.

– Дружище?

– Во мне говорит антропоморфизм. Ну ладно, выбираемся из этих пещер, дружище. Ибо здесь, похоже, мы не найдем ничего, кроме, как сказала бы Мильва, ремонтизма.

– Ревматизма... Разве что... Геральт? *Tig na Bea Againne*, эльфий некрополь, судя по тому, что ты видел, находится за наскальной картиной, как раз за этой стеной... Туда можно попасть, если... Ну, понимаешь? Если ее раздолбать. Об этом ты не подумал?

– Нет, не подумал.

Королю-Рыбаку, видать, снова подфартило, потому что на ужин были копченые гольцы. Рыбы оказались настолько вкусными, что про ученые разговоры забыли. Кондвирамурса объелась снова.

* * *

Копченые гольцы отыгрались на сновидице. «Пора спать, – подумала она, второй раз поймав себя на том, что страницы книжки переворачивает машинально, вовсе не улавливая содержания. – Пора!»

Она зевнула, отложила книжку. Раскинула подушки из положения «читать» в положение «отдыхать», заклинанием погасила лампу. Комната моментально погрузилась в непроницаемый, тягучий как патока мрак. Тяжелые бархатные шторы были плотно затянуты – адептка давно уже на практике убедилась, что в темноте видеть сны легче. «Что выбрать? – подумала она, потягиваясь и ворочаясь на простыне. – Отдаться онейроидной стихии или попытаться ловить на крючок?»

Вопреки общераспространенным утверждениям, сновидицы не помнили даже половины своих вещей снов, значительная часть их оставалась в памяти в виде смешения картинок, меняющих расцветки и формы, словно в калейдоскопе, детской игрушке из зеркалец и стеклышек. Еще полбеда, когда перемежающиеся картинки были просто лишены какого-то склада, лада и даже намек на значимость. Тогда можно было спокойно перейти к следующему пункту «повестки дня», вернее, ночи. По принципу: «не помню, значит, и не стоило помнить». На жаргоне сновидиц такие сны назывались ни на что не годной замазкой.

Худшими и более постыдными были «призраки» – сны, из которых сновидицы запомнили лишь отрывки, клочки знаний, сны, от которых к утру оставался только туманный привкус воспринятого сигнала. Если же «призрак» повторялся, это значило, что имеет место сон, содержащий немалую информационную ценность. Тогда сновидица концентрацией и самовнушением принуждала себя повторно, на этот раз во всех подробностях, вылущить конкретного «призрака». Наилучшие результаты давал метод принуждения себя к новому сну сразу после пробуждения – это называлось «тралением». Если сон не давал себя «зацепить», следовало попытаться вновь вызвать данную картину на одном из последующих сеансов путем концентрации и медитации, упреждающих погружение в сон. Такие программированные снения назывались загарпуниванием.

После двенадцати проведенных на острове ночей Кондвирамурса заполнила уже три листа, три комплекта снов. Был перечень достойных похвалы успехов – список «призраков», которые сновидица успешно «затрала» или даже «загарпунила». К таким относились сны о

бунте на острове Танедд, а также о путешествиях ведьмака и его группы через снежные заносы перевала Мальхеур, через весенние разливы и раскисшие дороги в долине Саддат. Был перечень провалов, то есть снов, которые, несмотря на все усилия, так и остались для слушательницы академии загадкой. И был список, так сказать, рабочий – перечень снов, ожидавших своей очереди.

И был один сон – странный, но очень приятный, – который то и дело возвращался в отрывках и мерцаниях, в неуловимых звуках и шелковистых прикосновениях.

Милый, чудесный сон.

«Хорошо, – подумала Кондвирамурса, прикрывая глаза. – Да будет так».

– Похоже, я знаю, чем занимался ведьмак, зимую в Туссенте.

– Ну-ка, ну-ка. – Нимуэ оторвалась от оправленного в кожу гримуара и поверх очков взглянула на сновидицу. – Наконец-то ты что-то выяснила?

– А как же, – горделиво сказала Кондвирамурса. – Увидела! Ведьмака Геральта и женщину с коротко стриженными черными волосами и зелеными глазами. Не знаю, кто это мог быть. Может, та княгиня, о которой пишет в своих заметках Лютик?

– Видимо, ты читала невнимательно, – немного охладила ее пыл чародейка. – Лютик описывает княгиню Анарьетту детально, а другие источники подтверждают, что волосы у нее были, цитирую: «каштанового цвета, с сияющим, воистину злату подобным ореолом». Конец цитаты.

– Стало быть, не она, – согласилась адептка. – «Моя» женщина была брюнеткой. Ни дать ни взять – настоящий уголь! А сон... хм-м-м... интересный.

– Слушаю внимательно.

– Они разговаривали. Но это был не совсем обычный разговор.

– И что же в нем было необычного?

– Большую часть времени она держала ноги у него на плечах.

– Скажи, Геральт, ты веришь в любовь с первого взгляда?

– А ты?

– Верю.

– Тогда я знаю, что нас соединило. Притяжение противоположностей.

– Не будь циником.

– Почему? Цинизм, говорят, доказывает наличие интеллекта.

– Неправда. Цинизм, при всем своем интеллектуальном обрамлении, отвратительно неискренен. Я не переносю никаких неискренности. Однако, коли уж мы об этом заговорили... Скажи, ведьмак, что ты любишь во мне больше всего?

– ЭТО.

– Ты из цинизма шарахаешься в тривиальность и банал. Попробай еще раз.

– Больше всего я люблю в тебе твой ум, твой интеллект и твою духовную глубину. Твою независимость и свободу. Твою...

– Не понимаю, откуда в тебе столько сарказма.

– Это был не сарказм. Это была шутка.

– Терпеть не могу таких шуточек. Тем более не ко времени сказанных. Всему, дорогой мой, свое время, и время всякой вещи под небом. Время молчать и время говорить, время плакать и время смеяться, время насаждать и время вырывать, пардон, собирать посаженное, время шутить и время размышлять...

– Время обнимать и время уклоняться от объятий?

– Не принимай сказанного столь буквально. Давай примем лучше, что сейчас пришло время комплиментов. Любовь без комплиментов отдает физиологией, а физиология плоска. Говори мне комплименты!

– Ни у кого от Яруги до Буины нет такой прелестной попки, как у тебя.

– Везет же! Теперь ради разнообразия ты поместил меня где-то между варварскими северными речками. Опуская вообще сомнительное качество метафоры, нельзя было разве сказать: «от Альбы до Вельды»? Или «от Альбы до Сансретур»?

– Мне ни разу в жизни не доводилось бывать на Альбе. Я стараюсь избегать сравнений, если они не подкреплены личным знанием вопроса.

– И-ах! Так ты серьезно? Отсюда вывод: попок – а речь, как ни говори, все еще о них – ты повидал и опробовал опытным путем достаточно много, чтобы сделать соответствующие сравнительные выводы? А, белоголовый? Так сколько же женщин было у тебя до меня? Э? Вопрос поставлен, ведьмак. Нет-нет, лапы прочь, таким манером ты не отвертишься. Так сколько женщин у тебя было до меня?

– Ни одной. Ты у меня первая!

– Ну то-то же!

Нимуэ уже достаточно долго разглядывала картину, изображающую в мягком кьяроскуро десять сидящих за круглым столом женщин.

– Жаль, – бросила она наконец, – что мы не знаем, как они выглядели на самом деле.

– Великие мэтрессы, – прыснула Кондвирамурса. – Но ведь их портретов – завались! В одной только Аретузе...

– Я сказала: на самом деле, – обрезала Нимуэ. – Я имею в виду не льстивые подобию, намалеванные на основании других, не менее льстивых портретов. Не забывай, было время уничтожения портретов чародеек. Да и самих чародеек заодно. А потом был период пропаганды, когда мэтрессы должны были самою своею внешностью пробуждать уважение, изумление, восхищение и священный ужас. Именно из тех времен идут все собрания логи, заговоры и договоры, полотна и графика, изображающие стол, а за ним десять изумительных, обворожительно прекрасных женщин. А истинных, аутентичных портретов нет. Не считая двух: чудом уцелевший портрет Маргариты Ло-Антиль, что висит в Аретузе на острове Танедд, и портрет Шеалы де Танкарвилль в Энсенате в Лан Эксетере.

– А написанный эльфами портрет Францески Финдабаир, который выставлен в венгербергской пинакотеке?

– Фальшивка. Когда открыли Двери и эльфы ушли, они забрали с собой или же уничтожили все произведения искусства, не оставили ни одной картины. Мы не знаем, была ли Маргаритка из Долин действительно так прекрасна, как гласит предание. Вообще не знаем, как выглядела Ида Эмеан. А поскольку в Нильфгаарде портреты чародеек уничтожали страстно и старательно, постольку мы не имеем понятия об истинной внешности Ассирэ вар Анагид и Фрингильи Виго.

– Однако примем и условимся, – вздохнула Кондвирамурса, – что все они были именно такими, как их изображали позже. Властными, добрыми и мудрыми, предусмотрительными, справедливыми и благородными. И прекрасными, убийственно прекрасными... Примем так. Тогда как-то жить становится легче.

Дневные дела в Inis Vitre обрели черты довольно утомительной рутины. Анализ снов Кондвирамурса, начинающийся за завтраком, обычно затягивался до полудня. Время между полуднем и обедом адептка проводила на прогулках – да и они вскоре сделались рутинными и скучными. И неудивительно – за один час остров можно было обойти дважды, насмотревшись

при этом на такие «увлекательные» объекты, как гранит, карликовая сосна, щебень и галька, беззубки, вода и чайки.

После обеда и долгой сиесты начинались дискуссии, просмотр книг, манускриптов и свитков, разглядывание картин, графики и карт. И долгие, затягивающиеся до ночи диспуты о том, как соотносятся между собой легенда и истина.

А потом были ночи – и сны. Различные сны. Воздержание давало о себе знать. Вместо загадок ведьмачьей легенды Кондвирамурсе снился Король-Рыбак в самых разнообразных ситуациях, начиная от предельно неэротичных и кончая эротически экстремальными. В предельно неэротическом сне Король-Рыбак волок ее на леске за лодкой. Греб медленно и отупело, так что она погружалась в воду, тонула, задыхалась, и к тому же ее раздирал на части жуткий страх – она чувствовала, что от дна озера отрывается и взмывает к поверхности нечто жуткое, что-то такое, что жаждет заглотить тянущуюся за лодкой наживку, коей была она. Это «нечто» уже вот-вот должно было схватить ее, но тут Король-Рыбак сильней налегал на весла, утягивая ее за пределы досягаемости челюстей невидимого хищника. Она захлебывалась и просыпалась.

Во сне недвусмысленно и экстремально эротическом она стояла на коленях на дне раскачивающейся лодки, перегнувшись через борт, а Король-Рыбак держал ее за шею и «прочищал» с великим запалом, бурча при этом, хрипя, отхаркиваясь и сплевывая. Несмотря на физическое удовлетворение, Кондвирамурса чувствовала перекручивающий внутренности ужас – что будет, если Нимуэ их прихватит? Неожиданно в воде озера возникало расплывчатое и искаженное яростью лицо маленькой чародейки, и адептка просыпалась вся в поту.

Тогда она вставала, отворяла окна, захлебывалась ночным воздухом, лунным светом, наплывающим от озера туманом.

Потом ложилась и продолжала снить дальше.

У башни Inis Vitre была терраса, опирающаяся на столбы и нависающая над озером. Вначале Кондвирамурса не обращала на это обстоятельство внимания, однако в конце концов стала задумываться. Странная терраса – совершенно недоступная. Ни одно известное ей помещение не имело сюда выхода.

Понимая, что жилища чародеек не могут обойтись без таких тайных аномалий, Кондвирамурса не задавала вопросов. Даже когда, прогуливаясь по берегу озера, замечала глядящую на нее с террасы Нимуэ. Террасы, недоступной, видимо, только для непосвященных.

Возмущенная тем, что ее считают простофилей, она обиделась и повела себя так, будто ничего не случилось. Однако вскоре «страшная тайна» перестала быть таковой.

Это произошло после того, как на нее снизошла черед снов, активированных акварелями Вильмы Вессели. Увлеченная, по-видимому, одним из фрагментов легенды, художница посвятила все свои произведения Цири и Башне Ласточки.

– Странные у меня бывают после этих картинок сны, – посетовала Кондвирамурса на следующее утро. – Я сню... картинки. Все время одни и те же картинки. Не ситуации, картинки. Цири на зубах башни... Неподвижная картинка.

– И ничего больше? Никаких ощущений, кроме зрительных?

Нимуэ, конечно, знала, что такая способная сновидица, как Кондвирамурса, снит всеми органами чувств – воспринимает сны не только зрительно, как большинство людей, но также слухом, обонянием, осязанием и даже... вкусом.

– Ничего, – покачала головой Кондвирамурса. – Только...

– Ну-ну...

– Мысль. Упорная мысль. Что над тем озером, в той башне, я вовсе не хозяйка, а узница.

– Пойдем со мной.

Как Кондвирамурса и полагала, выйти на террасу можно было только из личных комнат чародейки, чистеньких, ухоженных, пахнущих сандалом, миррой, лавандой и нафталином.

Надо было воспользоваться маленькой потайной дверью и винтовой лестницей, ведущей вниз. Лишь после этого можно было попасть куда следовало.

В комнате, в отличие от остальных помещений, на стенах не было ни панелей, ни обоев, простая побелка, а потому здесь было светло. Свет вливался и сквозь огромное трехстворчатое окно, вернее, остекленные двери, ведущие прямо на террасу, что нависла над озером.

Единственными предметами мебели в комнате были два кресла, огромное зеркало в овальной раме красного дерева и что-то вроде стойки с поперечным горизонтальным плечом, на котором, касаясь фестонами пола, висел гобелен размером пять на семь футов.

Скальный обрыв над горным озером. Замок, утопленный в склон обрыва, словно часть каменной стены. Замок, который Кондвирамурса хорошо знала по многочисленным иллюстрациям.

– Цитадель Вильгефорца, место заключения Йеннифэр. Здесь завершилась легенда.

– Верно, – с деланным равнодушием подтвердила Нимуэ. – Здесь завершилась легенда, по крайней мере в ее известных версиях. Мы знаем именно эти версии, поэтому нам кажется, будто мы знаем финал. Цири сбежала из Башни Ласточки, где, как ты выснила, она была в заточении. Убежала, когда сообразила, что с ней намерены сделать. Легенды приводят множество вариантов ее бегства...

– Мне, – перебила Кондвирамурса, – особенно нравится та, в которой говорится о бросании за спину предметов. Гребня, яблока и носового платка. Но...

– Кондвирамурса!

– Прости.

– Версий бегства, как я уже говорила, множество. Но до сих пор не совсем ясно, каким образом Цири из Башни Ласточки попала прямо в замок Вильгефорца... А ты никак не можешь выснить Башню Ласточки? Попробай выснить замок. Внимательнее пригляди к гобелену... Ты меня слушаешь?

– Зеркало... Оно магическое, да?

– Нет. Я выдавливаю перед ним прыщи.

– Прости.

– Это зеркало Хартманна, – пояснила Нимуэ, видя сморщенный нос и надутые губы адепки. – Если хочешь, загляни. Но, пожалуйста, будь осторожна.

– А правда ли, – спросила дрожащим от возбуждения голосом Кондвирамурса, – что через Хартманна можно перейти в другие...

– Миры? Конечно. Но не сразу, не без подготовки, медитации, концентрации и множества других действий. Советую тебе быть осторожной, я имела в виду нечто другое.

– Что именно?

– Зеркало действует в обе стороны. Из Хартманна в любой момент может что-нибудь выйти.

– Знаешь, Нимуэ... Когда я смотрю на гобелен...

– Ты снила?

– Снила. Но странно. С высоты птичьего полета. Я была птицей... Видела замок снаружи. Но не могла в него проникнуть. Что-то не давало, перекрывало доступ.

– Смотри на гобелен, – приказала Нимуэ. – Смотри на цитадель. Смотри внимательно, сосредоточься на каждой детали. Концентрируйся сильно, глубоко, врежь это изображение в память. Я хочу, чтобы во сне ты туда вошла. Попала внутрь. Очень важно, чтобы ты туда вошла.

Снаружи, за стенами замка, судя по всему, бушевала прямо-таки адская метель, в камине огонь так и гудел, быстро пожирая поленья. Йеннифэр блаженствовала в тепле. Ее теперешняя «келья» была, правда, в тысячи раз теплее той мокрой дыры, в которой она провела, пожалуй,

месяца два, но все равно и тут у нее зуб на зуб не попадал. Там она полностью потеряла счет времени, да и потом никто не торопился сообщить ей дату, но она была уверена, что на улице зима, декабрь, может, даже январь.

– Ешь, Йеннифэр, – сказал Вильгефорц. – Ешь, не стесняйся.

Чародейка и не думала стесняться. А если ела медленно и с трудом справлялась с курицей, то исключительно потому, что ее только-только зарубцевавшиеся пальцы все еще были неловкими и почти не гнулись. Удержать нож и вилку ими было трудно. А есть руками она не хотела – предпочитала демонстрировать свое превосходство Вильгефорцу и остальным пиршествующим гостям чародея. Ни одного из них она не знала.

– Искренне сожалею, но вынужден сообщить тебе, – сказал Вильгефорц, поглаживая пальцами ножку фужера, – что Цири, твоя подопечная, распрощалась с этим миром. Винить за это ты можешь только себя, Йеннифэр. И свое безрассудное, бессмысленное упрямство.

Один из гостей, невысокий темноволосый мужчина, мощно чихнул, высморкался в батистовый платочек. Нос у него был опухший, красный и явно наглухо забитый.

– Будь здоров, – сказала Йеннифэр, на которую зловещие слова Вильгефорца не произвели никакого впечатления. – Откуда бы такая серьезная простуда, милсдарь? Слишком долго стояли на сквозняке после ванны?

Второй гость, годами постарше, крупный, худой, с отвратительно белесыми глазами, неожиданно захохотал. Простудившийся же после ванны мужчина, хоть физиономию ему перекосило от злости, поблагодарил чародейку кивком и короткой простуженной фразой. Однако недостаточно короткой, чтобы она не уловила нильфгаардского акцента.

Вильгефорц повернулся к ней. Он больше не носил на голове золотой «опалубки» для хрустального яблока в глазной впадине, однако выглядел еще чудовищней, чем тогда, летом, когда она увидела его рану в первый раз. Регенерированное левое глазное яблоко уже пришло в порядок, но было заметно меньшего размера, нежели правое. От такой картинки перехватывало дыхание.

– Ты, Йеннифэр, – процедил он, – вероятно, полагаешь, что я лгу, ловлю тебя в силки, пытаюсь застать врасплох? Зачем бы мне это? Известие о гибели Цири потрясло меня не меньше, да что там, гораздо сильнее, чем тебя. В конце концов, я связывал с девушкой вполне конкретные надежды, строил планы, которым предстояло сыграть решающую роль в моей дальнейшей жизни. Теперь девушка мертва, и мои планы рухнули.

– Прекрасно. – Йеннифэр, с трудом удерживая нож непослушными пальцами, пыталась резать наштигованную черносливом свиную котлету.

– Тебя же, – продолжал чародей, не обращая внимания на комментарий, – связывала с Цири исключительно глупая сентиментальность, на которую в различных пропорциях влияли сожаление о собственном бесплодии и чувство вины. Да, да, Йеннифэр, чувство вины! Ведь ты активно участвовала в скрещивании парочек и, я бы сказал, в откормке производителей, благодаря чему и явилась на свет малютка Цири. И ты перенесла свои чувства на плод генетического эксперимента – кстати сказать, неудачного. Ибо у экспериментаторов не хватило знаний.

Йеннифэр молча пожелала ему успехов, подняв бокал и одновременно искренне моля судьбу, чтобы та не дала бокалу вывалиться из руки. Она постепенно приходила к выводу, что по меньшей мере два пальца из пяти не будут сгибаться очень долго. Возможно, никогда.

Вильгефорц не обратил на ее жест никакого внимания.

– Теперь уже поздно. Это случилось, – прошипел он сквозь зубы. – Однако знай, Йеннифэр, у меня-то знания были. А если б была и девушка, то я своими знаниями наверняка бы воспользовался. Остается лишь сокрушаться. А ведь я мог бы укрепить и подлечить твой эрзац материнского инстинкта. Хоть ты суха и стерильна как камень, с моей помощью ты обрела бы не только дочь, но и внучку. Или, на худой конец, заменитель внучки.

Йеннифэр пренебрежительно приснула, хотя прямо-таки закипала от ярости.

– С величайшим сожалением вынужден подпортить твоё праздничное настроение, дорогая, – холодно сказал чародей. – Думаю, тебе не очень приятно будет узнать, что ведьмак Геральт из Ривии также почил в бозе. Да-да, тот самый ведьмак Геральт, с которым тебя, да, кажется, и Цири, связывал суррогат чувств – смешная сентиментальность, глупая и переслащенная до тошноты. Знай, Йеннифэр, что наш обожаемый ведьмак распрощался с земной юдолью буквально пламенно и весьма эффектно. Однако тебе не следует ни в чём себя корить. В смерти ведьмака ты не повинна даже в самой что ни на есть наименьшей степени. Всю чехарду устроил я. Отведай маринованных грушек, они, поверь мне, отменны.

В фиалковых глазах Йеннифэр полыхнула холодная ненависть. Вильгефорц рассмеялся.

– Вот такой ты мне нравишься, – сказал он. – Честное слово, если б не двумеритовые браслеты, ты б меня наверняка испекла. Но двумерит действует, так что испекать меня ты можешь исключительно взглядом.

Простуженный чихнул, высморкался и раскашлялся так, что слезы полились из глаз. Высокий и худой рассматривал чародейку своими неприятными рыбьими глазами.

– А куда же подевался милостивый государь Риенс, – спросила Йеннифэр, растягивая слова. – Тот милостивый государь Риенс, который столько всего мне наплел и наобещал бог весть что со мной сотворить? И где сейчас господин Ширру, никогда не упускавший okazji ударить меня и пнуть? Почему стражники, ещё недавно хамливые и грубые, теперь ведут себя с робким уважением? Нет, Вильгефорц, ты вовсе не обязан отвечать. Я знаю: то, о чём ты говорил, – одна большая липа. Цири от тебя ускользнула, и Геральт от тебя ускользнул, попутно вроде бы устроив твоим бандитам кровавую баню. И что теперь? Планы рухнули, пошли прахом, ты сам это признал, сны о могуществе развеялись как дым. А чародеи и Дийкстра уже нащупывают вас. Да-да, нащупывают. Неспроста и не из жалости ты перестал меня пытаться и принуждать к сканированию. А император Эмгыр затягивает сеть, и он, скорее всего, очень, ну очень зол. *Ess a tearth, me tiarn? A'pleine a cales, ellea?*

– Я знаю всеобщий, – сказал простуженный, выдерживая её взгляд. – А зовут меня Стефан Скеллен. И у меня отнюдь, да-да, отнюдь не полны штаны. Хо, мне до сих пор кажется, что я нахожусь в гораздо более выгодном положении, чем вы, госпожа Йеннифэр.

Долгая речь утомила его, он раскашлялся снова и высморкался в уже вконец промокший батистовый платочек. Вильгефорц стукнул кулаком по столу.

– Кончаем игру, – проговорил он, жутко вращая маленьким глазком. – Учти, Йеннифэр, мне ты больше не нужна. В принципе надо было бы засунуть тебя в мешок и утопить в озере, но я с величайшей неохотой прибегаю к таким методам. До поры до времени, пока обстоятельства позволят либо заставят принять другое решение, ты будешь находиться в изоляции. Однако предупреждаю – я не позволю тебе доставлять мне неприятности. Ежели ты снова решишься на голодовку, знай, я не стану, как это было в октябре, терять время на кормление через трубку. Я просто позволю тебе изголодаться до смерти. А если попробуешь бежать, приказы стражникам будут однозначными. А теперь позволь откланяться. Если, разумеется, ты уже удовлетворила свой голод.

– Нет. – Йеннифэр встала, швырнула салфетку на стол. – Может, я и ещё что-нибудь отведала бы, но собравшееся за столом общество отбивает у меня аппетит. Позвольте откланяться.

Стефан Скеллен чихнул и закашлялся. Белесоглазый косил на неё злым глазом и препаскуднейше ухмылялся. Вильгефорц глядел в сторону.

Как обычно, когда её вели в узилище или из узилища, Йеннифэр пыталась понять, где находится, добыть хотя бы обрывок информации, который мог бы оказаться полезным в задуманном бегстве. И всякий раз ничего не получалось. У огромного замка не было окон, сквозь которые можно было бы увидеть окружающий пейзаж или хотя бы солнце и попытаться опре-

делить стороны света. Телепатия невозможна, два тяжелых браслета и ошейник из димерита эффективно сводят на нет любые попытки воспользоваться магией.

Комната, где ее держали, была холодной и спартански суровой, как келья затворника. Однако Йеннифэр вспомнила тот радостный день, когда ее вытащили из ямы. Из подвала, на дне которого вечно стояла зловонная лужа, а на стенах выросли селитра и соль. Из подвала, где ее кормили объедками, и крысы без всяких трудов вырывали эти жалкие объедки из ее искалеченных пальцев. Когда спустя два месяца ее расковали и, вытащив оттуда, позволили переодеться и искупаться, Йеннифэр не знала, куда деваться от счастья. Новая комната показалась ей королевской опочивальней, а жидкий супец, который ей приносили, – живительным бульоном из ласточкиных гнезд, достойным императорского стола. Ясное дело, очень скоро бульон оказался обычными помоями, удобное ложе – жесткой лежанкой, а королевская опочивальня – тюрьмой. Холодной, тесной камерой, в которой, сделав четыре шага, упираешься в стену.

Йеннифэр выругалась, вздохнула, присела на карло – единственный, кроме лежанки, предмет мебели.

Мужчина вошел так тихо, что она едва услышала.

– Меня зовут Бонарт, – сказал он. – Постарайся запомнить это имя, ведьма. Да вколоти его как следует себе в башку.

– В гробу я тебя видела вместе с твоим затраханном именем!

– Я, – скрежетнул он зубами, – охотник за людьми. Да-да, слушай как следует, чародейка. В сентябре, три месяца назад, я в Эббинге поймал твоего ублюдка. Ту самую Цирю, о которой тут столько трепы.

Йеннифэр стала слушать внимательнее. Сентябрь, Эббинг. Поймать-то поймал. Да где же она? Может, врет, падла?

– Сероволосая ведьмачка, вышколенная в Каэр Морхене. Я заставил ее драться на арене: убивать людей под визг публики. Понемногу, мало-помалу превратил ее в зверюгу. Учил арапником, кулаком и каблуками. Долго учил. Но она сбежала, зеленоглазое змийство.

Йеннифэр неслышно вздохнула.

– Сбежала от меня в мир иной. Но когда-нито мы еще встретимся. Уверен, уж когда-нибудь – да встретимся. Да, чародейка. И ежели я о чем-то сожалею, так только о том, что твоего ведьмачьего любовничка, Геральта, испекли на живом огне. Я охотно дал бы ему попробовать моего клинка, выродку треклятому.

Йеннифэр фыркнула.

– Послушай-ка, Бонарт, или как тебя там. Не смейся. Ты ведьмаку и в подметки не годишься. И сравниться с ним не можешь. Ни в чем. Ты, как только что сам выразился, живо-дер и палач. А герой разве что против щенков.

– Глянь-ка сюда, ведьма.

Он резко распахнул куртку и рубаху, вытянул, путая их, три цепочки с тремя серебряными медальонами. Один изображал кошачью голову, второй – голову то ли орла, то ли грифа, третьего она как следует не рассмотрела. Скорее всего, это была волчья голова.

– Таких штучек, – фыркнула она, снова изображая безразличие, – полным-полно на ярмарках.

– Эти не с ярмарки.

– Да неужто?!

– Было время, – прошипел Бонарт, – когда порядочные люди боялись ведьмаков пуще чудовищ. Чудовища, известное дело, сидели по лесам и камышникам, а ведьмаки нагло разгуливали по улицам, заходили в кабаки, вертелись около храмов, всяческих заведений, школ и игровых площадок. Порядочные люди справедливо сочли это непорядком. Поэтому решили поискать кого-нибудь, кто мог бы призвать нахальных ведьмаков к порядку. И нашли. Нелегко, небыстро, неблизко, но нашли. Как видишь, у меня на счету – тройка. Ни один выродок больше

не появлялся в округе и не пугал почтенных граждан своей внешностью. А если б появился, то я разделал бы его точно так же, как предыдущих.

– Во сне? – скривилась Йеннифэр. – Из самострела? Из-за угла? Или, может, подлив яду?

Бонарт спрятал медальоны под рубаху, сделал два шага в ее сторону.

– Дразнишься, ведьма?

– Было такое намерение.

– Так, значит? Ну, сейчас я покажу тебе, сучье вымя, кто кому в подметки годится. С кем я могу соперничать во всем. Да что там, я даже, думаю, покрепче его буду.

Стоявшие за дверью стражники аж подскочили, услышав пробившийся из камеры грохот, треск, гул, вой и скулеж. А если б стражникам когда-либо в жизни довелось слышать рев пойманной в капкан пантеры, то они могли бы поклясться, что в камере находится именно этот хищник!

Потом до стражников долетел страшный рык раненого льва, которого, впрочем, стражники тоже никогда не слышали, да и видели только на гербах. Они переглянулись. Покачали головами. А потом ворвались в комнату.

Йеннифэр сидела, сжавшись, среди обломков лежанки – волосы взъерошены, платье и рубашка разодраны сверху донизу, маленькая девичья грудь бурно вздымается в такт тяжелому дыханию. Из носа текла кровь, на лице быстро увеличивалась припухлость, наливались малиновым цветом царапины на плече.

Бонарт сидел в другом углу среди остатков карла, обеими руками ухватившись за промежность. У него из носа тоже текла кровь, окрашивая седые усы глубоким кармином. Лицо искорежено кровавыми царапинами. Едва зажившие пальцы Йеннифэр были жалким оружием, а вот звенья димеритовых браслетов обладали прекрасными, роскошно острыми краями.

В распухающей на глазах щеке Бонарта, точнехонько посреди скулы, торчала чуть ли не по ручку вбитая обоими зубьями вилка, которую Йеннифэр стащила со стола во время ужина.

– Только против щенков ты годеи, изувер, – выдохнула чародейка, пытаясь прикрыть грудь остатками платья. – А от сучек держись подальше. Слабоват ты против них, сопляк!

Она не могла себе простить, что попала не туда, куда целила – в глаз. Ну что ж, мишень была подвижной, а кроме того, полное совершенство недостижимо.

Бонарт рывкнул, встал, выдернул вилку, взвыл и пошатнулся от боли. Изрыгнул мерзкие ругательства.

Тем временем в камеру заглянули еще два стражника.

– Эй вы! – заорал Бонарт, стирая кровь с лица. – Быстрее сюда! Тащите эту сволочугу на середину комнаты, распните крестом и держите, да покрепче!

Стражники переглянулись. Уставились в потолок.

– Идите-ка лучше отседова, господин хороший, – сказал один. – Нам за это не платят.

– А окромя того, – буркнул другой, – нету у нас охоты кончить как Риенс или Ширру.

Кондвирамурса отложила в стопку картинок картон с изображением тюремной камеры и женщины, сидевшей с опущенной головой, в кандалах, прикованной к каменной стене.

– Ее мучили, а ведьмак в это время забавлялся в Туссенте с какими-то брюнетками.

– Осуждаешь? – резко спросила Нимуэ. – Ничего практически не зная?

– Нет. Не осуждаю, но...

– Никаких «но». Замолкни, пожалуйста.

Некоторое время они сидели молча, переключая гравюры и акварели.

– Все версии легенды, – Кондвирамурса указала на одну из гравюр, – местом ее кончины, финала, последней битвы Добра со Злом, прямо-таки Армагеддона, называют замок Рыс-Рун. Все, кроме одной.

– Да, – кивнула Нимуэ. – Все, кроме анонимной, мало популярной версии, известной как «Черная книга из Элландера».

– «Черная книга» сообщает, что финал разыгрался в крепости Стигга.

– Именно. Да и другие, канонические моменты легенды «Книга из Элландера» подает совсем иначе, существенно отклоняясь от канона.

– Интересно, – Кондвирамурса подняла голову, – который из замков изображен на иллюстрациях? Который выткан на гобелене у тебя в кабинете? Которое изображение соответствует истине?

– Этого нам не узнать никогда. Замок – свидетель финала – погиб. Разрушен. От него не осталось и следа, в этом сходятся все легенды, даже та, которую приводит «Книга из Элландера». Ни одно из приведенных в источниках мест не вызывает доверия. Мы не знаем и никогда не узнаем, как выглядел и где стоял этот замок.

– Но истина...

– Для истины, – резко перебила Нимуэ, – как раз это-то и не существенно. Не забывай, мы не знаем, как в действительности выглядела Цири. Но вот на этом картоне руки Вильмы Вессели изображена явно она, ведущая бурный разговор с эльфом Аваллак'хом на фоне скульптур капризничаящих детей. Это, несомненно, Цири.

– Но, – не сдавалась Кондвирамурса, – твой гобелен...

– Изображает замок, в котором разыгрался финал легенды.

Молчали долго. Шелестели переворачиваемые листы.

– Не нравится мне, – проговорила Кондвирамурса, – версия легенды из «Черной книги». Она какая-то... Какая-то...

– Беспощадно правдивая, – закончила Нимуэ, покачав головой.

Кондвирамурса зевнула, отложила «Полвека поэзии», издание дополненное с послесловием профессора Эверетта Денхофа-сына. Разбросала подушки, сменив их расположение «для чтения» в расположение «для сна». Снова зевнула, потянулась, погасила лампу. Комната погрузилась во тьму, нарушаемую только иглами лунного света, что проникал сквозь щели в ставнях. «Что выбрать на эту ночь? – спросила себя адептка, ворочаясь на простыне. – Отдаться на волю судьбы? Или тралить?»

После недолгого раздумья выбрала второе.

Был какой-то туманный, то и дело возвращающийся сон, который никак не удавалось досмотреть до конца. Он рассеивался, исчезал между другими снами, как ниточка основы теряется в разноцветном тканом узоры. Сон, который исчезал из памяти и в то же время упрямо сидел в ней.

Когда она наконец уснула по-настоящему, сон сошел на нее моментально. Стоило закрыть глаза.

Ночное безоблачное небо, светлое от луны и звезд. Горы, на их склонах виноградники, припорошенные снегом. Черный угловатый силуэт здания – зубчатые стены, колонны, столбы, одинокая наружная beffroi¹¹.

Два наездника. Въезжают в пространство между стенами, слезают с лошадей, входят в портал. Но в зияющее в полу отверстие спускается только один.

Тот, у которого белые волосы.

Кондвирамурса застонала сквозь сон, заметалась на постели.

Беловолосый спускается по ступеням, глубоко-глубоко в подвал.

Идет по темным коридорам, освещает их, то и дело зажигая торчащие в железных захватах лучины. Призрачные тени пляшут по стенам и сводам.

Коридоры, ступени, снова коридоры. Яма, огромный склеп, вдоль стен бочки. Груда кирпичей. Потом разветвляющийся коридор. В обоих разветвлениях тьма. Беловолосый зажигает очередную лучину. Вытягивает меч из ножен на спине. Не знает, по какому коридору пойти. Наконец выбирает правый. Очень холодный, крутой, заваленный хламом.

¹¹ Дозорная башня (*фр.*).

Кондвирамурса стонет во сне, ее охватывает страх. Она знает, что путь, выбранный беловолосым, ведет к опасности.

И еще она знает, что беловолосый ищет опасности.

Ибо это его занятие.

Адептка мечется на постели, стонет. Она – сновидица, она снит, она в онейроскопическом трансе и неожиданно, провидчески, знает, что произойдет через минуту. «Осторожнее! – хочет крикнуть она, хоть и знает, что крикнуть не сумеет. – Осторожнее, обернись!

Берегись, ведьмак!»

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

Глава третья

*При свете радужной зари,
Крылами хлопая, летят
На токовище глухари,
Подруг себе найти хотят.*

*Вот так и мы самой судьбой
Любовью связаны с тобой...
Я так хочу лобзать тебя,
Златые кудри теребя.*

Из переложений Франсуа Вийона

*Ведьмак, хоть он так спешил, так торопился, так подгонял своих
и так сквернословил, тем не менее остался в Туссенге почти на всю зиму.
Что послужило тому причиной? Об этом я писать не стану. Причины
были, и все тут, и не о чем говорить. Тем же, кому не терпится ведьмака
осудить, напомню, что у любви множество имен, и не судите, да не
судимы будете.*

Лютик

Полвека поэзии

Those were the days of good hunting and good sleeping.
Rudyard Kipling¹²

Чудовище напало из темноты, из засады, тихо и предательски. Оно возникло внезапно, возникло во мраке, как всполох огня. Как язык пламени.

Геральт, хоть его и застигло врасплох, отреагировал инстинктивно. Вывернулся, проехав спиной по стене. Бестия пролетела мимо, отбилась от кровли, будто мяч, махнула крыльями и прыгнула вновь, шипя и разевая жуткий клюв. Но теперь ведьмак был наготове.

Он ударил из короткого замаха, от локтя, целясь чуть ниже горла, под карминовые «бусины», огромные, в два раза превышающие индюшачьи. Почувствовал, как клинок рассекает плоть. Инерция удара откинула бестию на землю, к стене. Скоффин вскрикнул, и был это крик почти человеческий. Скоффин метался среди битых кирпичей, размахивал и молотил крыльями, брызгал кровью, разваливая все вокруг себя хлыстообразным хвостом. Ведьмак был уверен, что бой окончен, но чудовище невероятно удивило его, неожиданно ринувшись ему на горло, страшно скрипя, выставив когти, шелкая и клацающая клювом. Геральт отпрянул, оттолкнулся плечом от стены, резанул наотмашь снизу, используя силу толчка. Попал. Скоффин снова свалился на осколки кирпичей, вонючая сукровица брызнула на стену и стекла по ней, оставив фантастический узор. Сбитое в прыжке чудовище уже не металось, только дергалось, скрипело, вытягивало длинную шею, раздувало «сопли» и трясло «бусинами». Кровь потоком текла между кирпичами, на которых валялся скоффин.

Геральт запросто мог бы добить его, но не стал этого делать, чтобы не портить шкуры. Спокойно ожидал, пока скоффин изойдет кровью. Отошел на несколько шагов, отвернулся к стене, расстегнул ширинку и помочился, насвистывая тоскливую мелодийку.

¹² Это были дни хорошей охоты и хорошего сна. Редьярд Киплинг (англ.).

Скоффин перестал скрипеть, утих, замер. Ведьмак подошел, слегка ткнул его острием меча. Видя, что все кончено, схватил чудовище за хвост, поднял. Удерживаемый за основание хвоста на высоте бедра, скоффин касался орлиным клювом земли, в раскинутых крыльях было больше четырех футов.

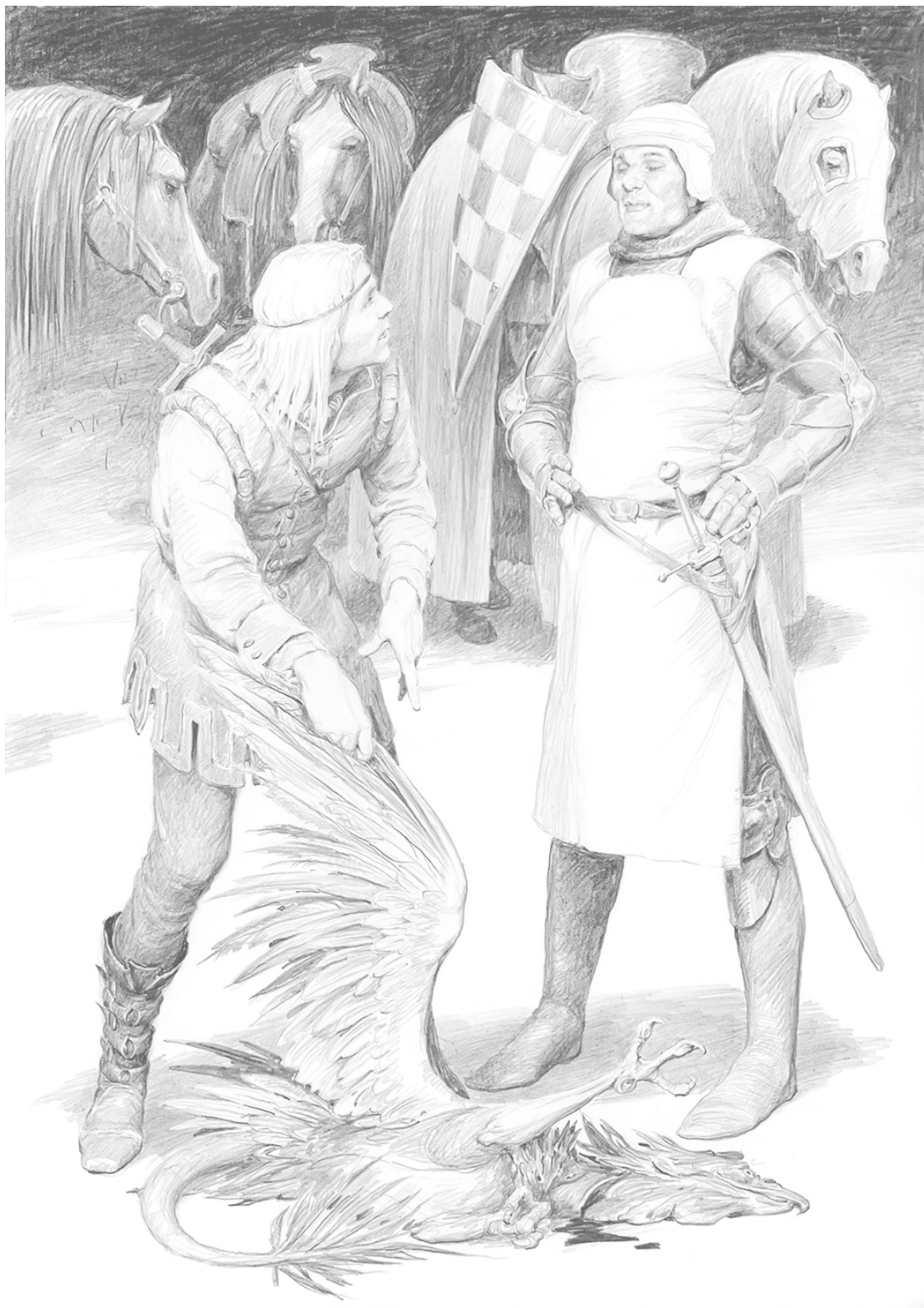
– Легкий ты, куролиск. – Геральт потрянул бестию, действительно весившую лишь немного больше хорошо откормленного индюка. – Легковат. К счастью, мне платят поштучно, а не пофунтово.

– Впервые. – Рейнарт де Буа-Фресне тихонько свистнул сквозь зубы, выражая тем самым высочайшую степень удивления. Геральт это знал. – Впервые, говорю, вижу такую погань собственными глазами. Чудо чудное, чес-слово, чудо из чудес. Стало быть, это и есть прославленный василиск?

– Нет. – Геральт приподнял чудовище повыше, чтобы рыцарь мог получше его рассмотреть. – Не василиск. Куролиск.

– Какая разница?

– Принципиальная. Василиск, именуемый также регулюсом, – гад, а куролиск, именуемый также скоффином либо кокатриксией, – орниторептилия, то есть не пресмыкающееся и не птица. Это единственный известный представитель рода, который ученые называли орниторептилиями, поскольку после долгих дискуссий обнаружили...

– А которые из этих двух, – перебил Рейнарт де Буа-Фресне, которого явно не интересовали мотивации ученых, – взглядом убивает или превращает в камень?

– Никоторый. Это выдумка.

– Тогда почему же люди так их боятся? Этот, к примеру взять, не такой уж крупный. Он что, действительно может быть опасен?

– Этот, как ты выразился, к примеру взять, – ведьмак тряхнул добычей, – обычно нападает сзади, а целится точно меж позвонков либо под левую почку, в аорту. Как правило, достаточно одного удара клювом. А что до василиска, то без разницы, куда он укусит. Его яд – сильнейший из известных нейротоксинов, убивает за одну секунду.

– Бррр... А скажи, которого из них можно прикончить с помощью зеркала?

– Любого. Если садануть прямо по башке.

Рейнарт де Буа-Фресне захохотал. Геральт не смеялся: шутка о василиске и зеркале перестала его забавлять еще в Каэр Морхене – учителя слишком часто ее повторяли. Столь же малосмешными были шутки о девицах и единорогах. Рекорды глупости и примитивизма побивали в Каэр Морхене неисчислимые версии анекдота о драконихе, которой юный ведьмак на спор вознамерился пожать правую лапу. Заднюю.

Он улыбнулся воспоминаниям.

– Предпочитаю видеть тебя улыбающимся, – проговорил Рейнарт, внимательно глядя на него. – В сто раз и вообще неизмеримо более желаю видеть тебя таким, как сейчас, нежели таким, каким ты был в октябре, после той драки в друидском лесу, когда мы ехали в Боклер. Тогда, поверь, ты был мрачен, злобен и обижен на весь белый свет, словно обманутый ростовщик, да к тому же раздражителен, будто мужчина, у которого всю ночь ничего не получилось. Даже под утро.

– Я правда был такой?

– Правда. Поэтому неудивительно, что я предпочитаю видеть тебя именно таким, как сейчас. Я бы сказал: возродившимся.

– Трудотерапия. – Геральт снова тряхнул удерживаемого за хвост куролиска. – Спасительное влияние профактивности на психику. А теперь, чтобы продолжить курс терапии, перейдем к интересам. Есть возможность заработать на скоффине немного больше, чем назначено за его убийство. Он покалечен не сильно, и если у тебя найдется клиент на весь экземпляр, с тем, чтобы изготовить из него чучело, бери не меньше двухсот. Если потребуется загонять по частям, запомни: самое ценное – перья с верхней части хвоста, особенно центральные рулевые. Их можно заточить гораздо тоньше, чем гусиные, пишат они лучше и чище, а сами – тверже. Писака, который в этом что-нибудь смыслит, не задумываясь отдаст по пятерке за штуку.

– У меня есть клиенты на труп для набивки, – усмехнулся рыцарь. – Цех бондарей. Они видели в Кастель Равелло чучело подобной дряни, плешницу или как там ее... Сам знаешь кого, ту, что на другой день после Саовины забили в ямах под руинами старого замка...

– Помню.

– Ну, так бондари видели чучело и просили меня достать им что-нибудь такое же раритетное для украшения цехового помещения. Куролиск будет в самый раз. Цех бондарей в Туссенте, как ты догадываешься, не жалуется на недостаток заказов и благодаря этому живет припеваючи. Они дадут без звука и двести двадцать. Может, даже и побольше, попробую поторговаться. А что до перьев... Бондари не заметят, если мы выдерем у куролиска из задницы несколько штук и загоним княжеской канцелярии. Канцелярия платит не из своего кошелька, а из княжеской казны, так что не торгуясь выложит не пять, а все десять за перо.

– Преклоняюсь перед рыцарской предприимчивостью... и предпринимательством.

– *Nomen omen*¹³. – Рейнарт де Буа-Фресне улыбнулся еще шире. – Мама должна была что-то предчувствовать, давая мне имя лиса-хитреца из известной сказки.

– Тебе надо было стать купцом, а не рыцарем.

– Ага, – согласился рыцарь. – Но что делать: коли уж родился сыном гербового господина, то так и проживешь всю жизнь гербовым господином, наплодив, хе-хе-хе, гербовых госпожат.

¹³ Имя есть значение (*лат.*).

Ничего не попишешь, хоть ты лопни. Впрочем, Геральт, ты тоже не так уж скверно посчитываешь, а меж тем торговлишкой не промышляешь.

– Не промышляю, кстати, по тем же причинам, что и ты. С той лишь разницей, что я так и помру ведьмаком, никаких ведьмачат не наплодив. Пошли отсюда.

Снаружи, у стен небольшого замка, их охватил холод и ветер с гор. Ночь была ясная, небо безоблачное и звездное, лунный свет искрился на виноградниках, укрытых недавно выпавшим, чистейшим снегом.

Стреноженные лошади встретили их фырканием.

– Следовало бы, – сказал Рейнарт, многозначительно глядя на ведьмака, – сразу же встретиться с клиентами и положить в кошель то, что удастся выторговать. Но ты, полагаю, спешишь в Боклер, а? К некоему альковчику?

Геральт смолчал, ибо на такие вопросы не отвечал принципиально. Приторочил тушку скоффина к седлу запасной лошади, сам вскочил на Плотву.

– Встретимся с клиентом, – решил он, поворачиваясь в седле. – Ночь еще молодая, а я голоден. Охотно бы чего-нибудь выпил. Едем в город. В «Фазанщину».

Рейнарт де Буа-Фресне хохотнул, поправил висящий на луке щит в красно-желтых пашечках, забрался на высокое седло.

– Воля ваша, кавалер. Итак, в «Фазанщину». Пшел, Буцефал!

Они шагом поехали по заснеженному склону, вниз, к тракту, четко обозначенному редким строем тополей.

– Знаешь что, Рейнарт, – неожиданно заговорил Геральт. – Я тоже предпочитаю видеть тебя таким, как сейчас. Разговаривающим нормально. Тогда, в октябре, ты изъяснялся, а точнее – изгилялся с бьющей по нервам идиотской манерностью.

– Чес-слово, ведьмак, я – странствующий рыцарь, – захохотал Рейнарт де Буа-Фресне. – Забыл или как? А рыцарь всегда изъясняется с идиотской манерностью. Это, понимаешь, знак такой, вроде щита вот этого. По нему, как по гербу на щите, распознают наше братство.

– Чес-слово, – сказал Рыцарь Шахматной Доски, – напрасно вы нервничаете, милсдарь Геральт. Ваша подружка наверняка уже выздоровела и о слабости окончательно забыла. Госпожа княжна держит придворных лекарей, те любую хворь вылечат. Чес-слово, нечего беспокоиться.

– Я придерживаюсь того же мнения, – сказал Регис. – Расхмурься, Геральт. Ведь Мильву и друидки лечили...

– А друидки в лечении доки, – добавил Кагыр. – Чему первейшее доказательство моя раздолбанная горняцким кайлом голова, не желаете ли глянуть? Почти как новая. Мильва, уверен, уже здорова. Нет причин тревожиться.

– Вашими б устами...

– Здорова уже, здорова, – повторил рыцарь, – ваша Мильва свежа как огурчик, голову дам на отсечение, и уж наверняка отплясывает на балах. Кренделя выписывает. Пиршествует. А в Боклере при дворе княгини Анарьетты что ни день, то бал либо пир. Ха-ха! Чес-слово, теперь, когда я разделался с обетом, я тоже...

– Вы разделались с обетом?

– Фортуна была ко мне благосклонна! Ибо следует вам знать, что клялся я не хухрой-мухой какой-нибудь, а журавлем! По весне. Поклялся пятнадцать разбойников-грабителей уложить к Йуле. Ну и теперь свободен я от клятвы. Пить уже могу и говядину есть. К тому ж мне не надо больше скрывать своего имени. Я, позвольте представиться всем, Рейнарт де Буа-Фресне.

– Очень приятно.

– Касательно упомянутых балов, – проговорила Ангулема, подгоняя лошадь, чтобы поравняться с ними. – Так и нас, надеюсь, не обойдут возможностью насытиться и напиться? Да и поплясать я б тоже охотно поплясала. На балу-то.

– Чес-слово, будет в Боклере все, – заверил Рейнарт де Буа-Фресне. – Балы, пиры, рауты, выпивки и посиделки поэтические. Ведь вы же Лютиковы друзья... Пардон, я хотел сказать Юлиановы. Виконтовы, чес-слово. А оный Юлиан, виконт, весьма мил госпоже княгине.

– А как же, похвалялся, было дело, – хихикнула Ангулема. – А как оно в натуре-то было с той любовью? Не знаете ли, милсдарь рыцарь? Поведайте!

– Ангулема, – проговорил ведьмак. – Тебе это знать обязательно?

– Не обязательно. Но хочется. Не брюзжи, Геральт. И перестань дуться. При виде твоей кислой физиономии придорожные грибы сами маринуются. А вы, милсдарь рыцарь блуждающий, давайте излагайте.

Едущие впереди кавалькады странствующие рыцари распевали рыцарскую песню. Слова песни были глупые до неприличия.

– Случилось это, – начал рыцарь, – годков этак шесть назад. Гостил у нас господин поэт целую зиму и весну, на лютне тренькал, романсы распевал, стихи декламировал. Князь Раймунд в то время в Цинтре посиживал, на сборище. Домой не спешил. Ни для кого не было секретом, что в Цинтре любовница у него завелась. А госпожа Анарьетта и милсдарь Лютик... М-да... преудивительнейший это город, Боклер, и прекрасный, любовных чар полный. Сами увидите. В те времена княгиня и господин Лютик это извели. И не заметили, как от стишка к стишку, от словечка к словечку, от комплиментика к комплименту, цветочку, взгляду, вздоху... Короче говоря, вскоре дошло дело до близкого, стало быть, интереса.

– И очень близкого? – хихикнула Ангулема.

– Очевидцем быть не довелось, – сухо отрезал рыцарь, – а сплетен повторять не обвык. Кроме того, как мазель, несомненно, знает, у любви множество имен, и весьма относительное это понятие: близкое ли было общение, или не очень.

Кагыр прыснул в кулак. Ангулеме добавить было нечего.

– Встречались, – продолжал Рейнарт де Буа-Фресне, – княгиня с господином Лютиком тайно месяца, вероятно, два, от Беллетэйна до летнего Солтыция. Да позабыли об осторожности. Разошлась весть, начали болтать языки. Милсдарь Лютик не мешкая на коня вскочил и отбыл. Оказалось, поступил вполне разумно. Потому что как только князь Раймунд из Цинтры возвратился, донес ему обо всем один услужливый лакей. Князя, когда узнал он, какой insult на него свалился, какие порожа ему пристроили, такая дикая, можете себе представить, ярость обуяла, что он супницу с борщом на стол опрокинул, потом слугу-доносителя чеканчиком разделал, слова всякие-разные выдавал, затем при свидетелях дал маршалу двора по морде и большое ковирское зеркало вдребезги разнес. Княгиню же в ее собственных покоях заточил и, пытками пригрозив, все из ее княжеского сиятельства вытянул. Сразу же за господином Лютиком погоню учинил, повелев без всякой жалости и разговоров соблазнителя прикончить и сердце из груди вырвать. Вычитавши что-то подобное в какой-то стародавней балладе, вздумал он сердце Лютиково зажарить и ее сиятельство княгиню Анарьетту принудить на глазах всего двора оное сердце откусать. Бррр, тьфу ты, отвратность какая, надо же! На свое счастье, успел-таки господин Лютик сбежать.

– Повезло парняге. А князь, значит, от горестей штиблеты отбросил?

– Скончался светлейший князь. Но не сразу. Инцидент, как я уже сказал, вконец скрутил его, да так, что кровь в нем закипела и апоплексия его схватила и, стало быть, паралич. Лежал он без мала полгода что твой пень. Но поправился. Даже ходить начал было. Только глазами непрерывно моргал, вот так.

Рыцарь повернулся в седле, прищурился и скривился будто обезьяна.

– Хоть князь сам был известный трахтельман и попрыгунчик, так от этих подмигиваний еще больший из него сделался в амурах *periculosus*¹⁴, ибо каждой бабе чудилось, будто это он из аффекта именно ей подмигивает и ей любовные знаки подает. Ну, бабы, известное дело, на такие почитания шибко падки. Их ничуть не смущает, что всем им клеймо похотливых и распутных припечатывают. Что нет, то нет. А князь, как я сказал, моргал много, почти непрерывно, так что все *per saldo*¹⁵ одно на одно выходило. В итоге-то меру в разнузданности он перебрал, и в одну из ночей хватил его второй удар. И дух из него вышел. Прямо в алькове.

– На бабе? – загоготала Ангулема.

– По правде... – Рыцарь, до того смертельно серьезный, усмехнулся в усы. – По правде-то, под бабой. Однако не в подробностях суть.

– Конечно ж, нет, – серьезно поддержал Кагыр. – Особого траура, мыслю, по князю Раймунду не было, а? Пока слушал, мне подумалось...

– Что неверная жена вам милее, чем муж-рогоносец, – по своему обычаю влез в разговор вампир. – Неужто по той причине, что сейчас она здесь властвует?

– И по этой тоже, – разоружающим тоном отвечивал Рейнарт де Буа-Фресне. – Но не только. Раймунд, да будет ему земля пухом, таким был бездельником, вертопрахом, паршивцем и, культурно выражаясь, сукиным сыном, что самого дьявола через полгода довел бы до язвы желудка! А правил в Туссенте семь лет. Зато княгиню Анарьетту народ обожал и обожает.

– Значит, можно рассчитывать на то, – жестко сказал Геральт, – что после князя Раймунда осталось не так уж много неутешных друзей, которые ради того, чтобы отметить круглую дату кончины покойного, готовы устроить Лютику засаду со стилетами?

– Можете рассчитывать. – Рыцарь глянул на него, а взгляд у него был острый и вполне понимающий. – И, чес-слово, расчеты вас не подведут. Я же говорил: поэт мил госпоже Анарьетте, а за госпожу Анарьетту тут любой позволит себя на куски разделить.

Возвернулся рыцарь бравый
Да с войны, войны-забавы!
Ну а милка не ждала.
От другого родила!
Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
Вот и мри за короля!

Из придорожных кустов с карканьем срывались перепуганные рыцарской балладой вороны.

Вскоре из леса они выехали в долину между возвышенностями, на вершинах которых белели башни небольших замков, яркие на фоне синего, расцвеченного фиолетовыми полосами неба. Склоны, насколько хватал глаз, покрывали стройные, словно солдатские шеренги, ряды ровненько подстриженных кустов. Земля там была устлана красными и золотыми листьями.

– Что это? – спросила Ангулема. – Виноград?

– Виноградная лоза, молодая, а как же, – подтвердил Рейнарт де Буа-Фресне. – Знаменитые долины Сансретур. Первейшие вина мира давят из созревающих здесь гроздей.

– Факт, – согласился Регис, который, как всегда, знал все обо всем. – Дело в вулканической почве и здешнем микроклимате, обеспечивающем из года в год прямо-таки идеальное сочетание солнечных и дождливых дней. Если к этому добавить традиции, знание и заботливость виноградарей, то мы получим результат в виде продукта высочайшего класса и марки.

¹⁴ Опасный, угрожающий опасностью (*лат.*).

¹⁵ В итоге (*лат.*).

– Хорошо вы это выразили, – улыбнулся рыцарь. – Марка – это вещь! О, взгляните хотя бы сюда, вот на этот склон под замком. У нас замки дают названия виноградникам и подвалам, которые расположены глубоко под землей. Вот этот называется Кафель Равелло, с его виноградников получают такие вина, как эрвелюк, фьорано, помино и знаменитое эст-эст. Должно быть, слышали. За бочонок эст-эста платят столько, сколько за десяток бочонков цидарисского или из нильфгаардских винных погребов под Альбой. А там, гляньте, докуда хватает глаз – другие, небольшие замки и другие виноградники, да и названия тоже, думаю, вам знакомы. Ферментино, Торичелья, Кафельдачья, Туфо, Санкерре, Нурагус, Короната и, наконец, Корво Бьянко, по-эльфьему Gwup Cerbin. Полагаю, вам не знакомы эти названия?

– Знакомы, фууу... – поморщилась Ангелема. – Особенно после проверки, не налил ли часом шельма кабатчик какое-нибудь из них вместо нормального яблочного, потому как тогда, бывало, приходилось утром коня в конюшне оставлять, чтобы за эту кафелью или эсту-эсту расплатиться. Тьфу, черт, не пойму я, небось для больших господ пойло, то, марковое. А мы люди простые, можем и тем, что подешевле, не хуже надраться. И скажу я вам, ибо на собственном опыте испытала: блюется оно одинаково, что после эста-эста, что после какой другой рыгаловки, к примеру, яблочной.

– Начав на октябрьские шуточки Ангелемы, – Рейнарт раскинулся за столом, расслабил пояс, – сегодня, ведьмак, напьемся какой-нибудь лучшей марки и какого-нибудь лучшего года. Кошель выдержит. Мы подзаработали неплохо. Можно и гульнуть.

– Ясное дело. – Ведьмак кликнул трактирщика. – В конце концов, как говорит Лютик, быть может, существуют и другие методы заработать, но я их не знаю. Поэтому поедим то, чем так славно несет из кухни. Кстати, сегодня в «Фазанщине» что-то тесновато, хоть час уже довольно поздний.

– Сочельник Йуле, – пояснил трактирщик, услышав его слова. – Празднует народишко. Радует. Врожит. Традиция требует, а традиция у нас...

– Знаю, – оборвал ведьмак. – А что сегодня требует традиция на кухне?

– Холодный язык с хреном. Бульон из каплуна с фрикадельками из мозжечка. Зразы-завертушки говяжьи и к этому клецки и капуста.

– Тащи мигом, добрый человек. И к этому... Ну, что к этому, Рейнарт?

– Ежели говядина, – сказал после минутного раздумья рыцарь, – то красное коте-де-блессюр того года, когда откинула лапти старая княгиня Кароберта.

– Прекрасный выбор, – кивнул трактирщик. – К вашим услугам, господа.

Венок из омелы, наугад брошенный за спину девушкой из-за соседнего стола, упал почти на колени Геральту. Компания зашлась смехом. Девушка призывно зарумянилась.

– Никаких фокусов. – Рыцарь поднял венок и отбросил в сторону. – Это не будет ваш очередной. Он уже занят, дорогая мазель. Он уже в неволе зеленых очей.

– Заткнись, Рейнарт.

Трактирщик принес заказ.

Они ели, пили, молчали, слушали, как веселятся люди.

– Йуле, – сказал Геральт, отставляя кубок. – Мидинваэрн, зимнее Солнцестояние. Два месяца я тут торчу. Два потерянных месяца.

– Месяц, – холодно и трезво поправил Рейнарт. – Если ты что-то потерял, то лишь месяц. Потом снега завалили перевалы в горах, и ты не выбрался бы из Туссента, хоть сдохни. А то, что дождался здесь Йуле, да и весну, скорее всего, тоже здесь дождешься, так это есть высшая сила, а посему нечего жалобно скулить и причитать. Что же до сожаления, то не надо преувеличивать. Все равно я не поверю, что тебе так уж сильно жаль.

– Да что ты знаешь, Рейнарт? Что знаешь?

– Немного, – согласился рыцарь, наливая. – Не очень много сверх того, что вижу. А видел я вашу первую встречу, твою и ее, в Боклере. Помнишь Праздник Бочки? Белые трусики?

Геральт не ответил. Он помнил.

– Дивное это место, дворец Боклер, полное любовных чар, – замурлыкал Рейнарт, наслаждаясь букетом вина. – Один только его вид способен очаровать. Помнишь, как у всех у вас дух захватило, когда вы увидели, ну, тогда, в октябре. Дай-ка вспомнить, как тогда изволил выразиться Кагыр?

– Складный замчишко, – восхищенно сказал Кагыр. – Верно ведь складный и глаз радует.

– Красиво княгиня живет, – сказал вампир. – Следует признать.

– Да уж, вполне ладный, курва его мать, домик, – добавила Ангулема.

– Дворец Боклер, – не без гордости повторил Рейнарт де Буа-Фресне. – Эльфова постройка, только слегка переделанная. Говорят, самим Фарамондом.

– Не «говорят», – возразил Регис. – А несомненно. Стиль. Стиль Фарамонда виден с первого же взгляда. Ясно. Четко. Достаточно посмотреть хотя бы вон на те башенки.

Увенчанные пурпуром черепиц башни, о которых вел речь вампир, врезались в небо стройными белыми обелисками, вырастающими из филигранного, расширяющегося книзу здания самого замка. Все это однозначно ассоциировалось со свечами, с которых фестоны воска натекали на мастерски выполненное основание подсвечника.

– У стен Боклера, – пояснил рыцарь Рейнарт, – раскинулся город. Стену, разумеется, возвели позже, вы ведь знаете, эльфы не окружали города стенами. Подгоните лошадей, уважаемые. Путь перед нами долгий. Боклер только кажется близким, горы искажают перспективу.

– Едем.

Они ехали рзво, опережая странников и вагантов, телеги и двуколки, груженные темными, словно обомшелыми гроздьями винограда. Потом начались говорливые и пахнущие бродящим соком улочки города, потом мрачный парк, весь заросший тополями, тисами, барбарисом и самшитом. Потом были клумбы роз, мультифлоры и центифолии. Потом – резные колонны, порталы и архивольты дворца, слуги и лакеи в ливреях.

Наконец возник Лютик, модно причесанный и роскошно одетый. Ни дать ни взять принц.

* * *

– Где Мильва?

– Здорова, не беспокойся. Сидит в покоях, приготовленных для вас. И не желает выходить.

– Почему?

– Об этом позже. А сейчас – пошли. Княгиня ждет.

– Прямо с дороги?

– Таково ее желание.

Зала, в которую они вошли, была полна людей, ярких и пестрых, будто райские птицы. Геральту некогда было приглядываться. Лютик подтолкнул его к мраморным ступеням, у которых в окружении пажей и придворных стояли две женщины, резко выделяющиеся из толпы.

Было тихо, но сделалось еще тише.

У первой женщины нос был острый и курносый, голубые, пронизательные и как бы слегка взволнованные глаза. Каштановые волосы уложены в изумительную – воистину произведение искусства – укрепленную бархатными вставочками прическу, продуманную до мельчайших нюансов, включая и идеальной формы локонов в виде полумесяца на лбу. Лиф декольтированного платья переливался тысячами голубых и лиловых полосок на черном фоне, подол был черный, густо усеянный шитьем из маленьких золотых хризантем. Шею обвивало искусными

завитками колье из обсидиана, изумрудов и ляпис-лазури, заканчивающееся жадеитовым крестом, заходящим чуть ли не в ложбинку между небольшими, поддерживаемыми жестким корсетом грудками. Каре выреза было низким и глубоким, обнаженные миниатюрные плечики, казалось, не гарантировали достаточной опоры – Геральт ежесекундно ожидал, что платье сползет с бюста. Но оно не сползло, удерживаемое в нужном положении таинственными узами портновского искусства и буфами рукавов.

Вторая женщина не уступала первой в росте. На губах у нее была такого же цвета помада. Однако на этом подобие заканчивалось. На ее коротко остриженных черных волосах возлежала сетчатая шапочка, с которой спускалась на лицо до кончика маленького носика вуалетка. Распительный мотив вуалетки не закрывал прекрасных, блестящих, густо подведенных зеленым контуром глаз. Точно такая же цветная вуаль прикрывала скромный вырез черного платья с длинным рукавом. На ткани сверкали словно случайно разбросанные сапфиры, аквамарины, кристаллики горного хрусталя и золотые ажурные звездочки.

– Ее сиятельство княгиня Анна-Генриетта, – вполголоса проговорили за спиной Геральта. – Преклони колени, милостивый государь.

«Интересно, о которой из них, – подумал Геральт, с трудом сгибая больное колено в церемониальном поклоне. – Обе, чтоб мне лопнуть, выглядят равно по-княжески. Господи, по-королевски!»

– Встаньте, милсдарь Геральт, – развеяла его сомнения женщина с каштановыми волосами и острым носиком. – Приветствуем вас и ваших друзей в княжестве Туссент, во дворце Боклер. Мы счастливы принимать у себя особ, прибывших со столь благородной миссией. К тому же имеющих быть в дружбе с милым нашему сердцу виконтом Юлианом.

Лютик поклонился глубоко и размашисто.

– Виконт, – продолжала княгиня, – сообщил нам ваши имена, характер и цель вашей экспедиции, поведал, что привело вас в Туссент. Повествование его взволновало наши сердца. Мы будем счастливы побеседовать с вами на личной аудиенции, милсдарь Геральт. Однако сия встреча несколько задержится, поскольку нас ждет исполнение неких государственных обязанностей. Закончился сбор винограда, традиция велит нам принять участие в Празднике Бочки.

Вторая женщина, та, что в вуалетке, наклонилась к княгине и что-то быстро шепнула. Анна-Генриетта взглянула на ведьмака, улыбнулась, прошлась тонким язычком по губам.

– Мы желаем, – возвысила она голос, – чтобы наряду с виконтом Юлианом нам прислуживал у Бочки милсдарь Геральт из Ривии.

По группе придворных и рыцарей пробежал шелест – так шумят тронутые ветром сосны. Княгиня Анарьетта одарила ведьмака очередным волооким взглядом и вышла из залы вместе с подружкой и кортежем пажей.

– Черт побери, – совсем не по-рыцарски шепнул Рыцарь Шахматной Доски. – Вот-те на! Немалой вы удостоились чести, господин ведьмак!

– Я не шибко понял, в чем суть дела, – признался Геральт. – Это каким же манером мне придется услужить ее величеству?

– Ее милости, – поправил, подходя, упитанный субъект с внешностью кондитера. – Простите, господа, мое вмешательство, но в данных оличностях я вынужден это сделать. Мы здесь, в Туссенте, строго почитаем традиции и блюдем протокол. Я – Себастьян ле Гофф, камергер и маршал двора.

– Весьма приятно.

– Официальным и протокольным титулом госпожи Анны-Генриетты, – камергер и маршал двора не только выглядел кондитером, но и источал аромат крема и глазури, – является «ваше сиятельство», неофициальным – «ваша милость», фамильярным, вне стен дворца, – «госпожа княгиня». Но обращаться к ее сиятельству следует «ваша милость».

– Благодарствую, запомню. А вторая дама? Как ее следует титуловать?

– Ее официальный титул «почтенная», – серьезно поучил камергер. – Но вполне допустимо просто «госпожа». Это родственница княгини, зовут ее Фрингиля Виго. Во исполнение воли ее милости прислуживать при Бочке вам достанется именно ей, госпоже Фрингилье.

– А в чем будет состоять данное прислуживание?

– Ничего особенного. Сейчас поясню. Видите ли, мы уже многие годы используем механические давилки, однако же традиция...

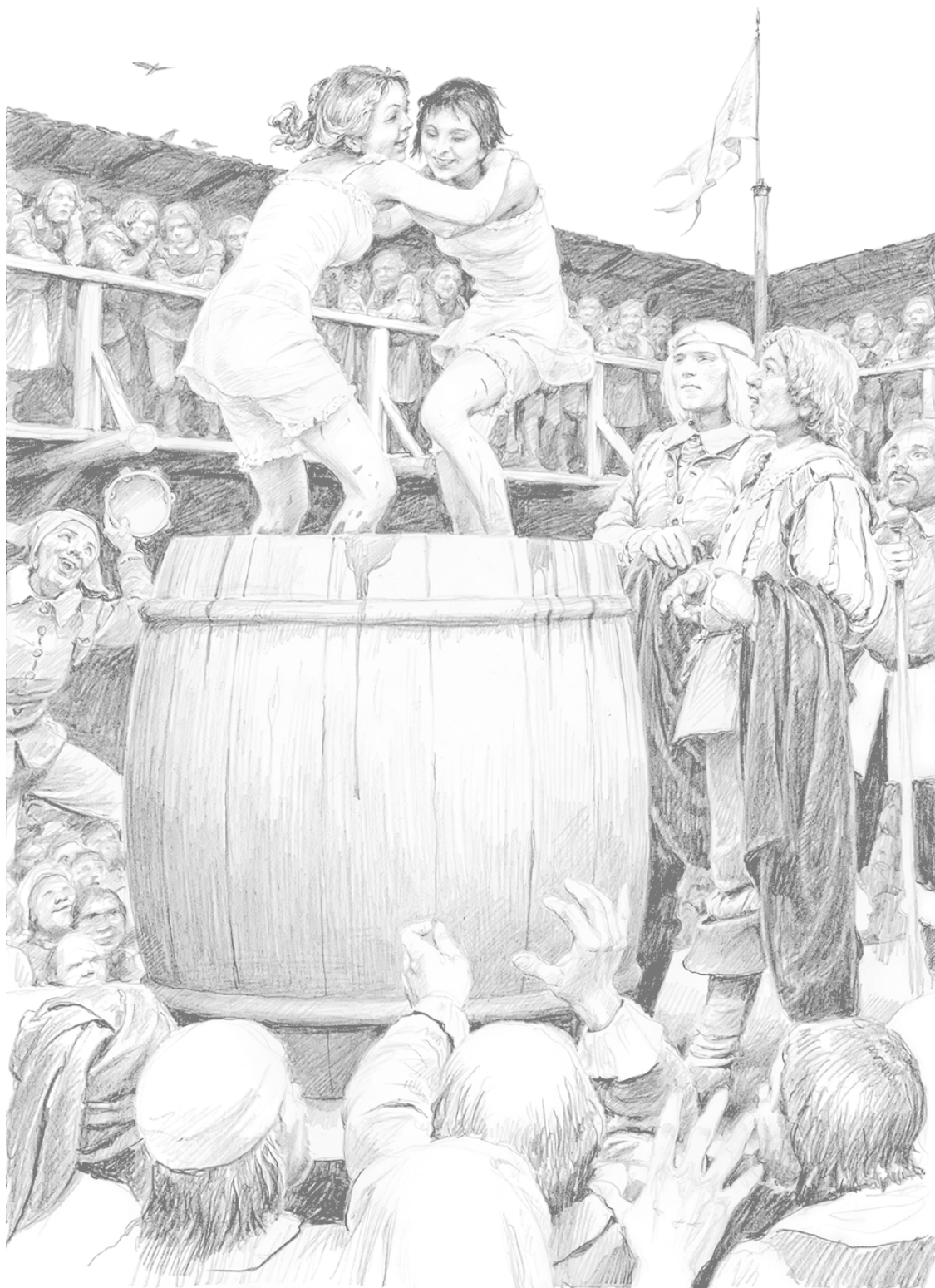
Подворье было заполнено говором и неистовым визгом пищалок, дикой музыкой дудок, назойливым звоном тамбуринов. Вокруг стоящей на помосте бочки плясали и бодались козлы, выраженные в венки скоморохи и кувыркались акробаты. Подворье и окружающие его галереи были заполнены людьми – рыцарями, дамами, дворянами, богато одетыми горожанами.

Камергер Себастьян ле Гофф воздел к небу увитый лозой жезл, потом трижды ударил им о помост.

– Эхо-хо! – крикнул он. – Благородные дамы, господа и рыцари!

– Эхо-хо! – ответствовала толпа.

– Эхо-хо! Вот он, древний обычай! Да одарит нас виноградная гроздь! Эхо-хо! Да созреет до солнца!

- Эхо-хо! Да созреет!
- Эхо-хо! Да забродит, придавленная! Да наберет силы и вкуса в бочках! Да изольется в кубки и ударит в головы во славу ее сиятельства, во славу прекрасных дам, во славу благородных рыцарей и виноградарей!
- Эхо-хо! Да забродит!
- Да придет красота!

Из бархатных палаток на противоположной стороне подворья появились две женщины – княгиня Анна-Генриетта и ее черноволосая спутница. Обе были плотно укутаны в пурпурные плащи.

– Эхо-хо! – Камергер ударил жезлом. – Да приидут Юные!

«Юные» были научены, они знали, что им надлежит делать. Лютик подошел к княгине. Геральт – к черноволосой. Которую, как известно, звали почтенной Фрингильей Виго.

Женщины одновременно скинули плащи, толпа взорвалась грохотом оваций, Геральт сглотнул.

На женщинах были белые, тонюсенькие, как паутинки, не доходящие даже до бедер рубашечки на бретельках. И плотно облегающие трусики с оборочками. И ничего больше. Даже украшений. Кроме того, они были без обуви.

Геральт поднял Фрингилью на руки, а она, несколько не смущаясь, тут же обняла его. За шею. От нее исходил едва уловимый аромат амбры и роз. И женственности. Она была теплой, и тепло это пронзало как наконечник стрелы. Она была податливо-мягкой. И мягкость эта обжигала и дразнила пальцы.

Мужчины поднесли женщин к бочке. Геральт – Фрингилью, Лютик – княгиню, помогли им встать на сминающиеся под ногами, источающие виноградный сок грозди. Толпа взревела.

– Эхо-хoooo!

Княгиня и Фрингилья возложили друг другу руки на плечи – так легче было удержать равновесие на гроздях, в которые они погрузились до колен. Сок брызгал и бил ключом, женщины, поворачиваясь, топтали виноградные гроздья, хохоча, как маленькие. Фрингилья совершенно непроизвольно стрельнула в ведьмака глазами.

– Эхо-хо! – орала толпа. – Эхо-хо! Да забродит!

Сминаемые грозди исходили соком, мутная жидкость булькала и обильно пенилась вокруг колен топчущихся в бочке женщин.

Камергер ударил жезлом о доски помоста. Геральт и Лютик подошли, помогли женщинам выбраться из бочки. Геральт видел, как Анарьетта укусила Лютика за ухо и как у нее при этом опасно заблестели глаза. Ему показалось, что губы Фрингильи скользнули по его щеке, но было это сознательно или случайно, он, пожалуй, не смог бы сказать. Винный дух сильно ударял в голову.

Геральт опустил Фрингилью на помост, обернул пурпурным плащом, Фрингилья быстро и крепко пожала ему руку.

– Ах, эти древние обычаи, – шепнула она. – Они так возбуждают. Не правда ли?

– Правда.

– Благодарю тебя, ведьмак.

– Я счастлив безмерно!

– Не только ты! Уверяю тебя, не только.

– Налей, Рейнарт.

За соседним столом вели очередную зимнюю ворожбу, состоящую в кидании завитой в длинную спиральную полоску кожицы яблока. По форме, в которую кожица уляжется, пытались угадать инициалы будущего партнера. Всякий раз кожура укладывалась буквой «S». Несмотря на это, веселью не было конца.

Рыцарь налил.

– Оказалось, – задумчиво сказал ведьмак, – что Мильва здорова, хоть все еще носила бандаж на бедрах. Тем не менее она сидела в комнате и отказывалась выходить, ни за что не соглашаясь надеть подаренного ей платья. Дело шло к протокольному скандалу, но ситуацию уладил всеведающий Регис. Прочитывая с дюжину прецедентов, он вынудил камергера-маршала двора принести лучнице мужскую одежду. Ангулема же, наоборот, с радостью скинула

брюки и верховые сапоги с портянками, а платье, мыло и гребень сотворили из нее вполне симпатичную девушку. Всем нам, что тут говорить, подняли настроение баня и чистая одежда. Даже мне. И во вполне нормальном настроении все мы шли на личную аудиенцию.

– Прервись на минуточку, – указал движением головы Рейнарт. – К нам приближаются клиенты. Хо-хо, к тому же не один, а два винодельца. Малатеста, наш клиент, ведет собрата... И конкурента. Чудо из чудес!

– А второй – кто?

– Виноградники Помероль. Их вино, коте-де-блессюр, мы как раз сейчас пьем.

Малатеста, управляющий виноградниками Ферментино, помахал рукой, подошел, ведя спутника: мужчину с черными усиками и буйной черной бородой, больше подходящей убийце, нежели чиновнику.

– Позвольте представить, – указал на бородача Малатеста, – господин Алкид Фьерабрас, управляющий виноградниками Помероль.

– Присаживайтесь.

– Мы на минутку. К господину ведьмаку относительно бестии из наших подвалов. Из того, что вы, уважаемый, находитесь здесь, следует, что чудище уже прикончено?

– Намертво.

– Обусловленная сумма, – заверил Малатеста, – поступит на ваш счет у Чианфанелли самое позднее послезавтра. Ох, благодарю вас, господин ведьмак. Стократно благодарю. Такой подвальчик прелестный, сводчатый, ориентированный на север, не слишком сухой, не слишком влажный, ну точь-в-точь такой, какой надо для вина, а из-за этого чудища паршивого им невозможно было пользоваться. Сами видели, пришлось там значительную часть подвалов замуровать, но бестия все равно ухитрилась как-то пролезть. Тьфу-тьфу, откуда она взялась, не угадать. Не иначе как из самого ада...

– Пещеры, вымытые в вулканических туфах, всегда бывают полны чудовищами, – мудро проговорил Рейнарт де Буа-Фресне, который сопровождал ведьмака уже почти месяц и, будучи хорошим слушателем, успел многому научиться. – Дело ясное, где туф, там того и гляди чудище объявится.

– Оно, конечно, может, и туф, – покосился на него Малатеста. – Кем бы он, этот туф, ни был. Но люди болтают, дескать, все потому, что наши подвалы вроде бы с глубокими пещерами связаны, с самим нутром земным. Много у нас таких ям и пещер.

– Да вот хотя бы, к примеру, наши подвалы, – заметил управляющий виноградниками Помероль. – Цельными милями эти ямы тянутся, как и докудова, не знает никто. Те, кто дело это хотел прояснить, не возвратились. Да и чудовище страшное тоже там видывали. Якобы... Так вот поэтому и хотел я предложить...

– Догадываюсь, – сухо проговорил ведьмак, – что вы хотите предложить. И соглашаюсь. Я проверю ваши подземелья. Плату установим в зависимости от того, на что я там наткнулся.

– Обижены не будете, – заверил бородач. – Хм, хм... Еще одно дело.

– Слушаю.

– Тот суккуб, что по ночам мужей посещает и... мытарит... Которого ее сиятельство убить повелели... Думаю, убивать его вовсе нет нужды. Ведь чудо это никому не мешает, ежели уж по правде-то... Так, посетит когда... Потревожит чуть-чуть...

– Но только полнолетних, – быстро вставил Малатеста.

– Ну прям мои слова, кум, мои... Так и есть, никому этот суккуб не навредил. А последнее время так и вообще слух о нем как бы затерялся. Полагаю, вас он, милсдарь ведьмак, испугался. Какой же тогда смысл его утюживать. Ведь вам, господин, наличные не мешают. А ежели чего недостает...

– На мой счет у Чианфанелли, – проговорил с каменным лицом Геральт, – могло бы что-нибудь и поступить. В ведьмачий пенсионный фонд.

- Сделаем.
- А у суккуба волос с блондинистой головки не упадет.
- Ну, стало быть, бывайте. – Оба управляющих встали. – Празднуйте в мире, не станем мешать. Праздник нынче. Традиция. А у нас, в Туссенте, традиции...
- Знаю, – не дал ему договорить Геральт, – святое дело.

Компания за соседним столом шумела. Ворожили Йуле, ворожили при помощи шариков из мякиша калача и кости от съеденного карпа. Пили при этом обильно. Трактирщик и девки мотались как угорелые, бегая с кувшинами.

– Упомянутый суккуб, – заметил Рейнарт, подкладывая себе капуста, – стал началом достопамятной серии ведьмачьих контрактов, заключенных тобою в Туссенте. Потом уж клиенты валом повалили, так что отбоя от них не было. Вот только не помню я, который заявился к тебе первым.

– Тебя в тот момент не было. А случилось это на следующее утро после аудиенции у княгини. На которой, впрочем, тебя не было тоже.

– Ничего удивительного. Аудиенция была личная.

– Тоже мне личная, – усмехнулся ведьмак. – Человек на двадцать, не считая неподвижных как статуи лакеев, малолетних пажей и вконец умученного шута. Среди перечисленных особ был ле Гофф, камергер с внешностью и ароматом кондитера, несколько согбенных под грузом золотых цепей вельмож. Была парочка субъектов в черном, то ли советников, то ли судей. Был знакомый мне по Каэд Мырквиду барон Бычья Голова. Была, разумеется, Фрингиля Виго, особа, несомненно, приближенная к княгине.

И были мы; вся наша компания, включая Мильву в мужском костюме. Нет, я неверно выразился, сказав, что были все. Не было с нами Лютика. Лютик, он же виконт Кто-то-Там, сидел, раскинувшись в карле ошую ее остроносой милости Анарьетты, и топоришил перья что твой павлин. Как и полагалось фавориту.

Анарьетта, Фрингиля и Лютик были единственными особами, которые сидели. Никому больше присесть дозволено не было. А меня радовало уже то, что не было велено опуститься на колени.

Княгиня выслушала мой рассказ – к счастью, редко прерывая. Когда же я взялся вкратце излагать результаты бесед с друидками, она заломила руки жестом, говорящим об ее отчаянии столь же искренне, сколь и преувеличенно. Я знаю, это звучит как какой-то холерный оксюморон, но, поверь мне, Рейнарт, в данном случае все так именно и было.

– Ах-ах, – проворковала княгиня Генриетта, заламывая руки. – Вы так нас огорчили, господин Геральт. Так огорчили. Поверьте, сочувствие переполняет наши сердца.

Она потянула остреньким носиком, протянула руку, и Лютик незамедлительно вложил ей в пальцы батистовый платочек с монограммой. Княгиня мазнула платочком обе щеки так, чтобы не стереть пудры.

– Ах-ах, – повторила она. – Выходит, друидки ничего не знали о Цири? Были не в состоянии помочь вам? Получается, все ваши усилия пошли прахом и все ваше странствие оказалось ненужным?

– Прахом – наверняка нет, – убежденно ответил ведьмак. – Признаюсь, я рассчитывал получить от друидок какие-нибудь конкретные сведения либо указания, которые могли бы хоть в самом общем виде пояснить, почему Цири оказалась объектом столь яростной охоты. Однако друидки не могли или же не пожелали мне помочь. Так что в этом смысле действительно я ничего не выгадал. Но...

Он перешел на шепот. Не ради повышения уровня драматизма. Просто решал, насколько может быть откровенен перед собравшимися.

– Я знаю, что Цири жива, – наконец сухо сказал он. – Вероятнее всего, была ранена. И все еще в опасности. Но жива.

Анна-Генриетта вздохнула, снова воспользовалась платочком и пожала руку Лютику.

– Обещаем вам, – проговорила она, – нашу помощь и поддержку. Гостите в Туссенте, сколь пожелаете. Ибо должно вам знать, что мы бывали в Цинтре, знали и дарили своей дружкой Паве́тту, знали и любили малютку Цири. Всем сердцем мы скорбим вместе с вами, господин Геральт. Если требуется, вам окажут посильную помощь наши ученые и астрологи. Вы должны, мы глубоко в это верим, отыскать какую-то тропинку, какое-то указание или след, которые укажут вам нужный путь. Не действуйте опрометчиво. Вам нет нужды спешить. И можете оставаться здесь по собственному желанию, вы милый и приятный нам гость.

– Благодарю, ваше сиятельство, – поклонился Геральт, – за добрые слова и ласку. Однако мы тронемся в путь, как только немного передохнем. Цири все еще в опасности. Да и мы тоже. Если слишком долго засиживаться на одном месте, опасность не только возрастает, но и начинает угрожать людям, доброжелательно к нам относящимся. И всем окружающим. А этого мы ни за что не хотели бы допустить.

Княгиня какое-то время молчала, размеренными движениями, будто кошку, поглаживая Лютика по руке.

– Благородны и справедливы слова ваши, – сказала она наконец. – Но опасаться вам нечего. Гнавшиеся за вами бандиты нашими рыцарями разгромлены так, что ни один свидетель их поражения не ушел живым. Нам рассказал об этом виконт Юлиан. Любого, кто осмелится вас беспокоить, ждет та же участь. Вы – под нашей защитой и покровительством.

– Я умею это ценить. – Геральт снова поклонился, мысленно проклиная болевшее колено и не только его. – Однако не смею умолчать о том, о чем господин виконт забыл вашей милости поведать. Разбойники, которые гнались за мной от Бельхавена и которых доблестные рыцари вашей милости отважно разгромили в Каэд Мырквиде, действительно были бандитами высшей разбойничьей гильдии, но нильфгаардского цвета.

– Ну и что?

«А то, – чуть не сорвалось у него с языка, – что если нильфгаардцы заняли Аэдирн за двадцать дней, то на твое игрушечное княжество им хватит двадцати минут».

– Идет война, – сказал он вместо этого. – То, что случилось в Бельхавене и Каэд Мырквиде, можно рассматривать как рейд по тылам. Обычно это вызывает репрессии. В военное время...

– Война, – перебила его княгиня, подняв кверху острый носик, – наверняка уже кончилась. Относительно этого мы писали нашему кузену Эмгыру вар Эмрейсу. Мы направили ему меморандум, в котором потребовали немедленно положить конец бессмысленному кровопролитию. С войной уже наверняка покончено, наверняка уже заключен мир.

– Не так уж наверняка, – холодно ответил Геральт. – За Яругой буйствуют меч и огонь, льется кровь. Нет никаких признаков того, что война идет к завершению. Я бы сказал – совсем наоборот.

Он тут же пожалел о сказанном.

– То есть? – Носик княгини, казалось, стал еще острее, а в голосе прозвучала противная, скрипуче-ворчливая нотка. – Верно ли я слышу? Война продолжается? Почему нам об этом не сообщили? Господин министр Трембли?

– Ваше сиятельство, я... – забормотал, преклоняя колено, один из златоносцев, позвякивая цепями. – Я не хотел... огорчать... беспокоить... ваше сиятельство...

– Стража! – взвыла ее сиятельство. – В башню его! Вы в немилости, милостивый государь! Господин камергер! Господин секретарь!

– Мы здесь, ваше сиятельство!

– Пусть наша канцелярия немедленно подготовит резкую ноту нашему кузену, императору Нильфгаарда. Мы требуем, чтобы немедленно, незамедлительнейше он прекратил воевать и заключил мир. Ибо война и несогласие суть вещи скверные. Несогласие разрушает, а согласие возводит!

– Ваша милость, – еле выговорил маршал двора – кондитер, белый, как сахарная пудра, – абсолютно правы. Абсолютнейше!

– А вы что тут делаете? Мы отдали приказы! Действуйте же! Одна нога тут, другая там!

Геральт незаметно осмотрелся. У дворян были совершенно каменные лица, из чего следовало, что подобные инциденты при здешнем дворе дело не новое и не редкое. Он твердо решил с этого момента исключительно поддакивать госпоже княгине. И никак не более того.

Анарьетта тронула платочком кончик носа, затем улыбнулась Геральту.

– Как видите, – сказала она, – ваши опасения были беспочвенны. Вам нечего опасаться, и вы можете гостить у нас, сколько пожелаете.

– Так точно, ваше сиятельство.

В тишине четко слышался скрип короеда в каком-то из предметов древней мебели. И ругательства, коими старший конюх поносил коня на далеком дворе.

– Есть у нас, – прервала молчание Анарьетта, – также просьба к вам, господин Геральт, как к ведьмаку.

– Так точно, ваше сиятельство.

– Это просьба многих благородных дам Туссента и также наша. Ночное чудовище беспокоит здешние дома. Дьявол, призрак, суккуб в обличье женском, но столь бесстыдным, что описать его мы не решаемся, терзает достойных и верных супругов. Навещает по ночам альковы, позволяет себе безобразные распутства и отвратительные половые извращения, о которых нам не позволяет говорить присущая нам скромность. Вы как специалист наверняка знаете, в чем дело.

– Так точно, ваше сиятельство!

– Туссентские дамы просят вас положить предел этой мерзости. А мы присоединяемся к их просьбе и заверяем вас в нашем благоволении.

– Так точно, ваше сиятельство!

Ангулема отыскала ведьмака и вампира в дворцовом парке, где они прогуливались и вели секретные разговоры.

– Вы мне не поверите, – просипела она, – не поверите, если я вам скажу. Но это чистейшая правда.

– Говори же.

– Рейнарт де Буа-Фресне, странствующий Рыцарь Шахматной Доски, вместе с другими странствующими рыцарями стоит в очереди к княжескому казначею. И знаете, за чем? За месячным жалованьем! Очередь, скажу я вам, длиной в полполета стрелы, а от гербов аж в глазах рябит. Я спросила Рейнарта, в чем, мол, дело, а он мне: странствующие-де рыцари тоже есть хотят.

– И что же здесь странного?

– Шуткуешь небось? Странствующие рыцари странствуют из благородных побуждений! А не за месячное жалованье!

– Одно, – очень серьезно сказал вампир Регис, – не исключает другого... Поверь мне, Ангулема.

– Верь ему, Ангулема, – сухо подтвердил Геральт. – Перестань бегать по дворцу в поисках сенсаций, составь-ка лучше компанию Мильве. Она в жутком настроении, ей нельзя оставаться одной.

– Верно. У тетечки, видать, месячные, потому как злая она вроде осы. Я думаю...

– Ангулема!

– Иду, иду...

Геральт и Регис остановились у клумбы уже слегка примерзших роз центифолий. Но как следует поговорить не сумели. Из-за оранжереи вышел худющий мужчина в модном плаще цвета умбры.

– Добрый день. – Он поклонился, отряхнул колени кунным колпаком. – Дозвольте спросить, кто из ваших милостей есть ведьмак, Геральтом именуемый, своим ремеслом славящийся?

– Я есть ведьмак, Геральтом именуемый. В чем дело?

– Я – Жан Катильон, управляющий виноградниками Кафель Торичелья. А дело, понимаешь, в том, что нам в виноградники очень и даже весьма ведьмак нужен. Я удостовериться, понимаешь, хотел бы, не пожелаете ли вы по милости своей...

– Так в чем дело-то?

– Тут, понимаешь, такая штука получается, – начал управляющий Катильон. – Из-за этой войны, чтобы ее черт побрал, купцы реже, понимаешь, приезжают, запасы готового продукта растут, мест для бочек начинает не хватать. Мы подумали, невелика беда, ведь под замком целые мили ям тянутся, все глубже и глубже, аж до нутра, понимаешь, земли, почтай, эти ямы достигают. Под Торичельей тожить ямочку я отыскал, прелестенькую, кругленькую с таковым же, понимаешь, сводом и не слишком сухую, не слишком мокрую, аккурат подходящую, чтобы в ней вину славненько было...

– И что? – не выдержал ведьмак.

– Почудилось нам, понимаешь, что в тех ямах чудит какой-то чудовищ, видать, из земных глыбей прилежаний. Двух человек изжег, до костей им тела изжарил, а одного ослепил, понимаешь, потому как он, чудовищ, значит, плюется и рыгается каким-то жручим щелочком или щелочью.

– Сольпуга, – кратко определил Геральт. – Также ядницей именуемая.

– Ну вот, извольте, – улыбнулся Регис. – Сами видите, господин Катильон, что имеее дело с профессионалом. Профессионал, можно сказать, с неба к вам свалился. А кстати, к странствующим здесь рыцарям вы случаем не обращались уже с этой, как вы изволили выразиться, бедой? У княгини их целый полк, рыцарей-то этих, а такие миссии – так это ж их специальность, суть их существования. И оправдание...

– Никакая не суть, – помотал головой управляющий Катильон. – Их суть – тракты охранять, перевалы, потому, понимаешь, ежели купцы сюда не допрут, то все мы с сумой в странствующие, значит, по миру пойдем. Кроме того, рыцари храбрые и боевитые, понимаешь, но только когда на коне. Под землю такой не полезет! Сверх же того они доро...

Катильон осекся и замолчал. Лицо у него было как у человека, которому – ежели нет бороды – не во что плюнуть. И который очень об этом сожалеет.

– Дорого берут, – закончил Геральт, даже без особого ехидства. – Знай же, добрый человек, я беру дороже. Свободный рынок. И свободная конкуренция. Ибо я, если уж мы шлепнем контракт, сойду с коня и полезу под землю. Обдумайте это. Но не очень тяните-то, потому что я в Туссенте долго не задержусь.

– Ты меня поражаешь, – сказал Регис, как только управляющий ушел. – В тебе неожиданно воспрял ведьмак? Заключаешь сделки? Берешься за чудовищ?

– Да я и сам удивлен, – честно признался Геральт. – Отреагировал как-то автоматически, меня словно подтолкнуло что-то. Откажусь. Любую предложенную сумму я могу счесть недостаточно высокой. Всегда. Вернемся к нашей беседе...

– Погоди. – Вампир указал взглядом на дорожку. – Что-то мне подсказывает, что к тебе спешит очередной клиент.

Геральт мысленно выругался. По обрамленной кипарисами аллейке к ним шли два рыцаря. Первого он узнал сразу, огромную бычью голову на снежно-белом поле невозможно было перепутать ни с чем другим. Второй рыцарь, высокий, седовласый, с благородно-угловатой физиономией, словно высеченной из гранита, был обладателем голубой туники и одной трети золотого креста, усеянного лилиями.

Остановившись в положенных по этикету двух шагах, рыцари поклонились. Геральт и Регис ответили поклонами, после чего все четверо выдержали установленное рыцарским регламентом молчание, имеющее длиться десять ударов сердца.

– Позвольте представить, – пробасил Бычья Голова, – барон Пальмерин де Лонфаль. Меня, как, возможно, господа помнят, зовут...

– Барон де Пейрак-Пейран. Как можно забыть!

– У нас дело к господину ведьмаку, – перешел к сути Пейрак-Пейран. – В разрезе, я бы так выразился, профессиональных проблем.

– Слушаю.

– Лично.

– У меня нет секретов от господина Региса.

– Но у благородных господ они, несомненно, имеются, – улыбнулся вампир. – Поэтому, с вашего позволения, я хотел бы осмотреть вон тот прелестный павильончик, вероятно, храм задумчивости... Господин де Пейрак-Пейран... Господин де Лонфаль...

Они обменялись поклонами.

– Я обращаюсь в слух, – прервал молчание Геральт, и не думая ожидать, пока прозвучит десятый удар сердца.

– Проблема, – Пейрак-Пейран понизил голос до шепота и испуганно оглянулся, – в том суккубе... Ну, в том ночном кошмаре, что посещает... Которого вам княгиня и дамы поручили уничтожить. И сколько же вам за сие убиение обещано?

– Простите, но это профессиональная тайна.

– Разумеется, разумеется, – проговорил Пальмерин де Лонфаль, рыцарь с лилиевым крестом. – Ситуация истинно достойная вашего положения. Истинно. Я серьезно опасаюсь, что пошатну вашу решимость выполнить пожелания дам, но тем не менее, слово чести, предложение внесу. Откажитесь от контракта, господин ведьмак. Не охотьтесь на суккуба, оставьте его в покое. Ничего дамам и княгине не говоря. А мы, господа из Туссента, слово чести, перекроем предложение дам. Удивим вас нашей щедростью.

– Предложение, – холодно сказал ведьмак, – действительно не очень далеко от неуважения.

– Господин Геральт. – Лицо у Пальмерина де Лонфалья было жестким и серьезным. – Я скажу вам, почему мы осмелились на такой шаг. Прошел слух, что вы убиваете исключительно тех чудовищ, кои являются угрозой. Реальной угрозой. Не воображаемой, из невежества или предрассудков родом. Позвольте заметить, что суккуб никому ничем не угрожает и не пакостит. Так, просто посещает в снах... Время от времени... И немного... э-э-э... как бы это сказать, ублажает...

– Но исключительно полнолетних, – быстро добавил Пейрак-Пейран.

– Дамы из Туссента, – сказал Геральт, оглядываясь, – вряд ли обрадуются, узнав о нашем разговоре. Княгиня тоже.

– Полностью с вами согласны, – буркнул Пальмерин де Лонфаль. – Желательна секретность сверх всякой меры. Не следует пробуждать спящих святош...

– Откройте мне счет в одном из местных краснолюдских банков, – медленно и тихо сказал Геральт. – И поразите меня своей щедростью. Предупреждаю, поразить меня не просто.

– И все же мы постараемся, – гордо пообещал Пейрак-Пейран.

Они обменялись прощальными поклонами.

Вернулся Регис, который, конечно, все слышал своим вампирским слухом.

– Теперь, – сказал он не улыбаясь, – ты, конечно, тоже можешь утверждать, что это был невольный рефлекс и необъяснимый импульс. Но объяснить, откуда взялся новый банковский счет, тебе будет трудно.

Геральт глядел куда-то ввысь, более того, поверх крон кипарисов.

– Кто знает, – сказал он, – может, все-таки мы проведем здесь несколько дней. А с учетом Мильвовых ребер, может быть, даже больше, чем несколько. Может, несколько недель. Ведь не помешает обрести на это время финансовую независимость?

– Так вот откуда у тебя счет у Чианфанелли, – покачал головой Рейнарт де Буа-Фресне. – Ну-ну. Если б княгиня узнала, были бы точно смены в должностях, была бы новая раздача патентов. Ха, возможно, и я бы маленько подрос? Чес-слово, жаль, что у человека нет задатков к доносительству. А теперь расскажи об известном выпивоне, на который я так рассчитывал. Мне так хотелось побывать на том пиру, поесть и попить. А меня выслали на границу, на вышку, в холод и собачью пургу. Эх, холя-холя, рыцарская доля...

– Великому и шумно разрекламированному пиру, – начал Геральт, – предшествовала серьезная подготовка. Надо было отыскать Мильву, прятавшуюся в конюшнях, надо было убедить ее, что от ее участия в банкете зависит судьба Цири и чуть ли не всего мира. Надо было почти что силой натянуть на нее платье. Потом заставить Ангулему поклясться, что она поведет себя как подобает даме и уж обязательно постарается избегать слов «курва» и «жопа». Когда наконец мы всего этого добились и уже намеревались было взяться за вино, появился камергер ле Гофф, маршал двора, пуще прежнего воняющий глазурию и надутый как свиной пузырь.

– В данных обстоятельствах¹⁶ я вынужден пояснить, – загундосил камергер ле Гофф, – что за столом ее милости нет мест первых и последних, никто не может обижаться на то, что ему предназначено положение за столом, кое покажется ему ниже его достоинства. Однако же мы здесь, в Туссенте, строго блюдем и чтим давние традиции и обычаи и придерживаемся обсерванции¹⁷. В соответствии же с оными обычаями, традициями и...

– Переходите, милостивый государь, к делу.

– Пиршество назначено на завтра. Мне надобно рассадить гостей в соответствии с честью и рангом.

– Ясно, – серьезно проговорил ведьмак. – Значится, так: самый достойнейший из нас, как рангом, так и честью, – Лютик.

– Господин виконт Юлиан, – произнес камергер, задрал нос, – являет себя гостем экстраординарно почетным. И как таковой одесную ее милости усажен будет.

– Ясно, – повторил ведьмак, серьезный как сама смерть. – А относительно нас... виконт не пояснил, у кого ранг, титул и честь, в смысле – достоинства каковы?

– Пояснил лишь, – кашлянул камергер, – что ваши милости пребывают здесь инкогнито с рыцарской миссией, деталей каковой, как и истинных имен, гербов и титулов, выдавать вам нет возможности, ибо того не допускают ваши обеты.

– Именно так оно и есть. Тогда в чем же проблема?

– В том-то и проблема, чтобы правильно рассадить гостей! Вы – гости, к тому же соратники господина виконта, стало быть, мне должно усадить вас ближе к голове стола... Промеж баронов. Но ведь не может быть, чтобы все вы, ваши милости и госпожи, оказались ровней,

¹⁶ Обстоятельство (*circumstantia*, *лат.*) – устаревшее.

¹⁷ Строгое следование законам, правилам, установлениям (*observantium*, *лат.*) – устаревшее.

ибо так никогда не бывает, поскольку быть не может, чтобы все, повторяю, ровней были. Ежели кто из вас рангом либо родом выше, то должен при верхнем столе сидеть, при княгине...

– Он, – ведьмак не колеблясь указал на вампира, который неподалеку в задумчивости любовался занимающим чуть ли не всю стену гобеленом, – граф. Но об этом – ша! Это тайна, покрытая мраком веков.

– Понял! – Камергер чуть не захлебнулся от восторга. – В данных обстоятельствах... Я усажу его одесную графини Ноттурн и благородно урожденной тетюшки госпожи, то бишь ее светлости княгини.

– Не пожалеете ни вы, ни благородно урожденная тетюшка. – У Геральта было совершенно каменное лицо. – Равных ему нет ни в смысле обычаев, ни в искусстве конверсации¹⁸.

– Безмерно рад слышать. Вы же, милсдарь из Ривии, усядетесь рядом с почтенной госпожой Фрингильей. Такова традиция. Вы несли ее к бочке, вы... хм-м-м... ее рыцарь как бы...

– Понятно.

– Ну и славно. Ах, господин граф...

– Слушаю, – удивился вампир, который как раз отошел от гобелена, изображающего битву гигантов с циклопами.

– Нет-нет, ничего, – улыбнулся Геральт. – Мы просто беседуем.

– Ага, – кивнул Регис. – Не знаю, заметили ли вы, господа... Но у этого циклопа на гобелене, о, вон у того с пальцами... Гляньте на пальцы его ног. У него, я не боюсь это сказать, две левые ноги.

– Да-да, – без тени удивления подтвердил камергер ле Гофф. – Таких гобеленов в Боклере множество. Умелец, который их ткал, был истинным мастером своего дела, но страшно много... э... пил. Служитель муз, сами понимаете, господа...

– Нам пора, – проговорил ведьмак, избегая взгляда разгоряченных вином девушек из-за соседнего стола, за которым занимались ворожбой. – Собираемся, Рейнарт. Расплачиваемся и на лошадей – едем в Боклер.

– Знаю, куда тебе невтерпеж, – оскалился в ухмылке рыцарь. – Не бойсь, твоя зеленоглазая ждет. Только что пробило полночь. Расскажи, как пир прошел?

– Расскажу и едем.

– И едем.

Вид установленных гигантской подковой столов однозначно говорил о том, что осень подходит к концу и дело идет к зиме. Меж громоздящихся на тарелках, подносах и блюдах кушаний особое место занимала дичь во всех возможных видах и вариантах. Были там огромные кабаны туши, олени окорока и кострецы, самые разнообразные паштеты, заливные и розовые пластины мяса, по-осеннему украшенные грибами, клюквой, сливовыми повидлами и боярышниковым соусом. Была осенняя птица – тетерева, глухари и фазаны, эффектно поданные с крыльями и хвостами, были запеченные цесарки, перепела и куропатки, читки, бекасы, рябчики и дрозды. Были редкостные деликатесы: дрозды-рябинники, запеченные целиком, без потрошения, поскольку ягоды можжевельника, которыми нафаршировали этих маленьких пичужек, сами по себе создавали соответствующую приправу. Не обошлось и без форели из горных озер, судаков, налимов и щучьей печени. Зеленью разнообразила стол малая валерьяница, позднеосенний салат, который, если возникала такая потребность, можно было выгresti даже из-под снега.

Цветы заменяла омела.

¹⁸ Диалога.

В центре закругления, во главе стола, где восседала княгиня Анарьетта и наиболее уважаемые гости, на огромном серебряном подносе помещалось украшение вечера. Среди трюфелей, вырезанных из моркови цветов, половинок лимонов и артишоковых сердец возлежала гигантская стерлядь, а на ее спинке стояла на одной ноге запеченная целиком цапля с золотым кольцом в поднятом клюве.

– Клянусь цаплей! – воскликнул, поднимая кубок, Пейрак-Пейран, хорошо знакомый ведьмаку барон с бычьей головой в гербе. – Цаплей клянусь защищать рыцарскую честь и честь дома и приношу обет никогда-преникогда никому не уступать поля боя!

Обет наградили громкой овацией. И принялись за еду.

– Клянусь цаплей! – рявкнул другой рыцарь с воинственно торчащими во все стороны метельчатыми усами. – До последней капли крови в жилах своих защищать границы и ее сиятельство Анну-Генриетту! А чтобы доказать свою верность, клянусь изобразить на щите цаплю и целый год драться инкогнито, имя свое истинное и герб свой истинный скрывая, а именовать Рыцарем Белой Цапли! Пью за здоровье ее княжеского сиятельства!

– Здравия! Счастья! Виват! Да здравствует ее милость!

Анарьетта поблагодарила легким кивком головы, украшенной филигранной диадемой. Бриллиантов на княгине было столько, что, даже просто проходя мимо стекла, она могла покрыть его поверхность царапинами. Рядом с княгиней, глуповато улыбаясь, сидел Лютик. Немного поодаль, между двумя матронами, восседал Эмиель Регис, вампир. Одет он был в черный кафтан и выглядел точь-в-точь как положено вампиру. Услуживал матронам и забавлял их конверсацией, они же увлеченно слушали.

Геральт схватил блюдо с заливным судаком, украшенным петрушкой, и подал сидящей по левую сторону Фрингилье Виго, на которой было платье из лилового атласа и невероятно шикарное кольцо из аметистов. Фрингилья, поглядывая на него из-под черных ресниц, подняла кубок и загадочно улыбнулась.

– Твое здоровье, Геральт. Рада, что нас посадили рядышком.

– Не хвали день до захода... – Геральт не закончил и улыбнулся. Настроение у него было в принципе неплохое. – Пир еще только начинается.

– Совсем наоборот. Он уже достаточно затянулся, и пора бы тебе начать делать мне комплименты. Долго я еще буду ждать?

– Ты обворожительно прекрасна.

– Ну, не так уж сразу с места в карьер, – засмеялась она, и ведьмак мог бы поклясться, что сказала она это совершенно искренне. – Страшно подумать, до чего мы можем в таком темпе дойти к концу возлияния. Начни с... хм... Ну, скажи, что платье я выбрала со вкусом и что лиловый мне к лицу.

– Лиловый цвет тебе к лицу, но, честно говоря, мне ты больше понравилась в белом.

Он заметил в ее изумрудных глазах вызов. И боялся его принять. Уж в таком-то хорошем настроении он все же не был.

Напротив них посадили Кагыра и Мильву. Кагыр сидел между двумя молоденькими и беспрестанно щебечущими дворяночками, кажется, баронессами.

У лучницы в кавалерах оказался пожилой, угрюмый и молчаливый как камень рыцарь с лицом, изъеденным оспинами.

Немного дальше расположилась Ангулема, верховодя и вызывая суматоху среди юных странствующих рыцарей.

– Что такое? – верещала она, поднимая серебряный нож с закругленным концом. – Без острия? Неужто бояться, что мы примемся тыкать друг в друга, или как?

– Такие ножи, – пояснила Фрингилья, – употребляются в Боклере со времен княгини Каролины Роберты, бабки Анны-Генриетты. Кароберта прямо-таки из себя выходила, когда во

время выпивок гости ковыряли ножами в зубах. А ножом с закругленным концом в зубах не поковыряешь.

– Что верно, то верно, – согласилась Ангулема, шельмовски гримасничая. – К счастью, подали еще и вилки!

Она сделала вид, будто сует вилку в рот, но под грозным взглядом Геральта остановилась. Сидящий по правую руку от нее молодой рыцарь зашелся бараньим фальцетом. Геральт взял тарелку с уткой в желе, подал Фрингилье. Он видел, как Кагыр разрывается на части, выполняя капризы баронессочек, а те глаз с него не сводят. Видел он и то, как юные рыцари увиваются вокруг Ангулемы, наперебой подавая ей кушанья и ржа над ее немудреными шутками.

Он видел, как Мильва крошит хлеб, уставившись взглядом в скатерть.

Фрингилья, казалось, читает его мысли.

– Неудачно попала твоя неразговорчивая подружка, – шепнула она, наклонившись к нему. – Что делать, такое случается, когда распределяют места за столом. Барон де Трастамара не грешит галантностью. И словоохотливостью.

– Может, оно и к лучшему, – тихо ответил Геральт. – Истекающий слюногалантностью дворянин был бы хуже. Я Мильву знаю.

– Ты уверен? – Она быстро взглянула на него. – А не меришь ли ты ее своей собственной меркой? Кстати, достаточно жестокой.

Он не ответил, а вместо этого налил ей вина. И счел, что теперь самое время кое-что выяснить.

– Ты чародейка, верно?

– Верно, – согласилась она, очень умело скрывая удивление. – Как ты догадался?

– Я воспринимаю ауру, – не стал он вдаваться в подробности. – Да и опыт некоторый есть.

– Чтобы все было ясно, – проговорила она через минуту, – я не собираюсь никого вводить в заблуждение. Однако и не обязана громогласно извещать всех о своей профессии или надевать островерхий колпак и черный плащ. Зачем пугать детей? Я имею право на инкогнито. Тоже.

– Не возражаю.

– Я сижу в Боклере, потому что здесь собрана хоть и не самая большая, зато самая богатая библиотека известного мира. Кроме университетской, конечно. Но университеты очень ревностно следят за своими полками, а здесь я – родственница и подруга Анарьетты, и мне дозволено все.

– Можно позавидовать.

– Во время аудиенции Анарьетта намекала на то, что здешние книги могут содержать полезные для тебя сведения. Не удивляйся ее несколько театральной экзальтации. Такова уж она есть. А то, что в книгах ты можешь что-нибудь найти, действительно не исключено. Более того, вполне правдоподобно. Достаточно знать, что искать и где.

– Всего-то?

– Энтузиазм твоих ответов воистину воодушевляет и побуждает к разговору. – Она слегка сощурилась. – Догадываюсь о причине. Ты не доверяешь мне, правда?

– Может, еще по рябиновке?

– Клянусь цаплей! – Молодой рыцарь с конца подковы встал и перевязал себе глаз шарфом, полученным от соседки по столу. – Клянусь не снимать шарфа до тех пор, пока не будут под корень вырублены бандиты с перевала Сервантеса!

Княгиня выразила признательность покровительственным наклоном искрящейся бриллиантами диадемки.

Геральт рассчитывал на то, что Фрингилья не продолжит разговор.

Он ошибся.

– Ты не веришь мне и не доверяешь, – сказала она. – Ты нанес мне вдвойне болезненный удар. Ты не только сомневаешься в том, что я искренне хочу тебе помочь, но к тому же не веришь, что я действительно могу это сделать. Ох, Геральт! Ты за живое задел мое самолюбие и возвышенные стремления.

– Послушай...

– Нет! Не выкручивайся. Терпеть не могу мужчин, которые всячески пытаются вывернуться.

– А каких мужчин терпишь?

Она снова сощурилась, все еще держа нож и вилку в рабочем положении.

– Список длинный. И мне не хочется утомлять себя подробностями. Замечу лишь, что достаточно высоко в нем стоят мужчины, которые ради любимой женщины готовы идти на край света, бесстрашные, рискованные, пренебрегающие опасностями. И не сдающиеся, даже если кажется, что шансов на успех уже нет.

– А остальные пункты списка? – не выдержал он. – Другие мужчины, которые в твоём вкусе? Тоже психи?

– А что есть истинная мужественность, – она кокетливо наклонила голову, – если не смешанные в нужной пропорции класс и сумасбродство.

– Дамы и господа, бароны и рыцари! – громко воскликнул камергер ле Гофф, отрываясь от стула и обеими руками поднимая гигантский кубок. – В данных циркумстанциях я позволю себе произнести тост: за здоровье сиятельнейшей княгини Анны-Генриетты!

– Здоровья и счастья!

– Урррра!

– Да здравствует! Виват!

– А теперь, дамы и господа, – камергер поставил кубок, торжественно кивнул лакеям, – теперь... Magna Bestia¹⁹.

На подносе, который четверо прислужников вынуждены были нести на чем-то вроде лектики, въехала в залу гигантская зажаренная туша, наполнив помещение изумительным ароматом.

– Magna Bestia! – грохнули хором пиршествующие. – Урррра!

– Что еще, черт побери, за бестия? – забеспокоилась Ангулема. – Не стану я есть, пока не дознаюсь, что это такое.

– Лось, – пояснил Геральт. – Целиком зажаренный лось.

– И не какой-нибудь там лосишко, – проговорила Мильва, откашлявшись. – В быке было цетнаров семь.

– Сохатый. Семь цетнаров и сорок пять фунтов²⁰, – хрипло проговорил сидящий рядом с ней молчаливый барон. Это были первые слова, произнесенные им с начала пиршества.

Может, и стало бы это началом разговора, но лучница покраснела, уткнулась взглядом в скатерть и снова принялась крошить хлеб.

– Уж не вы ли, барон, – спросил Геральт, которого за живое задела слова Фрингильи, – уложили эту громадину?

– Не я, – возразил молчун. – Мой племянник. Отличный стрелок. Но это мужская тема, я бы так сказал... Прошу прощения. К чему утомлять дам?

– А из какого лука? – спросила Мильва, все еще уставившись в скатерть. – Наверняка не слабее, чем из семидесятки.

– Ламинат. Слоями тис, ясень, акация, склеенные жилами, – медленно ответил барон, заметно удивленный. – Двойной гнутый зефар. Семьдесят пять фунтов силы.

¹⁹ Великий Зверь (лат.).

²⁰ Цетнар (центнар) – в средневековой Европе от 40,5 до 64,8 кг. Фунт – от 400 до 560 г.

– А натяжение?

– Двадцать девять дюймов. – Барон говорил все медленнее, казалось, он выплевывает отдельные слова.

– Действительно, махина, – спокойно сказала Мильва. – Из такого положишь олененка даже за сто шагов. Если стрелок действительно хороший.

– Я, – кашлянул барон, словно немного обиженный, – с четверти сотни шагов попадаю, я бы сказал, в фазана.

– С двадцати-то пяти, – Мильва подняла голову, – я в белку всажу.

Барон, опешив, откашлялся, быстро подставил лучнице еду и напиток.

– Добрый лук, – пробормотал он, – половина успеха. Но не менее важно качество, я бы сказал, стрелы. А также, видишь ли, милсдарыня, по моему мнению, стрела...

– За здоровье ее сиятельства Анны-Генриетты! За здоровье виконта Юлиана де Леттенхофа!

– За здравие! Виват!

– ...а она послала его к черту, – завершила очередной нехороший анекдот Ангулема. Юные рыцари зашлись не менее дурашливым хохотом.

Баронесски Келина и Ника слушали Кагыра с открытыми ртами, пылающими глазами и горящими огнем щеками. У верхнего стола рассуждениям Региса внимала вся высшая аристократия. До Геральта – даже при его ведьмачьем слухе – доходили сквозь гул лишь отдельные слова, однако он сообразил, что речь идет об упырях, ведьмах, суккубах и вампирах. Регис размахивал серебряной вилкой и доказывал, что наилучшим противоядием «супротив вампиров» является серебро, золотой песок, наилегчайшие прикосновения к коим для вампира абсолютно и несомненно убийственны. «А чеснок?» – спрашивали дамы. «Чеснок тоже хорошо действует, – соглашался Регис, – но малоприятен в общении, поскольку страшно смердит».

Тихо поигрывала на гуслях и дудках капелла на галерейке, похвалялись своим искусством акробаты, жонглеры и огнеглотатели. Утомленный шут пытался смешить, но где уж ему было до Ангулемы. Потом появился медвежатник с медведем, а медведь к общей потехе испугался и наклал кучу на полу. Ангулема погрузнела и слегка угасла – с такими конкурентами ей трудно было тягаться.

Остроносая княгиня неожиданно жутко разгневалась. Из-за какого-то случайно брошенного слова кто-то из баронов впал в немилость и под эскортом стражей и лично маршала двора был препровожден в башню. Впрочем, мало кого – кроме самого барона – взволновал этот инцидент.

– Слишком быстро-то ты отсюда не выедешь, маловерный, – проговорила Фрингиля Виго, покачивая кубок. – Хоть с радостью выехал бы прямо сейчас, ничего из этого не получится.

– Снова прошу: не читай у меня в мыслях.

– Прости. Они были такими яркими, что у меня получилось невольно.

– Я слышу это уже не в первый раз.

– Ты даже не представляешь себе, сколько я знаю. Пожалуйста, отведай артишоков, они полезны, хорошо влияют на сердце. Сердце – важный орган у мужчины. Второй по счету, если говорить о значимости.

– Я думал, самое важное – класс и сумасбродство.

– Достоинствам духа должно идти в паре с достоинствами тела. Это обеспечивает совершенство.

– Совершенных не бывает.

– Это не аргумент. Надо стараться. Знаешь что? Пожалуй, попрошу: подай-ка мне рябчика.

Она рассекла птицу на блюде так быстро и резко, что ведьмак даже дрогнул.

– Так быстро ты отсюда не уедешь, – повторила она. – Во-первых, в этом нет никакой нужды. Тебе ничто не угрожает.

– Ну ничегошеньки, действительно, – не выдержал он. – Нильфгаардцы перепугаются строгой ноты, отправленной княжеской канцелярией. А если даже вдруг возьмут да рискнут напасть, то их турнут отсюда поклявшиеся цаплей странствующие рыцари с шарфами на глазах.

– Тебе ничто не грозит, – повторила она, не обращая внимания на сарказм. – Туссент повсеместно считается сказочным княжеством, смешным и нереальным, кроме того, вследствие специфичности винной продукции, пребывающим в состоянии перманентного опьянения и неизменного вакхического веселья. Как таковое, никто его не воспринимает всерьез, но тем не менее оно пользуется определенными привилегиями. В конце концов, Туссент поставляет вина, а без вин, каждому известно, нет жизни. Поэтому в Туссенте не действуют никакие агенты, шпионы или тайные службы. И ему не нужна армия, вполне достаточно странствующих рыцарей с перевязанными глазами. Никто не нападет на Туссент. По твоей mine вижу, что я не до конца тебя убедила?

– Скажем так: не до самого.

– А жаль, – сощурилась Фрингиля. – Люблю, чтобы доходило до конца. Не переносу, когда не получается или получается наполовину. И недосказанностей тоже не люблю. Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, считает, что ты – покойник, беглецы донесли ему, что друидки всех вас спалили живьем. Фулько делает что может, лишь бы прикрыть эту неприятную историю, носящую явные признаки скандала. Впрочем, тут у него свой интерес и собственная карьера. Даже если до него дойдет, что ты жив-живехонек, будет поздно. Версия, которую он привел в рапортах, уже будет считаться канонической.

– А ты многое знаешь.

– Я никогда этого не скрывала. Так что аргумент, касающийся нильфгаардской погони, отпадает. А других, которые оправдывали бы твой скорый отъезд, попросту нет.

– Интересно...

– Но реально. Из Туссента можно выехать через четыре перевала, ведущих на четыре стороны света. Который выбираешь? Друидки не сказали тебе ничего и отказались сотрудничать. Эльф с гор исчез.

– Слушай, а ты и верно многое знаешь.

– Это мы уже установили.

– И жаждешь мне помочь.

– А ты от моей помощи отказываешься. Не веришь в искренность моих намерений. Не доверяешь мне.

– Послушай, я...

– Перестань объясняться. Откушай еще артишоков.

Кто-то снова клялся цаплей. Кагыр источал комплименты баронессочкам, подвыпившую Ангулему слышно было на весь стол. Молчаливый барон, оживленный дискуссией о луках и стрелах, начал чуть ли не ухаживать за Мильвой.

– Изволь отведать кабаньей ветчинки. Эх, я бы сказал... Есть в моих владениях такие кабаньи места, где от зверя не продохнуть. Они там прямо-таки ордами валандаются...

– О!

– Там попадаются преотменные экземпляры. Цетнара по три штука. Сезон в разгаре... Если б милостивая государыня изъявила желание... Мы могли бы, я б так сказал, совместно на охоту...

– Мы тут, понимаете, так-то долго уж не засидимся. – Мильва странно просительно глянула на Геральта. – Потому как, с вашего позволения, у нас есть дела поважнее, чем нежели,

значит, охота... Хотя, – добавила она быстро, видя, что барон хмурится, – с величайшим желанием я с вашей милостью на черного бы зверя пошла...

Изрытое оспинами лицо барона тут же пошло красными пятнами.

– Ну, если не на охоту, то хоть бы к себе приглашаю. Я бы так сказал – в резиденцию. Покажу свои коллекции лосиных и оленьих рогов, трубки и сабли.

Мильва уставилась в скатерть.

Барон схватил поднос с дроздами-рябинниками, подал ей, потом наполнил кубок вином и сказал:

– Прошу прощения, я не придворный. Веселить не обучен. Да и с придворной болтовней у меня не шибко...

– Я, – откашлялась Мильва, – в лесу воспитывалась. Умею ценить тишину.

Фрингиля отыскала под столом руку Геральта и крепко пожала. Геральт глянул ей в глаза. И не мог угадать, что в них таится.

– Я тебе доверяю, – сказал он. – Верю в искренность твоих намерений.

– Не лжешь?

– Клянусь цаплей.

Городской стражник, видимо, по случаю Йуле, здорово набрался, поскольку перемещался неуверенно, задевал алебардой вывески и громко, но бестолково вещал, что уже десятый час, хотя в действительности было далеко за полночь.

– Поезжай в Боклер один, – неожиданно сказал Рейнарт де Буа-Фресне, как только они вышли из кабака. – Я останусь в городе. До утра. Пока, ведьмак.

Геральт знал, что у рыцаря в городе есть дружески к нему расположенная дама, муж которой много разъезжал по делам. Они не разговаривали об этом никогда, поскольку о таких вещах настоящие мужчины не болтают.

– Пока, Рейнарт. Позаботься о скоффине. Чтобы не протух.

– На улице мороз.

Действительно, стоял мороз. Улочки были мрачны и пустынные. Лунный свет лился на крыши, бриллиантово блестел на свисающих с застрех ледяных сосульках, но не проникал в глубину переулков. Подковы Плотвы цокали по брусчатке.

«Плотва, – подумал ведьмак, – направляется к дворцу Боклер. Хорошая гнедушка! Ценный подарок от Анны-Генриетты и Лютика».

Он подогнал лошадь.

Он торопился.

После торжества все встретились за завтраком, к которому привыкли спускаться в дворцовую кухню. Там, неизвестно почему, их всегда принимали с удовольствием. Обязательно находилось что-нибудь тепленькое, прямо из горшка, со сковороды или с вертела, всегда отыскивался хлеб, сало, корейка и соленые рыжики. Никогда не было нехватки в кувшине-двух какого-нибудь белого или красного продукта знаменитых местных виноградников.

Они всегда ходили туда. Две проведенные в Боклере недели. Регис, Геральт, Кагыр, Ангулема и Мильва. Только Лютик завтракал в другом месте.

– Ему, – комментировала Ангулема, намазывая хлеб маслом, – сало с ошурками²¹ приносят прямо в лежанку! И низко кланяются!

Геральт был склонен верить, что так оно и есть. И именно сегодня решил удостовериться лично.

²¹ Шкварки.

Лютика он нашел в рыцарской зале. На голове у поэта красовался карминовый берет, огромный как буханка пеклеванного хлеба, сам «виконт» был облачен в выдержанный в соответствующих тонах богато расшитый золотой нитью дублет. Бард сидел на карле с лютней на колене и небрежными кивками реагировал на комплименты окружающих дам.

Анны-Генриетты, к счастью, на горизонте не наблюдалось. Геральт не колеблясь нарушил протокол и смело приступил к акции. Лютик заметил его тут же.

– Соблаговолите оставить нас одних, ваши милости. – Он напыжился и истинно по-королевски махнул рукой. – Слуги пусть также удалятся.

Окружающие зааплодировали, и не успело еще эхо аплодисментов заглухнуть, как они оказались в рыцарской зале наедине с латами, картинами, паноплиями²² и сильным запахом пудры, оставшимся после дам.

– Шикарная забава, – оценил без излишнего ехидства Геральт, – так вот запросто выгнать их, а? Надо думать, приятно отдавать приказы монаршьим мановением бровей, одним хлопком, единым властным жестом? Глядеть, как пятятся словно раки, сгибаясь перед тобой в поклонах? Шикарная забава? А? Милостивый государь фаворит?

– Тебя интересует что-то конкретное? – поморщившись, кисло спросил Лютик. – Или просто потрепаться приспичило?

– Меня сильно интересует нечто вполне конкретное. Настолько сильно, что сильнее не бывает.

– Так говори. Я слушаю.

– Нам нужны верховые лошади. Три. Мне, Кагыру и Ангулеме. И две запасные. Итого три хорошие верховые плюс две под багаж. Под багаж в крайнем случае сгодятся мулы, груженные провиантом и фуражом. Настолько, думаю, твоя княгиня тебя оценивает? Э? Это ты у нее отработал, надеюсь?

– Никаких проблем. – Лютик, не глядя на Геральта, принялся настраивать лютню. – Меня только удивляет твоя поспешность. Я бы сказал, она удивляет меня столь же сильно, сколь и твой глуповатый и неуместный сарказм.

– Тебя удивляет поспешность?

– Именно. Октябрь кончается, погода заметно портится. В любой день на перевалах может выпасть снег.

– А тебя, значит, удивляет поспешность, – покачал головой ведьмак. – Кстати, хорошо, что напомнил. Обеспечь нас еще теплой одеждой. Шубами.

– Я думал, – медленно проговорил Лютик, – что мы переждем здесь зиму. Что останемся здесь...

– Если хочешь, – не задумываясь, бросил Геральт, – останься.

– Хочу. – Лютик неожиданно встал, отложил лютню. – И остаюсь.

Ведьмак громко втянул воздух. Помолчал. Он смотрел на гобелен, на котором была изображена битва титана с драконом. Титан, твердо стоя на двух левых ногах, пытался выломать у дракона челюсть, а дракон, насколько можно было понять, особой радости от этого не испытывал.

– Я остаюсь, – повторил Лютик. – Я люблю Анарьетту. И она любит меня.

Геральт хранил молчание.

– Вы получите еще одну лошадь, – молвил поэт. – Для тебя я прикажу подобрать породистую кобылку – по имени Плотва, разумеется. Вы будете накормлены, обуты и тепло одеты. Но я от души советую подождать до весны. Анарьетта...

– Правильно ли я расслышал? – Ведьмак наконец прокашлялся. – Уж не обманывает ли меня слух?

²² Декоративный мотив, составленный из оружия.

– Разум у тебя притупился несомненно, – буркнул трубадур. – Что касается других органов чувств, не знаю. Повторяю: мы любим друг друга, Анарьетта и я. Я остаюсь в Туссенте. С ней.

– В качестве кого? Фаворита? Любовника? А может, князя-консорта?

– Формально-правовой статус мне в принципе безразличен, – честно признался Лютик. – Но исключать нельзя ничего. Супружества тоже.

Геральт снова помолчал, любуясь борьбой титана с драконом.

– Лютик, – сказал он наконец. – Если ты пил, то трезвей поскорее. Если не пил, напейся. Тогда и поговорим.

– Я не очень понимаю, – поморщился Лютик, – что тебя так волнует?

– А ты подумай малость.

– В чем дело? Тебя так взволновала моя связь с Анарьеттой? Быть может, ты намерен воззвать к моему рассудку? Перестань. Я все продумал. Анарьетта меня любит...

– А тебе знакома, – прервал Геральт, – такая поговорка: княжья милость на пестрых конях ездит? Даже если твоя Анарьетта не легкомысленна, а таковой она мне, прости за откровенность, кажется, то...

– То что?

– А то, что лишь в сказках княгини связываются с музыкантами и... свинопасами.

– Во-первых, – надулся Лютик, – даже такой простак, как ты, должен был слышать о морганатических браках. Привести тебе примеры из древней и новейшей истории? Не надо? Во-вторых, тебя, вероятно, это удивит, но я вовсе не из последних простолюдинов. Мой род де Леттенхоф идет от...

– Слушаю я тебя, – снова прервал Геральт, уже готовый вспылить, – и удивляюсь. Неужто это мой друг Лютик? Неужто мой друг Лютик и вправду лишился разума? Неужто тот самый Лютик, которого я всегда знал и считал реалистом, ни с того ни с сего погрузился в мир иллюзий и там обретается? Раскрой глаза, кретин!

– Ага, – медленно проговорил Лютик, кривя губы. – Какая любопытная перемена ролей. Я – слепец, а ты вдруг стал остроглазым и притким наблюдателем. Обычно бывало наоборот. И чего же, хотелось бы узнать, я не замечаю из того, что столь очевидно для тебя? Э? На что я должен, по-твоему, раскрыть глаза?

– А хоть бы и на то, – процедил ведьмак, – что твоя княгиня – балованный ребенок, из которого выросла избалованная нахалка и буффонка. На то, что она допустила тебя к своим прелестям, увлеченная новизной, и ты незамедлительно вылетишь в трубу, как только явится новый трубадур с новым и более увлекательным репертуаром.

– Невероятно низко и вульгарно то, что ты говоришь. Надеюсь, ты сознаешь это?

– Я сознаю трагедию отсутствия у тебя признаков сознания. Ты сумасшедший, Лютик.

Поэт молчал, поглаживая гриф лютни. Прошло время, прежде чем он заговорил. Медленно и раздумчиво.

– Мы отправились из Брокилона с сумасшедшей миссией. Идя на сумасшедший риск, мы кинулись в сумасшедшую и лишенную малейших шансов на успех погоню за миражом. За призраком, сонным видением, за сумасшедшей мечтой, за абсолютно невоплотимыми идеалами. Мы кинулись в погоню, как глупцы, как психи. Но я, Геральт, не произнес ни слова жалобы. Не называл тебя сумасшедшим, не высмеивал. Потому что в тебе жили надежда и любовь. Они руководили тобой в этой сумасбродной эскападе. Впрочем, мною тоже. Но я уже догнал свой мираж, и мне не просто повезло, что сон осуществился, а мечта исполнилась. Моя миссия закончена. Я нашел то, что так трудно найти. И намерен сохранить что нашел. И это – сумасшествие? Сумасшествием было бы, если б я отринул это и выпустил из рук.

Геральт молчал столь же долго, как и Лютик. Наконец сказал:

– Чистая поэзия. А в этом с тобой состязаться трудно. Больше я не произнесу ни слова. Ты выбил у меня из рук аргументы. С помощью, согласен, не менее, а может быть, и более точных и весомых аргументов. Бывай, Лютик.

– Бывай, Геральт.

Дворцовая библиотека действительно была огромна. Зал, в котором она размещалась, по меньшей мере двукратно превышал размерами зал рыцарский. И у нее был стеклянный потолок. Благодаря чему было светло. Однако Геральт подозревал, что из-за этого летом здесь бывает чертовски жарко.

Проходы между шкафами и стеллажами были узенькими и тесными. Он шел осторожно, чтобы не скинуть книги. Приходилось переступать через фолианты, валявшиеся на полу.

– Я здесь, – услышал он.

Середина библиотеки тонула в книгах, сложенных в кучи и пирамиды. Многие валялись совершенно хаотично, поодиночке либо живописными кучами.

– Здесь я, Геральт.

Он углубился в межкнижные каньоны и ущелья. И нашел ее. Она стояла на коленях посреди разбросанных инкунабул, листая их и приводя в относительный порядок. На ней было скромное серое платье, для удобства немного подтянутое вверх. Геральт отметил, что картина сия невероятно привлекательна.

– Не возмущайся здешним разгардашем, – сказала она, отирая лоб предплечьем, потому что на руках у нее были грязные от пыли, тонкие шелковые перчатки. – Здесь сейчас проводится инвентаризация и каталогизирование. Но по моей просьбе работы прервали, чтобы я могла побыть в библиотеке одна. Когда я работаю, терпеть не могу, чтобы посторонние дышали мне в затылок.

– Прости. Мне уйти?

– Ты не посторонний. – Она слегка сощурила зеленые глаза. – Твой взгляд... доставляет мне удовольствие. Не стой так. Садись сюда, на книги.

Он присел на «Описание мира», изданное in folio²³.

– Этот ералаш, – Фрингиля широким жестом повела вокруг, – неожиданно облегчил мне работу. Мне удалось добраться до книг, которые обычно лежат где-то на дне, под опоклой. Которую нельзя тронуть. Княгинины библиотекари титаническими усилиями разобрали завалы, благодаря чему дневной свет узрели некоторые жемчужины письменности, самые настоящие белые вороны. Взгляни. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

– «Speculum aureum»²⁴? Видел.

– Совсем забыла. Прости. Ты многое повидал. Предполагалось, что это комплимент, а не сарказм. А кинь взгляд сюда. Это «Gesta Regum»²⁵. С нее мы и начнем, чтобы ты понял, что такое твоя Цири в действительности, чья кровь течет в ее жилах... Мина у тебя еще более кислая, чем обычно, знаешь? В чем причина?

– В Лютике.

– Расскажи.

Фрингиля слушала, сидя на стопке книг и положив ногу на ногу.

– Ну что ж, – вздохнула она, когда он окончил. – Признаюсь, я ожидала чего-то подобного. У Анарьетты, я давно заметила, просматриваются симптомы влюбленности.

– Влюбленности? – прыснул ведьмак. – Или великобарской фанаберии?

²³ Фолиант (лат. in folio, буквально – в лист), книга форматом в пол-листа.

²⁴ «Золотое зеркало» (лат.).

²⁵ «Бремя власти» (лат.).

– Ты, – она пронизательно глянула на него, – похоже, не веришь в искреннюю и чистую любовь?

– Как раз о моей-то вере, – отрезал он, – дебатировать нечего. Она никакого отношения ко всему сказанному не имеет. Речь идет о Лютике и его глу...

Он осекся, неожиданно потеряв уверенность.

– С любовью, – медленно проговорила Фрингиля, – все обстоит так же, как с почечными коликами. Пока не схватит, даже не представляешь себе, что это такое. А когда об этом рассказывают – не веришь.

– Что-то в этом есть, – согласился ведьмак. – Но есть и различия. От почечных колик рассудок не спасает. И их не лечит.

– Любовь смеется над рассудком. И в этом ее притягательная сила и прелесть.

– Скорее глупость.

Фрингиля встала, подошла к нему, стянула перчатки. Ее глаза под сенью ресниц были темными и глубокими. От нее исходил запах амбры, роз, библиотечной пыли, истлевших бумаг, свинцового сурика и типографской краски, порошка чернильного орешка, стрихнина, которым пытались травить библиотечных мышей. У этого запаха было мало общего с афродизиями. Тем удивительнее, что он действовал.

– Ты не веришь, – сказала она изменившимся голосом, – в неожиданный импульс? В бурное притяжение? В столкновение летящих по пересекающимся траекториям болидов? В катаклизм?

Она протянула руки, коснулась его плеч. Он коснулся ее плеч. Их лица сближались, пока еще медленно, чутко и напряженно, губы соприкасались осторожно и нежно, как будто боялись спугнуть какое-то очень-очень настороженное существо.

А потом болиды столкнулись, и произошел взрыв. Катаклизм.

Они упали на кучу фолиантов, разъехавшихся под их тяжестью во все стороны. Геральт уткнулся носом в декольте Фрингили, крепко обнял ее и схватил за колени. Подтянуть ее платье выше талии мешали разные книги, в том числе полные искусно выполненных вензелей и украшений «Жития пророков», а также «De haemorrhoidibus»²⁶, интересный, хоть и противоречивый медицинский трактат. Ведьмак отпихнул огромные тома в сторону, нетерпеливо рванул платье. Фрингиля охотно приподняла бедра.

Что-то упиралось ей в плечо. Она повернула голову. «Искусство акушерской науки для женщин». Быстро, чтобы не будить лиха, она глянула в противоположную сторону. «О горячих сероводородных водах». Действительно, становилось все горячее. Краешком глаза она видела фронтиспис раскрытой книги, на которой возлежала ее голова. «Заметки о кончине неминуемой». «Еще того не лучше», – подумала она.

Ведьмак расправлялся с ее трусиками. Она приподнимала бедра, но на этот раз чуть-чуть, так, чтобы это выглядело случайным движением, а не оказанием помощи. Она не знала его, не знала, как он реагирует на женщин. Не предпочитает ли тех, которые прикидываются, будто не знают, чего от них ждут, тем, которые знают. И не проходит ли у него желание, если трусики снимаются с трудом.

Однако никаких признаков потери желания ведьмак не проявлял. Можно сказать, совсем наоборот. Видя, что время не ждет, Фрингиля жадно и широко развела ноги, перевернув при этом кучу уложенных один на один свитков, которые тут же лавиной низверглись на них. Оправленное с тисненую кожу «Ипотечное право» уперлось ей в ягодицу, а украшенный латунной оковкой «Codex diplomaticus»²⁷ – в кисть Геральту. Геральт мгновенно оценил и использо-

²⁶ «К вопросу о геморроидах» (лат.).

²⁷ «Дипломатический кодекс» (лат.).

вал ситуацию: подsunул огромный томище туда, куда следовало, Фрингиля пискнула: оковка оказалась холодной. Но только какое-то мгновение.

Она громко вздохнула, отпустила волосы ведьмака и обеими руками ухватилась за книги.левой – за «Начертательную геометрию», правой – за «Заметки о гадах и пресмыкающихся». Державший ее за бедра Геральт случайным пинком повалил очередную кипу книг, однако был слишком увлечен, чтобы обращать внимание на сползающие по его ноге фолианты. Фрингиля спазматически постанывала, задевая головой страницы «Заметок о кончине...».

Книги с шелестом сдвигались, в носу свербило от резкого запаха слежавшейся пыли.

Фрингиля крикнула. Ведьмак этого не слышал, поскольку она сжала ноги у него на ушах. Он скинул с себя мешающую действовать «Историю войн» и «Журнал всяческих наук, для счастливой жизни потребных». Нетерпеливо воюя с пуговками и крючками верхней части платья, он перемещался с юга на север, произвольно читая надписи на обложках, корешках, фронтисписах и титульных страницах. Под талией Фрингили – «Идеальный садовод». Под мышкой, неподалеку от маленькой, прелестной, призывно торчащей грудки, – «О солтысах бесполезных и строптивых». Под локтем – «Экономия, или Простые указания, как создавать, разделять и использовать богатства».

«Заметки о кончине неминуемой» он уже прочитал, прильнул губами к ее шее, а руками находясь вблизи «Солтысов...». Фрингиля издала странный звук: то ли крик, то ли стон, то ли вздох... Отнести его к какой-либо определенной разновидности восклицаний было сложно.

Стеллажи задрожали, стопки книг закачались и рухнули, повалившись словно скалы-останцы после крупного землетрясения. Фрингиля крикнула снова. На сей раз с грохотом свалилось первое издание «De larvis scenicis et figuris comicis»²⁸ – истинная белая ворона, за нею рухнул «Перечень общих команд для кавалерии», потянув за собой украшенную прелестными гравюрами «Геральдику» Иоанна Аттрейского. Ведьмак охнул, пинком вытянутой ноги свалив новые тома. Фрингиля опять крикнула, громко и протяжно, свалила каблуком «Размышления или медитации на дни все всего года», интересное анонимное произведение, которое неведомо как оказалось на спине у Геральта. Геральт подрагивал и читал ее поверх плеч Фрингили, невольно узнавая, что «Замечания...» написал доктор Альбертус Ривус, издала Цинтрийская академия, а отпечатал мэтр-типограф Иоганн Фробен-младший на втором году царствования его величества короля Корбетта.

Воцарившуюся тишину нарушал только шорох сползающих книг и переворачивающихся страниц.

«Что делать, – думала Фрингиля, ленивыми движениями руки касаясь бока Геральта и твердого уголка «Размышлений о природе вещей». – Предложить самой? Или ждать, пока предложит он? Только б не подумал, что я робкая... или нескромная...

А как повести себя, если предложит он?»

– Пойдем и поищем какую-нибудь постель, – предложил немного хрипловато ведьмак. – Нельзя так безобразно обращаться с книгами – источником знания.

«Тогда мы отыскиали постель, – вспоминал Геральт, пуская Плотву в галоп по парковой аллее. – Постель в ее комнате, в ее алькове. Мы отдавались любви, будто помешанные, ненасытно, жадно, алчно, словно после многих лет воздержания. Как бы про запас, так, будто воздержание снова грозило нам.

Мы поведали друг другу многое. Поверяли весьма тривиальные истины. Изливали прекраснейшую ложь. Но ложь эта, хоть и была ложью, говорила не для обмана».

Возбужденный галопом, он направил Плотву прямо на присыпанную снегом клумбу роз и заставил лошадь перепрыгнуть ее.

²⁸ «О театральных масках и комических представлениях» (лат.).

«Мы любили. И говорили. И наша ложь была все прекраснее. И все лживее.
Два месяца. От октября по Юле.
Два месяца сумасшедшей, самозабвенной, ненасытной, бурной любви».
Подковы Плотвы зацокали по плитам двора дворца Боклер.

Быстро и бесшестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи с алебардами, убивающие скуку дежурства болтовней и сплетнями, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров.

Он был недалеко от дворцовой кухни. Но не вошел туда. Не присоединился к компании, которая там управлялась с бочонками и чем-то жареным. Постоял в тени, послушал.

Говорила Ангулема.

– Это какое-то прям, курва ее мать, зачарованное место, весь ихний Туссент. Какое-то заклятие висит над всей тутошной долиной. А уж над дворцом-то и подавно. Меня удивлял Лютик, поражал ведьмак, но теперь меня и саму чего-то томит под животом... Тьфу ты, я поймала себя на том, что... что там говорить. Послушайте, уезжать отсюда надо. И как можно скорее.

– Скажи это Геральту, – пробурчала Мильва. – Ты ему это скажи.

– Верно, поговори с ним, – сказал Кагыр довольно саркастически. – В одну из тех кратких минут, когда его удастся поймать. В перерыве между чародейкой и охотой на чудовищ. Между обоими занятиями, которыми он вот уже два месяца забивает время, чтобы забыть...

– Тебя и самого-то, – отмахнулась Ангулема, – поймать можно в основном в парке, где ты играешь в серсо со своими мазельками-баронессочками. Эх, да что там, зачарованное это место, весь тутошний Туссент. Регис по ночам куда-то исчезает, у тетечки – рябомордый барон...

– Заткнись, девчонка! И перестань называть меня тетечкой!

– Но-но, – примирительно встрял Регис. – Девочки, прекратите. Мильва, Ангулема. Да восторжествует согласие. Ибо согласие возводит, несогласие разрушает. Как говаривает ее милость Лютикова княгиня, владычица сей страны, дворца, хлеба, масла и огурчиков. Кому еще налить?

Мильва тяжело вздохнула.

– Слишком долго мы тут сидим. Слишком длинно, говорю, сидим тут в праздности. Дуреет из-за этого.

– Хорошо сказано, – проговорил Кагыр. – Очень хорошо сказано.

Геральт осторожно ретировался. Бесшестно. Как летучая мышь.

Быстро и бесшестно прошел он по коридорам. Никто не видел, никто не слышал его. Ни стражи, ни лакеи, ни пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда он проходил мимо канделябров. Крысы слышали, поднимали усаые мордочки, становились столбиками. Но не пугались. Они его знали.

Он ходил здесь часто.

В алькове витал аромат очарования и волшебства, амбры, роз и женского сна. Но Фрингиля не спала.

Она присела на постели, откинула одеяло, своим видом околдовывая его и овладевая им.

– Наконец-то ты здесь, – сказала она, потягиваясь. – Ты непросительно забываешь обо мне, ведьмак. Раздевайся и быстренько сюда. Быстро, как можно быстрее.

Быстро и бесшестно прошла она по коридорам. Никто не видел, никто не слышал ее. Ни стражи, лениво сплетничающие на посту, ни кемарящие лакеи и пажи. Не дрогнули даже огоньки свечей, когда она проходила мимо канделябров. Крысы слышали. Поднимали усаые

мордочки, становились столбиком, следили за ней черными бусинками глаз. Но не пугались. Они ее знали.

Она ходила здесь часто.

Был во дворце Боклер коридор, а в конце коридора комната, о существовании которой не знал никто. Ни нынешняя владелица замка, княгиня Анарьетта, ни самая первая владелица, прапрабабка Анарьетты, княгиня Адемарта, ни капитально перестраивавший замок архитектор, знаменитый Петр Фарамонд, ни работавшие в соответствии с проектом и указаниями Фарамонда каменщики. Да что там, даже сам камергер ле Гофф, который, как считалось, знал в Боклере все, не знал о существовании коридора и комнаты.

Коридор и комната, замаскированные сильнейшей иллюзией, были известны исключительно первоначальным конструкторам замка – эльфам. Позже, когда эльфов уже не было, а Туссент стал княжеством, – немногочисленной группе чародеев, связанных с княжеским домом. В частности, Арториусу Виго, магистру магических тайн, крупному специалисту в области иллюзий. И его юной племяннице Фрингилье, обладавшей особым даром иллюзионистики.

Быстро и бесшелестно пройдя по коридорам дворца Боклер, Фрингилья Виго остановилась перед участком стены между двумя колоннами, украшенными листовым аканфом. Тихо произнесенное заклинание и быстрый жест заставили стену – которая была иллюзией – исчезнуть, приоткрыв коридор. Казалось, глухой. Однако в конце коридора были задрапированные иллюзией двери. И за ними – темная комната.

Войдя в комнату, Фрингилья, не теряя времени, запустила телекоммуникатор. Овальное зеркало помутнело, потом разгорелось, осветив помещение и выхватив из мрака древние, тяжелые от пыли гобелены на стенах. В зеркале проявилась ниша, погруженный в мягкое кьяроскуро зал, округлый стол и сидящие за ним женщины. Девять женщин.

– Мы слушаем, мазель Виго, – сказала Филиппа Эйльхарт. – Что нового?

– К сожалению, – ответила, откашлявшись, Фрингилья, – ничего. Со времени последней телесвязи – ничего. Ни одной попытки сканирования.

– Скверно, – сказала Филиппа. – Не скрываю, мы рассчитывали на то, что вы что-нибудь обнаружите. Прошу по крайней мере сказать нам... ведьмак уже утихомирится? Сможете удержать его в Туссенте хотя бы до мая?

Фрингилья Виго помолчала. У нее не было ни малейшего желания сообщать ложь, что только за последнюю неделю ведьмак дважды называл ее «Йеннифэр», причем в такие моменты, когда у нее были все основания ожидать собственного имени. Но у ложи, в свою очередь, были все основания ожидать от нее правды. Искренности. И верных выводов.

– Нет, – наконец ответила она. – До мая, пожалуй, нет. Однако я сделаю все, что в моих силах, чтобы удерживать его как можно дольше.

Глава четвертая

КОРРЕД, чудовище из многочисленного семейства Strigiformes (см.), в зависимости от региона именуемый также корриганом, руттеркином, румпельштыльцем, кренчиком либо месмером. Одно о нем можно сообщить – вреден до невозможности. Это такой, прямо сказать, дерьмогнуслик, такой сучий хвост, что ни о внешности евойной, ни об обычаях писать мы не станем, поскольку истинно говорю вам: жаль слова тратить на эту дрянность.

Physiologus

Колонный зал дворца Монтекальво заполнял аромат, представляющий собой удивительную смесь запахов старинных деревянных панелей, истекающих воском свечей и десяти разновидностей духов. Десяти специально подобранных ароматических смесей, коими пользовались десять женщин, восседавших за круглым дубовым столом в креслах с поручнями в виде сфинксов.

Напротив Фрингильи Виго сидела Трисс Меригольд в светло-голубом, застегнутом под горлышко платье. Рядом с Трисс, держась в тени, устроилась Кейра Мец. Ее огромные серьги из многофасеточных цитринов то и дело разгорались тысячами манящих взгляд розблесков.

– Прошу продолжать, мазель Виго, – поторопила Филиппа Эйльхарт. – Нам не терпится узнать окончание истории и предпринять соответствующие шаги.

На Филиппе – что случилось с ней исключительно редко – не было никаких драгоценностей, кроме приколотой к киноварного цвета платью большой камеи из сардоникса. Фрингилья уже успела ознакомиться со сплетней и знала, кто подарил Филиппе камеею и чей профиль на ней вырезан.

Сидящая рядом с Филиппой Шеала де Танкарвилль была вся в черном и лишь самую малость украшена бриллиантами. У Маргариты Ло-Антиль на бордовом атласном платье было литое золото без камней. Зато у Сабрины Глевиссиг в колье, серьгах и перстнях красовались любимые ею ониксы, гармонировавшие с цветом глаз и одежды.

Ближе всех к Фрингилье сидели обе эльфки – Франческа Финдабаир и Ида Эмеан аэп Сивней. Маргаритка из Долин выглядела, как всегда, по-царски, хотя ни прическа, ни карминового платья сегодня, в виде исключения, не похвалялись излишеством, а диадема и кольцо отливали пурпуром не рубинов, а скромных и со вкусом оправленных гранатов. Ида же Эмеан была одета в выдержанные в осенних тонах муслин и тюль, столь тонкие и воздушные, что даже при едва ощутимом сквознячке, вызванном движением обогреваемого из единого центра воздуха, они порхали и трепетали словно анемоны.

Ассирэ вар Анагид, как обычно в последнее время, вызывала удивление элегантностью скромной, но изысканной. В небольшом декольте облегающего темно-зеленого платья красовался одинокий изумрудный кабошон в золотой оправе на золотой же цепочке. Холеные ногти, покрытые очень темной зеленью, придавали композиции привкус истинно чарующей экстравагантности.

– Мы ждем, мазель Виго, – напомнила Шеала де Танкарвилль. – Время идет.

Фрингилья откашлялась.

– Наступил декабрь. Пришло Йуле, потом Новый год. Ведьмак успокоился настолько, что имя Цири уже не всплывало в каждой беседе. Вылазки на чудовищ, которые он предпринимал регулярно, казалось, поглощают его без остатка. Ну, скажем, не вполне без остатка-то...

Фрингилья понизила голос. Ей почудилось, будто в лазурных глазах Трисс Меригольд промелькнула вспышка ненависти. Но в конце концов это мог быть просто отблеск мерцающего пламени свечей. Филиппа хмыкнула, поигрывая камеей.

– К чему такая скромность, мазель Виго? Мы среди своих. В обществе женщин, которые знают, что, кроме удовольствия, дает секс. Все мы пользуемся этим инструментом, когда возникает потребность. Продолжайте.

– Если днем он еще как-то пытался демонстрировать независимость и гордыню, – заговорила Фрингиля, – то ночами был полностью в моей власти. Говорил мне все, пел дифирамбы моей женственности – учитывая его возраст, достаточно, надо признать, щедрые. А потом засыпал. В моих объятиях, припав устами к моей груди. В поисках, полагаю, суррогата материнской любви, которой не знал никогда.

Теперь-то уж она была уверена, что это не отблеск свечей. «Хорошо, извольте, ревнуйте, завидуйте, – подумала она. – Завидуйте мне. Благо, есть чему завидовать».

– Да, он был всецело в моей власти.

– Возвращайся в постель, Геральт. Ведь не рассвело еще, черт побери!

– У меня контракт. Надо ехать в Помероль.

– Я не хочу, чтобы ты ездил в Помероль.

– У меня контракт, и я дал слово. Управляющий виноградниками будет ждать меня у ворот.

– Все твои вылазки на чудовищ глупы и бессмысленны. Что ты хочешь доказать, убивая в пещере очередное страшилище? Свою мужественность? Я знаю способы получше. Короче – возвращайся в постель. Не поедешь ты ни в какой Помероль. Во всяком случае, не так быстро. Управляющий может подождать, кто он такой, в конце концов, твой управляющий? Я хочу заниматься с тобой любовью.

– Прости. У меня на это нет времени. Я дал слово.

– А я хочу заниматься любовью!

– Если хочешь присутствовать при моем завтраке, начинай одеваться.

– Ты меня не любишь больше, Геральт. Ты меня больше не любишь? Ответь!

– Надень то перламутрово-серое платье, что с аппликациями из норки. Оно тебе очень к лицу.

– Он был всецело под моими чарами, исполнял любое мое желание, – повторила Фрингиля. – Делал все, чего я от него требовала. Так было.

– Да верим мы, верим, – невероятно сухо произнесла Шеала де Танкарвилль. – Продолжай.

Фрингиля кашлянула в кулак.

– Трудности были с его компанией, – снова заговорила она. – Странной шайкой, которую он называл дружиной. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, который все время приглядывался ко мне и краснел от натуги, пытаюсь меня припомнить. Но никак не мог, потому что в Дарн Дыффе, родовом замке его дедов, я бывала, когда ему было лет шесть или семь. Мильва, девица на первый взгляд задиристая и строптивая. Однако мне дважды довелось застать ее плачущей в уголке конюшни. Ангулема – ветреное дитя. И Регис Терзиефф-Годфрой. Тип, раскусить которого я так и не сумела. Вся эта шайка влияла на ведьмака, и я не могла этого нейтрализовать.

«Хорошо, хорошо, – подумала она, – не поднимайте так высоко брови, не кривите рты. Погодите. Это еще не конец. Вы еще услышите о моем триумфе».

– Каждое утро все они собирались на кухне в нижнем этаже замка Боклер. Кухарь любил их, сам не зная почему. Всегда что-нибудь подносил им настолько обильное и настолько вкусное, что завтрак обычно затягивался на два, порой и на три часа. Я не раз ела с ними вместе с Геральтом. Поэтому знаю, какие абсурдные разговоры они привыкли вести.

По кухне, опасливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы – одна черная, другая пестрая. Поглядывая на завтракающую компанию, куры склевывали с пола крошки.

Компания, как и каждое утро, собралась в дворцовой кухне. Кухарь любил их, неизвестно почему. Всегда у него находилось для них что-нибудь вкусненькое. Сегодня это были яичница, супчик на мучной закваске, тушеные баклажаны, кроличий паштет, половинка гуся и колбаса со свеклой, а ко всему прочему – большой кусок козьего сыра. Ели с аппетитом, в молчании. Не считая Ангулемы, которая молчать не умела.

– А я вам говорю: для начала устроим здесь бордель. А когда уже сделаем все, что надо сделать, вернемся и устроим дом разврата. Я осмотрела место. Здесь есть все. Одних только цирюлен насчитала девять да восемь аптек. А вот бордель всего один. И никакой конкуренции. Мы откроем более роскошный. Купим одноэтажный домик с садиком...

– Смилуйся, Ангулема.

– Исключительно для почтенной клиентуры. Я буду бордельмаман. Уверяю вас, мы зашибем здесь хорошие денежки и проживем не хуже шикарных господ. В конце концов меня изберут советницей, и тогда-то уж я вам наверняка не дам помереть, потому что как только меня изберут, так я изберу вас, не успеете и оглянуться...

– Ангулема, ну пожалуйста... Отведай бульон с паштетом.

Некоторое время стояла тишина.

– На что нынче охотишься, Геральт? Трудная работа?

– Очевидцы, – ведьмак поднял голову над тарелкой, – дают противоречивые описания. Следовательно, либо прыскирник, а значит, работа предстоит достаточно трудная, либо делихон, то есть – средней трудности, или же нажемпик, то есть – сравнительно легкая. А может выйти и так, что работа и вовсе легкая, потому что последний раз чудовищ видели перед Лам-масом прошлого года. Они могли перебраться из Помероля за тридевять земель.

– Чего им и желаю, – сказала Фрингиля, обглаживая гусиное бедрышко.

– А как там, – неожиданно переменял тему ведьмак, – у Лютика? Я видел его так давно, что все сведения о нем черпаю из распеваемых в городе пашквилей.

– У нас положение не лучше, – улыбнулся, не разжимая губ, Регис. – Знаем только, что наш поэт уже вступил с госпожой княгиней Анарьеттой в отношения столь близкие, что позволяет себе даже при свидетелях достаточно фамильярно именовать ее Ласочкой.

– Точненько бьет, – сказала с набитым ртом Ангулема. – У госпожи княгини действительно какой-то ласочкин нос. Не говоря уж о зубах.

– Идеальных людей не бывает, – сощурилась Фрингиля.

– Правда ваша, тетечка.

Куры, черная и пеструшка, обнаглели настолько, что принялись клевать башмаки Мильвы. Лучница отогнала их пинком и выругалась. Геральт уже давно приглядывался к ней. Теперь решился.

– Мария, – сказал он серьезно, даже сурово. – Я знаю, что наши беседы трудно назвать серьезными, а шутки – изысканными. Но тебе вовсе не обязательно демонстрировать нам столь уж кислую мину. Что-нибудь случилось?

– Именно что случилось, – сказала Ангулема. Геральт успокоил ее резким взглядом.

Слишком поздно.

– Да что вы знаете? – Мильва резко встала, чуть не повалив стул. – Ну, что вы знаете-то? Чтоб вас бес разорвал и холера! В задницу меня поцелуйте все вы. Все! Ясно?!

Она схватила со стола кубок, осушила до дна, потом, не задумываясь,хватила им об пол. И выбежала, хлопнув дверью.

– Дело очень даже серьезное, – подтвердил Регис. – Не ожидал я от нашей милой лучницы столь экстремальной реакции. Как правило, так ведет себя тот, кому, простите за вульгаризм,

дают от ворот поворот. Но в данном конкретном случае имело место явление, я бы сказал, обратного характера.

– О чем, гуль вас раздери, вы говорите? – занервничал Геральт. – А? Может, кто-нибудь скажет наконец, в чем тут дело?

– Не в чем, а в ком. В бароне Амадисе де Трастамаре.

– Рябомордом охотнике?

– В нем самом. Он признался Мильве в любви. Три дня назад на охоте. Он ее уже месяц как на охоту таскает...

– Одна охота, – Ангулема бесстыже сверкнула зубками, – продолжалась два дня. С ночевкой в охотничьем домике, понял? Даю голову на...

– Замолкни, девушка. Говори, Регис.

– Торжественно и формально он просил ее руки. Мильва отказала, кажется, в достаточно резкой форме. Барон казался человеком рассудительным, однако воспринял отказ как незрелый юноша, надулся и незамедлительно выехал из Боклера. А Мильва с тех пор ходит как пыльным мешком пришибленная.

– Слишком уж мы тут засиделись, – буркнул ведьмак. – Слишком.

– И кто это говорит? – произнес молчавший до тех пор Кагыр. – Кто это говорит?

– Простите. – Ведьмак встал. – Поговорим, когда вернусь. Управляющий виноградником Помероль ждет меня. А точность – вежливость ведьмаков.

После бурного бегства Мильвы и ухода ведьмака оставшиеся завтракали в молчании. По кухне, пугливо ступая когтистыми лапками, расхаживали две курицы, одна черная, другая пестрая.

– Есть у меня, – заговорила наконец Ангулема, поднимая на Фрингилью глаза поверх тарелки, которую протирала корочкой хлеба, – одна проблема.

– Понимаю, – кивнула чародейка. – Ничего страшного. И давно была последняя менструация?

– Да ты что! – Ангулема вскочила, переполошив кур. – Ничего похожего! Дело совсем в другом.

– Ну, так слушаю.

– Геральт хочет меня здесь оставить, когда отправится в дальнюю дорогу.

– Ого!

– Не перебивай меня, ладно? Я хочу ехать с ним, с Геральтом, потому как только с ним я не боюсь, что Одноглазый Фулько снова меня сцапает здесь, в Туссенте...

– Ангулема, – прервал ее Регис. – Не сотрясай попусту воздух. Мазель Виго слушает, но не слышит. Она занята только одним: отъездом ведьмака.

– Ого, – повторила Фрингилья, поворачиваясь к нему и сощуриваясь. – О чем это вы изволили упомянуть, господин Терзиефф-Годфрой? Отъезд ведьмака? И куда ж он отъезжает? Если можно знать?

– Может, не сегодня, может, не завтра, – мягко ответил вампир, – но в один из грядущих дней наверняка. Никого не обижая.

– Я не чувствую себя обиженной, – холодно ответила Фрингилья. – Разумеется, если вы имели в виду именно меня. Что же касается тебя, Ангулема, то будь спокойна: проблему отъезда из Туссента я с Геральтом обговорю. Ручаюсь, ведьмак примет к сведению мое мнение на этот счет.

– Ну конечно, – фыркнул Регис. – Я предчувствовал, я знал, что именно так вы и ответите, мазель Фрингилья.

Чародейка долго глядела на него, наконец сказала:

– Ведьмак не должен уезжать из Туссента. И если вы желаете ему добра, то не должны его к этому подталкивать. Где ему еще будет так хорошо, как здесь? Он купается в роскоши. Здесь у него есть его обожаемые чудовища, на которых он охотится, совсем неплохо на этом зарабатывая, тут живет его сподвижник – фаворит ее сиятельства княгини, сама княгиня благоволит ведьмаку. В основном из-за того суккуба, который раньше посещал альковы. Да-да, господа, Анарьетта, как и все высокородные дамы Туссента, невероятно рада присутствию здесь ведьмака. Ибо суккуб перестал навещать их супругов. Однозначно. Туссентские дамы скинулись на специальную премию, которую вот-вот внесут на счет ведьмака в банке Чианфанелли. Приумножая тем самым наличные, которые он там уже насобирал.

– Красивый жест со стороны туссентских дам. – Регис не опустил глаз. – Да и премия вполне заслуженна. Не так легко было устроить, чтобы суккуб перестал навещать. Можете поверить, мазель Фрингиля.

– И верю. Кстати, один из дворцовых стражников утверждает, что видел суккуба. Якобы. Ночью, на зубцах Башни Кароберты. В обществе другого упыря. Вроде бы – вампира. Демоны прохаживались, клялся стражник, и выглядели так, будто давно знакомы. Может, вам что-либо известно об этом, господин Регис? Не проясните ли?

– Нет. – У Региса даже веко не дрогнуло. – Не проясню. Есть многое на земле, небе и зубцах башен, что и не снилось нашим мудрецам.

– Такое, несомненно, случается, – кивнула головкой Фрингиля. – Относительно же того, что ведьмак якобы приготовился выезжать, возможно, вам известно что-нибудь больше? Ибо мне, к примеру, он ничего о своих намерениях не говорил, а, как правило, говорить привык обо всем.

– Само собой, – проворчал Кагыр. Фрингиля не обратила на это внимания.

– Так как, господин Регис?

– Нет, – после минутного молчания ответил вампир. – Нет, милсдарыня Фрингиля, не извольте беспокоиться. Ведьмак отнюдь не одаряет нас большим доверием или конфиденциальностью, нежели вас... госпожа. Он не нашептывает нам на ушко никаких секретов, которые скрывал бы от вас... госпожа.

– Тогда откуда же, – Фрингиля была холодна как мрамор, – эти сведения о выезде?

– Тут, понимаете ли, – у вампира и на сей раз не дрогнуло веко, – все совсем так, как в полной юношеского очарования поговорке нашей обожаемой Ангулемы: со временем наступает такой момент, когда надо либо срать, либо освободить сральню. Пардон... Иными словами...

– Не трудитесь продолжать, – резко оборвала его Фрингиля. – Вполне достаточно и этих, как вы изволили выразиться, полных юношеского очарования слов.

Молчание длилось. Куры, черная и пестрая, ходили и клевали что попало. Ангулема вытирала испачканный свеклой нос. Вампир задумчиво шуршал шкуркой от колбасы.

– Благодаря мне, – наконец нарушила молчание Фрингиля, – Геральт ознакомился с родословной Цири, известными лишь немногим линиями и тайнами ее генеалогии. Благодаря мне он знает теперь то, о чем еще год назад даже понятия не имел. Благодаря мне он обладает нужной информацией, а информация – это оружие. Благодаря мне и моей магической защите ему не угрожает вражеское сканирование, а значит – и наемные убийцы. Благодаря мне и моей магии колено у него больше не болит, и он может его безболезненно сгибать. На шее у него изготовленный моим искусством амулет, возможно, не столь совершенный, как тот, ведьмачий, но все же... Благодаря мне – и только мне – весной или летом, обладающий знанием, охраняемый, здоровый, подготовленный и вооруженный, он сможет начать борьбу с врагами. Если кто-либо из присутствующих сделал для Геральта больше, дал ему больше, пусть заявит об этом. Я охотно уступлю ему первенство.

Куры клевали башмаки Кагыра, но юный нильфгаардец, не обращая на них внимания, язвительно произнес:

– Действительно, никто из нас не давал Геральту больше, чем вы, госпожа.

– Я так и знала, что ты скажешь именно это!

– Не в том дело, мазель Фрингилья... – начал было вампир.

Чародейка не дала ему закончить.

– Тогда в чем? В том, что он спит со мной? Что нас связывает взаимная симпатия? В том, что я не желаю, чтобы он сейчас уезжал? Не хочу, чтобы его угнетало чувство вины? То самое покаянное чувство, которое толкает в дорогу вас?

Регис молчал. Кагыр тоже не произнес ни слова. Ангулема посматривала то на одного, то на другого, явно не очень понимая, о чем идет речь.

– Если то, что Геральт отыщет Цири, – сказала чародейка, – записано на скрижалях Предназначения, то так тому и быть. Независимо от того, отправится ли ведьмак в путь, или будет сидеть в Туссенте. Предназначение настигает людей. А не наоборот. Это вы понимаете? Вы понимаете это, господин Регис Терзиефф-Годфрой?

– Лучше, чем вы думаете, мазель Виго. – Вампир покрутил пальцами колбасную шкурку. – Но для меня, благоволите простить, Предназначение – не свиток, начертанный рукою Великого Демиурга, не воля Небес и не бесспорное решение какого-то там Провидения, а результирующая множества, казалось бы, не связанных между собой фактов, событий и действий. Я был бы склонен согласиться с вами в отношении того, что Предназначение настигает людей... и не только людей. Однако я не очень верю, будто не может быть и наоборот. Ибо такая точка зрения есть не что иное, как удобный фатализм, дифирамбы отупению и гнусности, перина, набитая пухом, и пленительное тепло женского лона. Короче говоря – жизнь во сне. А жизнь, госпожа Виго, может, и есть сон, может, и оканчивается сном... Но сие есть сон, который надобно «проснить» – простите за неологизм – активно. Поэтому, госпожа Виго, нас ждет дорога.

– Счастливого пути! – Фрингилья встала почти так же резко, как недавно Мильва. – Извольте! На перевалах вас ждут метель, мороз и... Предназначение. Как же, однако, зверски вы жаждете искупления! Путь свободен! Но ведьмак останется здесь. В Туссенте! Со мной!

– Полагаю, – спокойно возразил вампир, – что вы заблуждаетесь, госпожа Виго. Сон, коий снится сейчас ведьмаку, признаю это с поклоном, есть сон волшебный и прекрасный. Чарующий. Но любой сон, если он затягивается надолго, превращается в кошмар. А от такового мы пробуждаемся с криком.

Девять женщин, сидящих за огромным круглым столом замка Монтекальво, впились глазами в десятую, Фрингилью Виго. Фрингилью, которая неожиданно начала заикаться.

– Геральт выехал на виноградники Помероль восьмого января утром. А вернулся... Кажется, восьмого же ночью... Либо девятого к полудню... Этого я не знаю... Я не уверена...

– Более четко, – мягко попросила Шеала де Танкарвилль. – Пожалуйста, более четко, мазель Виго. А ежели какая-то часть рассказа вас смущает, можете ее просто-напросто опустить.

По кухне, осторожно вышагивая когтистыми лапами, ходила пеструшка. Пахло бульоном.

Дверь с грохотом распахнулась. В кухню ворвался Геральт. На покрасневшем от ветра лице красовался синяк и черно-фиолетовый струп засохшей крови.

– Давай, дружина, упаковывайтесь! – провозгласил он без лишних вступлений. – Выезжаем! Через час и ни минутой позже я хочу видеть всех вас на холме за городом, там, где стоит столб. С поклажей, в седлах, готовых к дальнему и трудному пути.

Сказанного было достаточно. Все как будто ожидали этого уже давно и так же давно были готовы.

– Я мигом! – крикнула, вскакивая, Мильва. – Я и за полчаса сберуся!

– Я тоже. – Кагыр встал, бросил ложку, внимательно глянул на ведьмака. – Но хотелось бы знать, в чем дело? Каприз? Любовники повздорили? Или и верно – дорога?

– Верно, дорога. Ангулема, ты что кривишься?

– Геральт, я...

– Не дрожи. Я тебя тут не брошу. Я переменял решение. За тобой, соплячка, нужен глаз да глаз. Едем, я сказал. Собирайся, приторачивайте вьюки. И по одному, чтобы и виду не подавать, за город, к столбу на холме. Через час там встречаемся.

– Обязательно, Геральт! – крикнула Ангулема. – А, курва, наконец-то!

Мгновение спустя на кухне остались только Геральт, курица-пеструшка да вампир, спокойно прихлебывающий бульон с клецками.

– Ждешь особого приглашения? – холодно поинтересовался ведьмак. – Почему сидишь, вместо того чтобы выучить мула Драакуля? И прощаться с суккубом?

– Геральт, – спокойно сказал Регис, зачерпывая добавки из супницы, – на прощание с суккубом мне достаточно того же времени, что тебе на расставание со своей чернулькой. Предположивши, что ты с вышеупомянутой чернулькой вообще намерен прощаться. А между нами говоря, ребятишек ты, конечно, мог отправить упаковывать вещички воплями, грубостью и пинками. Мне же полагается нечто большее, хотя бы учитывая мой преклонный возраст. Попрошу несколько слов объяснений.

– Регис...

– Объяснений, Геральт. И чем скорее, тем лучше. Я тебе помогу. Итак, вчера утром, в соответствии с договоренностью, ты встретился у ворот с управляющим виноградниками Помероль...

Алкид Фьерабрас, чернобородый управляющий виноградниками Помероль, с которым Геральт познакомился в «Фазанщине» в сочельник Йуле, ждал ведьмака у ворот с мулом, одет же и экипирован был так, словно им предстояло отправиться бог весть куда, чуть ли не на край света, аж за Врата Сольвейг и перевал Эльскердег.

– Это, и верно, не близко, – бросил он, узрев кислую мину Геральта. – Вы, милсдарь, пришли из большого мира, так вам наш маленький Туссент видится захолустьем, думаете, мол, тут от границы до границы шапкой докинуть можно, к тому же шапкой сухой. Так вот, ошибаетесь. До виноградников Помероль, а туда мы и направляемся, немалый кус пути, ежели мы к полудню доберемся, то, почитай, повезло.

– Стало быть, ошибка, – сухо проговорил Геральт, – что мы так поздно отправляемся.

– Оно, может, и ошибка. – Алкид Фьерабрас глянул на него и фукнул в усы. – Но я не знал, что вы из тех, кто прытко подымается чуть свет. Потому как у больших господ такое встречается нечасто.

– Я не большой господин. Ну, в путь, милсдарь управляющий. Не будем терять времени на пустую болтовню.

– Ну, прям-таки мои слова.

Чтобы сократить дорогу, поехали через город. Геральт сперва собрался протестовать: опасался заблудиться в незнакомых, забитых людьми улочках. Однако оказалось, что управляющий Фьерабрас прекрасно знал город и часы, когда на улицах не бывает толчеи. Они ехали быстро, не встречая никаких трудностей.

Въехали на рынок, миновали эшафот. И виселицу с повешенным.

– Опасная это штука, – кивком указал управляющий, – рифмы складывать да песенки распевать. Особоливо публично.

– Суровые тут принципы. – Геральт мгновенно сообразил, в чем дело. – В других местах за пашквили самое большее – позорный столб.

– Все зависит от того, на кого пашквиль, – резонно заметил Алкид Фьерабрас. – И как зарифмован. Наша милостивая госпожа княгиня очень добра и любима... но если уж взойдется...

– Песню, как говаривает один мой знакомый, не задушишь, не убьешь...

– Песню – да. Но песенника – вполне. Извольте. Вот доказательство.

Они пересекли город, выехали через Бочарные ворота прямо в долину реки Блессюры, быстрым потоком пенящейся на быстринах. Снег на полях лежал только в бороздах и межах, но было довольно холодно.

Мимо проехал рыцарский разъезд, направляющийся, вероятно, к перевалу Сервантеса, на приграничный пост Ведетту. В глазах рябило от намалеванных на щитах и вышитых на плащах и пополах грифов, львов, сердец, лилий, звезд, крестов, шевронов и прочей геральдической шелухи. Стучали копыта, полоскались знамена, гремела громкоголосая глупейшая песня о рыцарской доле и милашке, которая, вместо того чтобы ожидать, поспешила выскочить замуж.

Геральт взглядом проводил разъезд. Вид странствующих рыцарей напомнил ему о Рейнарте де Буа-Фресне, который только что вернулся со службы и восстанавливал силы в объятиях своей «мещаночки», муж которой, торговец, обычно не возвращался по утрам и вечерам, вероятно, задерживаемый где-то в пути взбухшими реками, полными зверья лесами и другими выкрутасами стихий. Ведьмак и не думал выдергивать Рейнарта из объятий любовницы, но искренне сожалел, что не отложил выполнение контракта с виноградниками Помероль на более позднее время. Он полюбил рыцаря, ему доставало его общества.

– Поехали, господин ведьмак.

– Поехали, господин Фьерабрас.

Поехали трактом вверх по течению речки. Блессюра извивалась и петляла, но мостиков было множество, так что удлинять путь за счет объездов не приходилось.

Из ноздрей Плотвы и мула вырывался пар.

– Как думаете, господин Фьерабрас, долго зима продержится?

– На Саовину был мороз. А пословица гласит: «Коль на Саовину мороз, нацепляй кулек на нос».

– Понимаю. А ваша лоза? Ей мороз не повредит?

– И холоднее бывало.

Поехали молча.

– Поглядите, – проговорил наконец Фьерабрас, – там, в котловине, лежит деревушка Лисьи Ямы. На тамошних полях, просто удивительно даже, горшки растут.

– Не понял?

– Горшки, говорю. Родятся в лоне земли, сами по себе, исключительное чудо природы, без всякой помощи человеческой. Как где в другом каком месте картошка либо репа, так в Лисьих Ямах горшки растут. Всяческого рода и всяческих конфигураций.

– Вы серьезно?

– Чтоб я так здоров был! Поэтому Лисьи Ямы устанавливают партнерские контакты с деревней Дудно в Мехте. Там, народ говорит, земля крышки для горшков рождает.

– Всяческого рода и конфигураций?

– Ну, прям в яблочко попали, господин ведьмак. В яблочко.

Поехали дальше. Молча. Блессюра шумела и пенилась на перекатах.

– А эвона там, гляньте, милсдарь ведьмак, руины древнего града Дун Тынне. Страшных сцен, если верить сказкам, насмотрелся этот град. Свидетелем, стало быть, был. Вальгериус,

которого называли Удалым, убил там кроваво и жестоко неверную жену, любовника оной, мать оной же, сестру оной же и оной же брата также. А потом сел и заплакал неведомо почему.

– Слышал я об этом.

– Так, значит, бывали здесь?

– Нет.

– Ну, стало быть, далеко сказка разносится.

– Прямо в яблочко попали, господин управляющий.

– А вон та, – указал ведьмак, – стройная башня, вон там, за тем страшным бургом? Что такое?

– Там-то? Храм.

– Какого божества?

– А кто ж его знает?

– И верно. Кто ж.

Ближе к полудню они увидели виноградники. Полого спускающиеся к Блессюре склоны холмов, ощетилившиеся ровно обрезанной лозой, сейчас диковинные и голые. На макушке самого высокого холма, овеваемые ветром, врезались в небо башни, толстый донжон и барбакан замка Помероль.

Геральта заинтересовала ведущая к замку дорога – наезженная, избитая копытами и ободьями колес не меньше, чем главный тракт. Видать, к замку Помероль с тракта частенько кто-то наведывался. Он воздержался от вопросов, пока не заметил близ замка несколько покрытых парусиной телег, солидных и крепких экипажей, используемых в дальних поездках.

– Купцы, – пояснил управляющий. – Виноторговцы.

– Купцы? – удивился Геральт. – Как так? Я думал, горные перевалы занесены снегом, а Туссент отрезан от мира. Каким же чудом прибыли сюда купцы?

– Для купцов, – серьезно сказал управляющий Фьерабрас, – нет плохих дорог, во всяком случае, для тех, кто по-серьезному относится к своему ремеслу. У них, милсдарь ведьмак, такой принцип: если цель привлекает, средство должно найтись.

– Действительно, – медленно проговорил ведьмак, – принцип очень меткий и достойный подражания. В любой ситуации.

– Несомненно. Но, сказать по правде, некоторые из купцов торчат здесь с осени, выехать не могут. Однако духом не падают, говорят, мол, ну и что, зато весной будем первыми, прежде чем конкуренты объявятся. У них это называется «мыслить позитивно».

– И против этого принципа трудно возражать, – кивнул Геральт. – Еще одно меня интересует, господин управляющий. Почему купцы сидят здесь, на отшибе, а не в Боклере? Илья княгиня не спешит предложить им гостеприимство? Может, брезгает купцами?

– Отнюдь, – возразил Фьерабрас. – Госпожа княгиня всегда приглашает их, они же вежливо отказываются. И живут при виноградниках.

– Почему?

– Боклер, говорят, сплошь пиры, балы, гулянки, попойки и любвишки. Человек, говорят, только паршивеет, дуреет и время тратит, вместо того чтобы думать об интересе. А мыслить след о том, что действительно важно. О цели, что светит. Неустанно. Не распыляя мыслей на какие-то там финтифлюшки. Тогда, и только тогда, можно намеченной цели достигнуть.

– Истинно, господин Фьерабрас, – медленно проговорил ведьмак. – Я рад нашей совместной поездке. Я многое обрел из наших бесед. Поверьте, многое.

Вопреки ожиданиям ведьмака, они не поехали к замку Помероль, а проследовали несколько дальше, на горб за котловиной, на котором возвышался очередной замочек,

поменьше размером и гораздо более запущенный. Замочек назывался Зурбарран. Предвкушение близкой работы радовало Геральта. Темный, обнесенный крепостной стеной с обрушившимися зубьями Зурбарран выглядел один к одному как зачарованные руины, несомненно, кишасшие чарами, дивами и чудовищами.

Внутри, во дворе, вместо призраков и чудовищ копошились несколько человек, поглощенных занятиями столь чародейскими, как перекачивание бочек, очистка досок и сбивание их же при помощи гвоздей. Несло свежим деревом, свежей известкой, несвежими кошками, прокисшим вином и гороховой похлебкой. Похлебку вскоре и подали.

Проголодавшиеся в пути, опаленные ветром, холодом, они ели охоче и молча. С ними потчевался похлебкой подчиненный управляющего Фьерабраса, представленный Геральту под именем Шимон Гилька. Прислуживали две светловолосые девушки с длинными, не меньше двух локтей, косами. Обе посылали ведьмаку взгляды столь красноречивые, что он решил как можно скорее покончить с похлебкой и заняться работой.

Шимон Гилька чудовища не видел. Как оно выглядит, знал исключительно с чужих слов.

– Черный был, пол-нет, как смола, но когда по стене полз, кирпичи скрозь ево видать было. Все одно, как желе был, пол-нет, господин ведьмак, или как бы, с твоего позволения, клей какой-то. А лапищи у ево предлинные и тонкие, и уйма тех лапищев при ем, восемь, а то и поболее даже. А Йунтек этак стоял-стоял и глазел, аж вконец стукнуло ево, и он заорал: «Сгинь, пропади!» И еще екзорцизму доложил: «Да чтоб ты сдох. Морда твоя, мать ее так-перетак!», тогда чудище прыг-прыг-прыг. Запрыгало, пол-нет, и только ево и видели. Сбегло в пропасти пещер. Тады парни так говорили: коли тут у вас чуды, так гоните повышение в оплате труда. Потому как здесь условия вредные для здоровья, а ежели не хотите, то мы в цех войдем с жалобой. Аль, говорят, деменстрацию устроим. А я им на то: ваш, говорю, цех может меня в задницу...

– А когда видели чудовище последний раз? – перебил Геральт.

– Дык недели две тому. Так где-то перед Йуле.

– Вы говорили, – ведьмак посмотрел на управляющего, – что перед Ламмасом.

Алкид Фьерабрас покраснел в местах, не прикрытых бородой. Гилька, тот, что Шимоном звался, фыркнул.

– Стал-быть так, господин управляющий: ежели хотите управлять, требуется почашее к нам ездить, а не токмо в Боклере в конторе задницей табуретки полировать. Так я думаю...

– Не интересуют меня ваши мысли, – прервал Фьерабрас. – О чудовище говорите.

– Дык я уж выговорил. Все чево было.

– Жертв не было? Ни на кого оно не нападало?

– Не-а. Однако в позатом годе пропал у нас один парнишка без вести, пол-нет? Некоторые болтали, мол, энто чудище ево в пещеры уволокло и сожрало. Другие же, что никакое не чудище, а тот парнишка по собственной надумке гикнулся, и все из-за долгов и элементов. Потому как он, пол-нет, в кости игрывал жуть, а до того еще пузо надул мельничихе, а та мельничиха в суд побегла, а судья повелел парнишке элементы платить.

– Ни на кого больше, – безжалостно прервал рассуждения Геральт, – чудовище не нападало? Никто другой его не видел?

– Не-а.

Одна из девушек, подливая Геральту местного вина, проехала ему грудью по уху и многообещающе подмигнула.

– Пошли, – быстро сказал ведьмак. – Нечего лясы точить да время терять. Проводите меня в подвалы.

Амулет Фрингильи, как это ни печально, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В то, что оправленный в серебро и отшлифованный хризопраз заменит его ведьмачий медальон с

волчьей головой, Геральт не верил вообще. Впрочем, Фрингиля вовсе на этом и не настаивала. Однако заверяла с большой убежденностью, что после подстройки к психике ведьмака амулет будет способен на многое, в частности, сможет предупреждать о возможных опасностях.

Однако то ли волшебство Фрингили не удалось, то ли Геральт и амулет сильно расходились в понимании того, что следует считать опасностью, а что нет, во всяком случае, хризопраз едва ощутимо дрогнул, когда, направляясь в подвалы, ведьмак перешел дорогу большому рыжему коту, который, задрав хвост, шествовал через двор. Впрочем, сам кот, видимо, получил все же какой-то сигнал от амулета, ибо сбежал, дико мяуча.

Когда же ведьмак спустился в подвалы, медальон то и дело нервно вибрировал, причем в ямах сухих, прибранных и чистых, в которых единственной угрозой были вина в огромных бочках. Тому, кто, забыв о самоконтроле, улегся бы, раскрыв рот, под шпунтом, угрожал сильный перепой. И ничего больше.

Однако медальон даже не шелохнулся, когда Геральт покинул рабочую часть подвалов и спустился ниже по лестнице и ходкам. Ведьмак уже сообразил, что под большинством виноградников Туссента располагались древние шахты. Было ясно, что, когда саженцы лозы начали плодоносить и приносить хорошую прибыль, эксплуатацию шахт прекратили, а сами выработки забросили, частично приспособив штреки и ходки под винные погреба и подвальчики. Замки Помероль и Зурбарран стояли над древними сланцевыми лавами. Здесь все было изрыто шурфами и приямками – достаточно минутной невнимательности, чтобы оказаться на дне одного из них со сложными переломами. Часть шурфов прикрыли прогнившими уже досками, которые под присыпавшей их сланцевой пылью почти не отличались от почвы. Неосторожно ступать на такое перекрытие было опасно, о чем, по идее, медальон и должен был предупреждать. Но не предупреждал.

Не предупредил он также, когда из навала сланца, в каких-то десяти шагах от Геральта, выскочила серая размытая фигура, заскребла почву когтями, дико подпрыгнула, пронзительно взвыла, а затем с визгом и хохотом помчалась по штрекам и нырнула в одну из зияющих в стене ниш.

Ведьмак выругался. Магическая штучка кое-как еще реагировала на рыжих кошек, но оставляла без всякого внимания гремлина. «Придется поговорить об этом с Фрингильей», – подумал Геральт, подходя к нише, в которой скрылось существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.